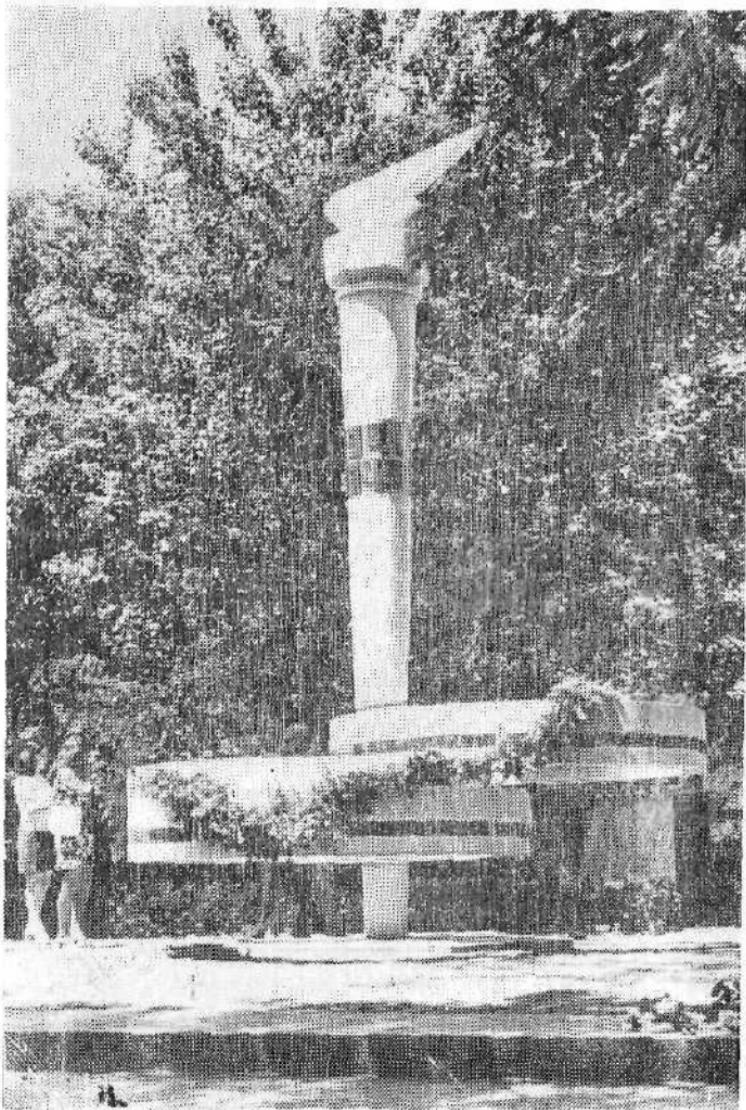


В. Д. ЛЕСЕВ

# ДОЛГ ПАМЯТИ





В. Д. ЛЕСЕВ

# ДОЛГ ПАМЯТИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»  
НАЛЬЧИК · 1983

ББК 74.58 (2Р—6К—Б)  
378.9 (С 164)  
Л 501

Лесев В. Д.

Л 501      Долг памяти.— Нальчик : Эльбрус, 1983.-  
144 с.

В пер.: 25 к. 2000 экз.

В книге рассказывается о судьбах студентов и преподавателей Кабардино-Балкарского педагогического института (ныне КБГУ), сражавшихся с гитлеровскими захватчиками и само верженно трудившихся в тылу в грозные годы Великой Отечественной войны.

Л 0164-044  
М 125 (03)-83 8-83

4702220000

ББК 74.58 2Р—6К—  
378.9 {С 164}

© Издательство «Эльбрус», 1983

---

## ОТ АВТОРА

К 30-летию Победы республиканским книжным издательством «Эльбрус» был выпущен сборник документальных очерков «Поиск продолжается» о судьбах студентов, выпускников, сотрудников и преподавателей Кабардино-Балкарского государственного педагогического института, кому в суровые годы Великой Отечественной войны с оружием в руках довелось отстаивать честь и независимость нашей Родины. Книга явилась итогом многолетней кропотливой поисковой работы, которую вели следопыты КБГУ, и восполнила важную страницу в истории вуза.

Вместе с тем сборник документальных очерков не мог претендовать на исчерпывающую полноту освещения фактов и событий, к которым причастны были воспитанники вуза. Да и невозможно было собрать сведения обо всех, так как архивы института тех лет были уничтожены в годы войны. Перед автором сборника стояла нелегкая задача: перепроверяя отдельные факты десятки раз, отобрать наиболее яркие и убедительные, дать представление об источниках и природе становления личности, передать дух той среды, которая формировала высокие идеалы служения Родине и народу. Поэтому, естественно, автора беспокоила мысль: как встретит книгу читательская общественность? То, что после выхода в свет она не залежалась на книжных прилавках и быстро разошлась, событие приятное, но не решающее. Главное заключалось в письмах и отзывах, которые пришли автору, в издательство, появились в периодической печати.

Свое мнение о сборнике высказали и следопыты-школьни-

ки, и учителя школ, и преподаватели профессионально-технических училищ, техникумов и вузов, и ветераны войны, и научные работники. Судя по откликам, книга нашла читателя. В письмах не только положительно оценен труд автора, но и сделан целый ряд предложений о продолжении поиска, расширении и углублении его, с тем чтобы названы были новые имена героев. Отрадно, что живые свидетели тех событий, положительно оценивая появление книги, высказали ряд замечаний, касающихся товарищей, с которыми им довелось учиться, работать и участвовать в боях. В этой связи хотелось бы сослаться на отрывок из письма журналиста Магомета Настуева, который писал: «...главное достоинство книги заключается в том, что в ней зримо отражено проявление молодежью вуза высокого патриотизма, верности и преданности партии и Родине в годы тяжких испытанийвойной. Книга — не только рассказы о героях, они предстают перед нами такими, какими мы знали их в годы юности,—но и живая связь с современностью, с задачами воспитания нынешнего поколения студенчества на славных трудовых и боевых традициях своих предшественников, геронического советского народа».

Иван Васильевич Овчаренко, ветеран войны, журналист, автор документальной повести о боевом пути 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса, в рядах которого сражался воспитанник нашего вуза Герой Советского Союза Г. А. Оганянц, писал из Ростова: «...насколько мне известно, «Поиск продолжается» — первый опыт на Северном Кавказе рассказа об участии вузовского коллектива в войне. Опыт удачный. Книга — замечательный памятник павшим в боях и оставшимся в живых, богатый источник для воспитания молодежи».

Среди писем, полученных мною после выхода книги, немало и таких, в которых содержатся новые имена ранее безвестных героев, яркие факты событий тех огненных лет, многочисленные просьбы продолжить рассказ о воспитанниках вуза, храбро сражавшихся на фронтах Великой Отечественной. Этому немало способствовала опубликованная в «Кабардино-Балкарской правде» рецензия на книгу литературного критика Мусарби Сокурова. «...Читаешь книгу — перед тобой... люди,— говорилось в ней,—

в чьих судьбах препомнилась целая эпоха в истории страны. За микрорамками ее беспредельная география подвига всего нашего народа.. Перелистыв последнюю страницу книги, невольно думаешь: а сколько еще неизвестных земляков совершили такие же подвиги, ждущие своего открытия?! И хочется посоветовать автору не изменить названию своей книги: пусть продолжается поиск, ибо, судя по многочисленным откликам из разных краев страны, его работа получила широкое звучание и вызвала у многих героев и их близких чувство благодарности за сделанное и наказ не прекращать работу».

Нельзя было не откликнуться на все эти пожелания. Долг памяти перед величием подвига, совершенного воспитанниками вуза в годы войны, и продиктовал новую книгу.

---

## ПОХОД ДЕВЯТНАДЦАТИ

В 1935 году состоялась массовая альпиниада Кабардино-Балкарии, вошедшая в историю советского спорта как «альпиниада пятисот». На седые вершины двуглавого Эльбруса поднялось пятьсот колхозников. В восхождении принимал участие и первый секретарь областного комитета партии Бетал Эдыкович Калмыков.

Успешное проведение столь крупного по тем временам спортивно-массового мероприятия послужило важным стимулом для развития высокогорного туризма и альпинизма в республике. Активизировала свою деятельность и секция туризма Кабардино-Балкарского педагогического института. Уже летом 1936 года в честь первого выпуска вуза был организован и проведен многодневный поход девятнадцати студентов через перевалы Центрального Кавказа в Сванетию и к Черному морю.

Вспоминая о походе, бывший его политрук Петр Иванович Антипов писал из Краснодара: «Идея первого многодневного похода принадлежала очень инициативному и деятельности секретарю комитета комсомола института Корнею Махошеву. Умелый организатор, настоящий вожак студенческой молодежи, Корней жил ее интересами. Ведь это при его активнейшем участии группа студентов института, находившиеся в то время в Пятигорске, в числе первых была

принята в Пятигорский аэроклуб и удостоена значков «Парашютист СССР». В те годы я возглавлял студенческий профком и должен сказать, что нам с Корнеем пришлось немало приложить сил для того, чтобы идея о походе была реализована. Требовалось не только детально продумать маршрут, возможности его прохождения и подобрать участников, но и изыскать средства по материальному обеспечению, приобрести снаряжение и т. п. А в те годы решение этих задач было делом нелегким.

И все же наш план был одобрен и принят партийным бюро и дирекцией института. Готовились мы к походу целый год. Принцип отбора участников был строжайшим. В поход могли пойти только лучшие из лучших по учебе, активные общественники, спортсмены и участники художественной самодеятельности. Высокая дисциплинированность, умение преодолевать любые трудности, быть хорошо физически тренированным — вот те требования, которые предъявлялись при отборе. Осложнения возникали еще и потому, что очень многие студенты достойны были быть включенными в состав группы, желающих было сверх всяких ожиданий, а пойти могло всего двадцать...»

Наступила летняя сессия тридцать шестого года, и по ее результатам окончательно было решено, кому представлять институт в походе. Руководителем похода утвержден был Корней Махошев, политруком — Петр Антипов и комсоргом — Нуна Гаунов. В группу входило пять девушек и четырнадцать юношей. Состав был многонациональным. Среди участников похода были русские, кабардинцы, балкарцы, осетины, тат, черкес и даже зырянка, Шура Жакова.

В Баксанском ущелье на одной из туристских баз проходил последний этап подготовки к походу. Неделю студенты учились азбуке высокогорных походов, проходили акклиматизацию и осваивали альпинист-

ское снаряжение. А потом был поход через перевал. «...Величие и красота Кавказских гор воспета многими поэтами. Но надо один раз взглянуть на них с высоты птичьего полета, чтобы сохранить впечатление об увиденном на всю жизнь. Видимо потому из всех событий периода студенчества и вспомнился мне тот памятный поход,— писал Петр Иванович.— Потом была Верхняя Сванетия. Сердечная встреча со сванами вылилась в настоящий праздник интернациональной дружбы. Мои друзья читали стихи, пели песни, исполняли танцы не только народов Кавказа, но и всей страны. Гостеприимные хозяева вовлекли нас всех в какой-то массовый национальный танец, и мы старались по мере своих способностей как можно дольше держаться в круге.

Памятна и еще одна деталь. В те годы через Лакпарский перевал в Грузию дороги еще не было. В Сванетию на вьюках были доставлены детали и в Местии собран первый автомобиль. Считалось весьма почетным прокатиться на нем. К удовольствию нашему и хозяев на этой первой в Сванетии автомашине прокатились все участники похода. Дальнейший наш путь лежал в Грузию и к Черному морю. После трудного пути в Батуми с пляжа даже в дождь не хотели уходить мои друзья по походу. Но вот окончили мы институт. Работа, а потом война разбросали нас по свету. Где сейчас те, кто в тридцать шестом году принимал участие в походе девятнадцати? Как сложились их судьбы? Очень хотелось бы знать, что известно Вам. Напишите о моих друзьях.

Коротко о себе. Всего год после института учительствовал. В 1938 году был направлен на партийно-политическую работу в армию. Преподавал в училище, был секретарем партбюро курсантского полка, секретарем парткомиссии училища. Воевал под Сталинградом и на Кубани. Был тяжело ранен. Лежал в госпита-

ле в Краснодаре. Там меня и разыскала жена Ольга Прокофьевна, которая также окончила наш пединститут и в годы войны прошла фронтовыми дорогами от предгорий Кавказа до западных границ. Мы так и остались в Краснодаре. Учительствовали до ухода на пенсию. А связи с друзьями по учебе в институте потеряли...»

Мне очень хотелось ответить на письмо Петра Ивановича. Но тогда сделать этого я не мог только потому, что не располагал никакими сведениями об участниках похода. Попытки разыскать родственников Корнея Махошева не увенчались успехом, хотя, как впоследствии выяснилось, один из них работал рядом со мной, в университете.

Помог случай. Студентка пединститута тех лет Латифа Гиссона Гаунова сохранила фотографию участников похода и любезно предоставила ее нам. Уже первое знакомство со снимком заставило меня приятно удивиться. Среди участников похода оказались хорошо знакомые мне товарищи: профессор кафедры русской литературы КБГУ Илья Васильевич Трекков, работник Министерства торговли республики Алексей Моисеевич Израилов, директор Нальчикской средней школы № 4 (ныне персональный пенсионер) Джабраил Тазретович Макоев, методист республиканского института усовершенствования учителей (ныне персональный пенсионер) Евгений Иванович Воронков.

С их помощью легче стало вести поиск. А о судьбах участников похода выяснилось следующее.

Прежде всего о руководителе похода Корнеем Махошеве. Стало известно, что после окончания института Махошев некоторое время работал заместителем директора республиканского Дворца пионеров, потом был призван на срочную службу в армию, окончил военное училище и принимал участие в обороне Москвы. О дальнейшем пути танкиста Махошева крас-

неречиво рассказывают его фронтовые письма, которые бережно хранит сестра Тамара Табишиева Шикова, заведующая кафедрой всеобщей истории нашего университета.

О ратном подвиге Корнея Махошева и его фронтовых письмах рассказано в третьей книге «Боевая слава Кабардино-Балкарии».

В годы Великой Отечественной храбро сражались с немецко-фашистскими захватчиками и другие участники похода. Но, по всей вероятности, одному из первых довелось принять бой Иллариону Якобчуку, который армейскую службу проходил в 168-м отдельном саперном батальоне, находившемся в Кольно Белостокской области, и последнее письмо от него жена и сыну датировано 27 мая 1941 года.

— Кадровую службу,— вспоминает Джабраил Тазретович Макоев,— начал я в пулеметной роте третьего батальона 125-го стрелкового полка 6-й Краснознаменной стрелковой дивизии в Бресте. За несколько дней до начала войны нас вывели в летние лагеря для проведения учебных стрельб. Поэтому в Брестскую крепость я попал только через 25 лет с экскурсией учащихся четвертой школы. Там сражались до последнего патрона многие мои однополчане. Мы же с боями отходили к Мухавцу, не раз попадали в сложные ситуации, дрались в полном окружении, но не уронили чести и славы своей дивизии. Несколько позже дивизия наша вошла в состав 13-й армии и в ней прошла дорогами наступлений до самой Праги...

— А не довелось ли в годы службы в армии встречаться со своими товарищами по учебе в институте? — спросил я его.

— Почему же? В Бресте встречался с Султаном Баучиевым, выпускником лингвфака. На армейских соревнованиях встречал Гранта Оганьянца — нашего институтского спортивного кумира. Он служил в сорок

второй дивизии, которая дислоцировалась также в Бресте. Но эти встречи были незадолго до войны.

— А из участников похода?

— Вы знаете, участников похода хорошо помню. Но на фронте никого не встречал. Очень жаль, что с некоторыми из них теперь уже невозможно встретиться,— он на какое-то мгновение умолк, а потом продолжил: — Прежде всего несколько слов хотелось бы сказать о Хабиже Кумахове. Это был не только один из первых двенадцати математиков, выпущенных нашим институтом в 1937 году, это был хороший и надежный товарищ, отличный спортсмен. Вместе со студентом исторического факультета Илларионом Якобчуком посещал Хабиж Пятигорский аэроклуб, был награжден значком «Парашютист СССР». В те годы это считалось большим достижением. В походе Хабиж — образец дисциплинированности и выносливости. У него учились мы выдержке. Уже после войны узнал я, что воевали мы с ним совсем рядом в одной и той же армии...

И Джабраил Тазретович стал рассказывать о том, как в 1943 году он в составе 13-й армии находился севернее Орла, где, как и в районе всего Курского выступа, ожидали наступления противника. Наши войска, готовясь к отражению врага, создавали мощную оборону по всей линии фронта, сюда спешно подтягивали резервы — пехоту, артиллерию, танки...

Прервав рассказ Джабраила Тазретовича, я сообщил ему о том, что именно в мае 1943 года в состав 13-й армии в район Понырея прибыла 307-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора М. А. Еншина. Командиром роты 1019-го стрелкового полка дивизии был капитан Х. М. Кумахов. Заняли они небольшой участок обороны на рубеже севернее Понырея. 16 июня 1943 года Хабиж Кумахов писал жене в Урвань, что много времени приходится уделять

боевой учебе, что особых новостей нет, часть их находится в обороне, которую они изо дня в день совершенствуют и укрепляют.

— Да, в те дни находились мы с Хабижем совсем рядом, но, к сожалению, так и не встретились,— продолжал свои воспоминания Джабраил Тазретович.— Накануне сражения ночь выдалась на редкость ясной и тихой. Даже птицы и те притихли. Все вокруг погрузилось в безмолвие, притаилось в напряженном ожидании. Однако на огромном фронте в эту ночь никто не спал. В 2 часа 20 минут 5 июля вздрогнула земля. «Заговорили» сотни орудий и минометов. Слились воедино разрывы реактивных снарядов знаменитых «катюш», взрывы тяжелых дальнобойных снарядов, мин и авиационных бомб. Гул стоял такой, что, казалось, извергается вулкан. Только в 4 часа 30 минут противник начал ответные активные действия. Появилась авиация, ударила вражеская артиллерия. На нашу оборону враг бросил танки и пехоту. Ожесточенный бой длился более пятнадцати часов, пять яростных атак сумели отразить наши войска...

«...Особенно мужественно дрались,— писал спустя годы Маршал Советского Союза Г. К. Жуков,— воины 307-й дивизии генерала М. А. Еншина и 3-я артиллерийская истребительная противотанковая бригада В. Н. Рукосуева».

Поныри являлись очень важным узлом обороны Центрального фронта. Дело в том, что, владея этим узлом, советские войска перехватывали железную дорогу Орел—Курск и имели возможность наносить фланговые удары по противнику, наступавшему на Малоархангельск и Ольховатку. Поэтому немецко-фашистское командование ставило задачу: во что бы то ни стало захватить Поныри.

6 июля на узком участке фронта в районе Поныри—Сборовка противник ввел в бой около ста тан-

ков. Шли они эшелонами. От взрывов бомб, снарядов и мин, от грохота орудий и танков сотрясалась земля. В ожесточенной схватке с врагом советские воины выстояли и не дали возможности прорвать нашу оборону.

Тогда, перегруппировав свои силы, на рассвете 7 июля противник бросил танковые и механизированные части на оборону 307-й стрелковой дивизии.

В первом эшелоне шли «тигры», «пантеры» и «фердинанды». За ними средние и легкие танки, затем мотопехота на бронетранспортерах и в пешем строю. При подходе к переднему краю тяжелые танки пропускали вперед средние и легкие машины с пехотой, поддерживая их своим огнем. Нет, не дрогнули воины 307-й стрелковой! Пропустив вражеские машины через передний край (они знали, что артиллеристы займутся ими в тылу), все внимание сосредоточили на живой силе противника. Требовалось заставить мотопехоту оторваться от танков. Эта нелегкая задача порой решалась в рукопашных схватках. И там, где было всего труднее, в полосе обороны своей роты, бойцы видели мужественную фигуру капитана Кумахова с автоматом в руках.

Как только удалось отбить атаку и от артиллерийского огня в тылу запылали прорвавшиеся танки, по-веселили лица бойцов, прибавилось уверенности. Окрыленные первым успехом, полки 307-й дивизии сумели в первой половине дня отбить пять яростных атак противника. И все же два его батальона, поддержаные пятьюдесятью танками, ворвались на северо-западную окраину Понырей. 1019-му стрелковому полку была поставлена задача ударом с фланга контратаковать вражеские батальоны. Совместно с артиллеристами задача эта была успешно выполнена, ударная группировка противника уничтожена, и положение на этом участке восстановлено.

Далеко не все воинские части и подразделения называны в многотомной «Истории Великой Отечественной войны». Но о несгибаемой стойкости, о проявленном массовом героизме бойцов и командиров 307-й стрелковой дивизии в сражении 7 июля 1943 года там говорится: «Во второй половине дня над полем боя появилась фашистская авиация, которая начала интенсивно бомбить передний край. Под ее прикрытием противник вновь перешел в атаку на Поныри. Ценой огромных потерь ему удалось кое-где продвинуться, но овладеть этим пунктом он не смог. Натиск врага продолжался до конца долгого июльского дня. Когда над степью стал опускаться вечер, он не принес перерывы: немецко-фашистское командование бросило в сражение еще два полка пехоты и 60 танков». Горела земля, плавился металл. В этом бою смертью храбрых пал командир роты 1019-го стрелкового полка 307-й стрелковой дивизии капитан Хабиж Машевич Кумахов.

Последняя открытка, которую получили от Хабижа в Урвани, пришла, когда его уже не было в живых. 8 июля 1943 года в селе Прилеты с воинскими почестями были преданы земле погибшие герой битвы у Понырей.

А сражение на Огненной дуге продолжалось. И закончилось оно таким поражением противника, от которого он уже не мог прийти в себя до конца войны.

...Не знали тогда друзья по походу и о том, что совсем рядом сражался их комсорг Нуна Гаунов. В одном из писем в Кабардино-Балкарский обком партии он писал: «В первый же день жестокого боя под Орлом я был награжден орденом Красной Звезды. Высокая награда воодушевила меня. Через пять дней командование вторично представило меня к награж-

дению — орденом Красного Знамени. Одновременно мне присвоено звание майора. Клянусь еще крепче быть немцем, пусть фашисты почувствуют, что такое месть кавказца». До польского города Швибус дошел майор Гаунов. Был комендантом этого города. Сохранилась красочно оформленная благодарность городского комитета Польской Рабочей партии советскому коменданту по случаю первой годовщины Победы над немецко-фашистской Германией, датированная 9 мая 1946 года.

С заслуженным учителем школы КБАССР, отличником народного образования Евгением Ивановичем Воронковым мы знакомы много лет. Я знаю его как большого друга и однокурсника Гранта Оганьянаца, как спортсмена, не раз защищавшего честь республики по волейболу на крупных соревнованиях. После окончания химико-биологического факультета он учителяствовал вместе со своей женой Марией Семеновной, ныне заслуженной учительницей школы РСФСР, в средней школе селения Кызбурун I. В годы войны принимал участие в боях на Волховском и 3-м Прибалтийском фронтах. Награжден. После войны был завучем нальчикских средних школ № 7 и 4, заведующим кабинетом и методистом Кабардино-Балкарского института усовершенствования учителей. Сейчас на заслуженном отдыхе.

Его друг по походу и учебе Алексей Моисеевич Израилов еще в годы студенчества, работая в пионерских лагерях, слыл одним из лучших культорганизаторов. Не думал Алексей, что вскоре надолго станет офицером. Но грянула война, и выпускник Орджоникидзевского училища стал тогда в боевой строй. Ратный его путь отмечен орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды и медалями. Работая в партийных и советских органах, Алексей Моисеевич Израилов сохранил на всю жизнь такт и внимательность,

доброту и щедрость души пионервожатого и армейского политработника.

Осенью 1972 года в Тбилиси проходила Всесоюзная научная конференция по проблемам теории фольклора, организованная Академией наук ССР и Академией наук Грузинской ССР. Информация о начале конференции была опубликована в республиканской печати. В ней говорилось об участниках конференции и, в частности, упоминалось имя профессора И. В. Треккова из Кабардино-Балкарии. Буквально на второй день в гостиницу, где размещались участники конференции, пришел мужчина, который искал встречи с Трекковым. Встреча эта состоялась. Так через много лет нашел солдат своего командира, вместе с которым ему довелось защищать в годы войны советское Заполярье.

Александру Петрову, рабочему чаеводческого совхоза близ Тбилиси, и профессору Илье Васильевичу Треккову вспомнилось многое. Вспомнили однополчан, которые заплатили жизнью за то, чтобы не допустить немецко-фашистских захватчиков к северным воротам страны — Мурманску, трудные дни первых боев, радости и печали фронтовых будней по 68-му стрелковому полку 52-й стрелковой дивизии. Позже Илья Васильевич принял участие в Сталинградской битве, был ранен. Кавалер орденов Отечественной войны II степени и Красной Звезды, многих медалей в годы мира стал ученым. Широкой научной общественности известны его работы по фольклорным связям Северного Кавказа, творческому содружеству и взаимовлиянию культур народов многонациональной Страны Советов. Таков путь одного из участников похода девятнадцати.

Из пяти участниц похода мне довелось встретиться только с одной — Ниной Жанситовой Шибзуховой.

Она хорошо помнит своих подруг Лиду Крымову, Шуру Жакову, Иру Умнову и Тоню Захарову. А вот где они теперь, ей неизвестно \*. В Пятигорске учителяствовала Захарова, в районах республики работали Крымова и Умнова. Но связь с ними потерялась. О себе Нина Жанситовна скромно так сообщала, что работала как и все. Но вот памятный адрес, который ей подарили благодарные ученики и коллеги по работе, когда уходила она на отдых: «Так заведено,—говорится в нем,— что трудовая жизнь человека измеряется добрыми делами, теплым и сердечным отношением к людям. Тридцать пять лет жизни отдали Вы благородному делу воспитания и обучения подрастающего поколения. В числе первых Вы получили образование в Ленинском учебном городке и окончили Карабудино-Балкарский государственный пединститут. За эти годы в школах, в педагогическом училище, в институте усовершенствования учителей все свои знания и умение отдавали на то, чтобы Ваши воспитанники были достойными великой Страны Советов. Сердечное спасибо Вам, уважаемая Нина Жанситовна, за все светлое и хорошее, что посеяно Вами на ниве народного образования».

Поход девятнадцати студентов пединститута не вошел в историю достижений советского спорта, но он положил начало активной деятельности вузовской секции высокогорного туризма и альпинизма, из которой вышло немало известных не только в республике, но и за ее пределами мастеров альпинизма. Поход явился хорошей проверкой моральных и физических качеств его участников, большинство из которых вскоре

---

\* Как стало известно, Александра Ивановна Жакова живет и работает в Даугавпилсе — кандидат филологических наук, доцент пединститута.

выдержало с честью серьезный экзамен, с оружием в руках на фронтах Великой Отечественной войны защищая честь и независимость социалистической Родины.

## КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ

Фотографии этой больше сорока лет. И появилась она среди других документов, когда шла подготовка к встрече выпускников пединститута. Не помню уже, кто подсказал, что на снимке состав студпрофкома тех далеких лет и что многое можно выяснить у Марии Михайловны Малько. Я последовал этому совету. Встретился с Марией Михайловной, сообщил ей о цели своего визита и показал фотографию. Некоторое время она молча разглядывала снимок. По выражению лица можно было судить, что встреча со старой фотографией взволновала ее и многое вызвала из памяти.

— Как молоды мы были! — наконец произнесла она, перевела взгляд на меня, улыбнулась и продолжила: — С возрастом, видимо, все мы становимся немножко сентиментальными. Ведь это слова из известной песни. Помню ли я этих товарищей? Да разве можно их забыть! Хажисет Маирова. Первокурсницей избрали ее в состав студпрофкома. Энергичная, деловая, непременная участница всех спортивных соревнований в институте. Если память мне не изменяет, то не раз завоевывала она победы по стрельбе и легкой атлетике. В то время на биологическом факультете, который она представляла, немало было отличных спортсменов. Ее однокурсника Гранта Оганьянца знали не только в республике, но и за ее пределами. В студпрофкоме Хажисет возглавляла сектор студенческого быта и благодаря ее неутомимой деятельности

многое в ту пору делалось по созданию уюта в общежитиях и по организации досуга молодежи. После окончания института Хажисет Кантемировна, уже Мзокова, некоторое время учительствовала в школе, а потом свыше тридцати лет трудилась в Нальчикском педагогическом училище. Не одно поколение выпускников этого старейшего в республике учебного заведения с благодарностью вспоминает ее уроки, уроки жизни, высокой требовательности и душевной теплоты.

Как выяснилось из дальнейшего рассказа Марии Михайловны, рядом с Хажисет — Петр Еськов. Человек широкой натуры, веселого нрава, организатор студенческих шахматных баталий. «Изобретатель» — так шутя называли его друзья за попытки усовершенствовать учебные приборы. В студпрофкоме представлял он коллектив студентов первого набора учителяского института. Собственно, благодаря Еськову и появилась эта фотография. Состав студпрофкома избирался, когда институт находился еще в Пятигорске. В 1937 году предстояло переезжать в новое здание в Нальчике. А так как Еськов заканчивал математическое отделение, то он расставался и со студпрофкомом и с институтом. Было это в тот день, когда он сдал последний госэкзамен. По его настоянию собрались друзья перед фотообъективом, и он запечатлел дружный состав студпрофкома.

Мирный труд школьного учителя прервала война. Петр Иванович Еськов воевал, отмечен нескользкими боевыми наградами. После победы вернулся к любимому делу. Годы восстановления народного хозяйства хорошо памятны учителям. С большими трудностями создавались школьные кабинеты и лаборатории. Применив всю свою изобретательскую смекалку, Петр Иванович в одной из пятигорских школ создал такой физический кабинет, известность которого перешаг-

нула границы Ставропольского края. О его опыте рассказывалось в сборнике, выпущенном в пятидесятых годах краевым институтом усовершенствования учителей. За большую работу на ниве народного образования учитель-фронтовик удостоен знака «Отличник просвещения».

В центре — Григорий Мирзабеков. Талант организатора сочетался в нем с удивительной работоспособностью. Студенты 30-х годов представляли собой довольно пеструю аудиторию как по уровню образования, так и по возрасту. Наряду с 20-летними юношами и девушками на студенческую скамью садились люди с большим жизненным опытом в возрасте далеко за тридцать. В короткий срок требовалось ликвидировать пробелы в образовании у значительной части студентов, выполнить учебные планы и подготовить отличных специалистов. В центре внимания работы студпрофкома находились вопросы учебы, дисциплины, посещаемости и быта. Как сделать так, чтобы, несмотря на имеющиеся трудности с литературой и учебниками, повышалась успеваемость? На щит поднимались отличники учебы. Их награждали грамотами, присваивали звание ударников пятилеток, зачисляли на повышенные стипендии, проводились слеты отличников. Григорий был заместителем председателя студпрофкома. Возглавлял он академический сектор и небезуспешно. По его инициативе и при активном участии большие фотографии отличников украшали вестибюль учебного корпуса. Он добился того, что в студенческой столовой стал пользоваться большой популярностью специальный стол отличников. Значительные суммы студпрофкома выделялись на поощрение лучших студентов. Молодежь с удовольствием принимала участие в вечерах отдыха. Мирзабеков их использовал для того, чтобы большую гласность придать успехам студенческих групп и отдельных студен-

тов. То вручал памятные награды, то сообщал об учрежденных вымпелах, то объявлял танец или песню как приз. А танцевал он сам прекрасно.

На фотографии рядом с Мирзабековым Петр Никитин. В институт поступил после службы в армии вместе со своим сослуживцем Иваном Левиным. Отличался необычайной душевной щедростью. Учился хорошо и всем помогал. Вел большую общественную работу, являлся постоянным участником оркестра народных инструментов, которым руководил студент физмата Аркадий Бороздна, входил в состав сборной команды института по стрельбе и работал преподавателем математики на педрабфаке.

— А это — Федор Васин, — взволнованно продолжала рассказ Мария Михайловна, — рядом с ним я. Студпрофком нас породнил. Так и прошли мы с ним всю жизнь до его последних дней. Федор поступил на исторический факультет после рабфака. Учился увлеченно. Отличался большим трудолюбием, заинтересованностью, настойчивостью. Много и с удовольствием читал. Занимали его вопросы астрономии и точных наук. Человеком был он веселого нрава, общительным, простым и скромным, умел легко сходиться с людьми, поддержать в нужную минуту товарища, принять заинтересованное участие в разговоре. Это не оставалось незамеченным. Почти все годы учебы избирался в состав комитета комсомола и студпрофкома. В то время, к которому относится фотография, Федор возглавлял студпрофком...

Партийная организация, педагогический коллектив, общественные организации пединститута принимали все меры к тому, чтобы выпускники института стали не только квалифицированными специалистами, но и получили за время учебы высокую идеиную закалку, были глубоко преданными нашей Родине людьми. Многое делалось в ту пору, чтобы привить воспитан-

никам института черты высокого человеческого достоинства — честности, правдивости, глубокого уважения к людям. Студпрофком поддерживал и развивал кружковую работу. Каждый испытывал влияние кружков изобразительного искусства, музыки, пения, танцев. Регулярно проводились вечера встреч с интересными людьми: ветеранами революции и труда, знатными тружениками, партийными и советскими работниками, двадцатипятидесятичниками, учителями.

В 1938 году Федор окончил пединститут и получил направление в Новоивановскую среднюю школу, где год работал директором. А когда его приняли в члены партии, он был послан для работы в органы государственной безопасности. Работа была сложной, важной и ответственной, особенно перед войной. В годы Великой Отечественной войны Федор Васин вел беспощадную борьбу с вражеской агентурой и приспешниками фашистов. Его заслуги высоко оценены. Он награжден был орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу» и другими медалями.

— Вырастили мы с ним троих детей,— Мария Михайловна на минуту задумалась, а потом продолжила:— двое закончили наш университет, старший сын пошел по военной линии. Почти тридцать лет отдала я нелегкому учительскому труду. Теперь на пенсии. Вот о чем напомнила мне эта фотография.

Я поблагодарил Марию Михайловну за интересный рассказ и занялся поисками следов Мирзабекова и Никитина. Вскоре удалось установить их адреса, а потом пришли от них письма.

«...Нет ничего удивительного в том,—писал Григорий Джавадович Мирзабеков из Пятигорска,— что связи с друзьями потерялись. Всего два года довелось мне учительствовать. В январе 1940 года из Гунделена, где мы работали в школе, меня и выпускника на-

шего пединститута Хасанби Иналова призвали на срочную службу в армию. Служили с ним в отдельном зенитно-артиллерийском дивизионе в Виннице. Иналов был командиром орудия, сержантом. Я—заместителем политрука батареи. Весть о войне застала нас в Виннице. Участвовали в боях на Юго-Западном фронте. В апреле 1942 года мне присвоили звание младшего политрука и назначили на должность комиссара батареи. Летом сорок второго года дороги отступления привели наш дивизион к Волге. С первого и до последнего залпа довелось принимать участие в Сталинградской битве. В 1943 году меня направили в Поволжье на должность пропагандиста зенитно-артиллерийского полка. Так мы расстались с Иналовым и встретились лишь спустя тридцать лет в Нальчике, когда отмечался 40-летний юбилей со дня открытия Кабардино-Балкарского пединститута. В общей сложности в армии прослужил 22 года. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда» и другими. Пока позволяло зрение, работал в Пятигорской фильмотеке при гороно...»

Охотно откликнулся Петр Герасимович Никитин.

«До сих пор,— писал он,— без волнения не могу вспоминать государственные экзамены. Сдавал физику. Взял билет и только начал готовиться к ответу, как в аудиторию зашло больше десятка педрабфаковцев, моих учеников. Георгий Нилович Нилов, оказывается, разрешил им присутствовать во время сдачи мною государственного экзамена. Отвечал я неплохо, но, при таком присутствии, члены ГЭК старались побольше спрашивать, и мой экзамен тянулся довольно долго. Для педрабфаковцев это было хорошим уроком. В 1939 году с отличием закончил институт. По распределению оставили меня преподавателем педрабфака. Там я и работал до начала войны.

Из своих однокурсников после войны встречался только с Иваном Чагелишвили. Этот душевный человек, с неизменно доброй улыбкой на лице, всегда располагал к себе. На курсе его любили. А тут событие. Свадьба. От души поздравил молодоженов... Знаю, что они уже воспитывают внуков».

И второе письмо: «Что написать о себе? На третий день после объявления войны был в строю. Со мной вместе в 632-й стрелковый полк 175-й стрелковой дивизии из института зачислили Немова Михаила Никитовича. Имел звание старшего сержанта, занимал должность помощника командира взвода станковых пулеметов. В первых числах июля нашу дивизию направили на фронт. Разгружались мы в Борисполе. Два дня форсированным маршем шли через Дарницу и Киев. Прямо с марша вступили в бой с прорвавшимися подразделениями противника и дошли до Василькова, где поддержали войска НКВД, которые ликвидировали фашистский десант. Затем — несколько ночных переходов, и мы заняли оборону на реке Ирпень, прикрывая юго-западные подступы к Киеву. В тех трудных боях 30 июля 1941 года был ранен, несколько месяцев меня переводили из одного эвакогоспиталя в другой, пока не комиссовали. В январе 1942 года вернулся к мирному учительскому труду. В 1948 году переехал с семьей на станцию Таловая и работал в железнодорожной школе до ухода на пенсию. Награжден медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», другими юбилейными медалями. Воспоминания о студпрофкоме, о студенческой юности заставили нас еще раз взглянуть на прожитое, на свою причастность к делам совершенным и убедиться в том, что главным для нас было и осталось — жить для всех, отдать обществу все, что мы получили от него. Радуемся за детей, которых довелось учить.

эти годы. В жизнь ушли они подготовленными. Из моих воспитанников 3—4 человека не пошли по линии точных наук, остальные поступали в вузы, где требуется знание математики. Рады за детей своих. Дочь и сын окончили технические вузы. Работают инженерами. Уйдя на пенсию, не оставляю общественной работы. В настоящее время консультант при техбиблиотеке. Работаю с заочниками».

Так старая фотография помогла познакомиться с судьбами студпрофкомовцев, добрую память о делах которых хранят воспитанники вуза.

## ОДНОКУРСНИКИ

Директор ордена «Знак Почета» Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики Ханафи Исхакович Хутуев, вспоминая годы студенчества, многое поведал о своих друзьях по учебе.

— Год 1937-й для нас был годом свершившихся надежд,— рассказывал он.— Мы впервые перешагнули порог вуза. Мы — это большая группа молодежи республики и соседних областей, представители многих национальностей и народов нашей страны. Нас объединяло страстное стремление к знаниям, желание не только получить профессию, но и приобщиться к высотам науки. До сих пор помнится, с каким душевным трепетом первокурсники внимали лекциям своих преподавателей. Я часто употребляю слово «первый». В этом нет ничего удивительного. Ведь мы были в первом наборе, который осуществлялся институтом в столице республики. В год нашего поступления институт переехал из Пятигорска в Нальчик. Мы первыми осваивали новый учебный корпус, его аудитории, кабинеты, обживали общежитие. Мы встречали участников байдарочного похода, усердно

готовились к ноябрьским праздникам. Именно в год 20-й годовщины Великого Октября коллектив института впервые принимал участие в праздничной демонстрации трудящихся города. А первые выборы в Верховный Совет СССР? Разве можно забыть все это? Вместе со всеми мы стремились внести свой посильный вклад в дело подготовки и организованного проведения выборов в стране.

Рассказывал Ханафи Исхакович не только о своих однокурсниках по литературному отделению, но и об историках. Вспоминал Марьяна Кеневича. До учебы в институте он возглавлял организационно-массовый отдел в республиканском Дворце пионеров, был председателем областного бюро юных пионеров. Его опыт работы, умение прийти на помощь в нужную минуту, открытый и добрый характер снискали авторитет у всего коллектива. Не удивительно поэтому, что уже вскоре он был избран председателем студпрофкома института.

Запомнился ему Алексей Рехвиашвили как неприменимый участник студенческой художественной самодеятельности. Небольшого роста, очень подвижный, в черкеске и папахе, он умел так лихо и задорно плясать зажигательную лезгинку, что без его выступления не проходил ни один концерт студенческой самодеятельности.

Некоторое время работал в комитете комсомола с Хазраилом Огурлиевым. На историческом отделении учились Хан Бельгушев, Александра Завадская, Хадис Карчаев, Мухамед Нартоков и другие.

— К сожалению,—вспоминал Хутуев,—в то время институт мне окончить не пришлось. Незадолго до завершения первого курса нас с Карадьби Маршановым направили в органы государственной безопасности, и мы выехали вместе с ним на учебу. События последующих лет, а затем война разбросали нас по

всей стране. Но я убежден, что друзья мои по учебе в институте достойно прошли суровые испытания, выпавшие на долю нашего поколения...

Прав был Ханафи Исхакович. Уже то немногое, что стало известно о судьбах некоторых из однокурсников-историков, яркое тому подтверждение.

Для учителя Солдатской средней школы Хана Буевича Бельгушева, проходившего кадровую службу в 588-м стрелковом полку, боевая тревога, по которой их первая рота была поднята утром 22 июня 1941 года, не явилась неожиданностью. Вместе со своими однополчанами он уже принял боевое крещение в дни войны с Финляндией, был ранен и после лечения в госпитале снова вернулся в строй. В одном из своих писем в самом начале войны он писал: «Сообщаю, что жив и здоров. Защищаем Родину от германских фашистов. Передавайте сердечный привет мамаше. Пусть не беспокоится. Я выполню свой долг перед Родиной. Ибо Родина, родная наша земля, вскормила и вырастила нас. Мы ее должны защищать до уничтожения врага. Эта война Отечественная. Где бы мы ни находились, надо защищать страну. И мы будем ее защищать, не щадя своей жизни. Пока находимся в обороне. Ваш Хан».

С радостью сообщал он, что ровно через месяц с начала войны получил первое письмо из дома, рассказывал о друзьях-однополчанах и совсем мало о том, что приходилось испытывать нашим воинам, принимавшим участие в боях в суровых условиях Карелии. Весной сорок второго года в Плановское, где жили родственники Хана Бельгушева, пришло горестное извещение о том, что в феврале он пал смертью храбрых.

Всего пятнадцать дней принимал участие в героической обороне Киева выпускник Сталинградского военно-политического училища младший политрук

Хазраил Хапашевич Огурлиев. В одном из боев в районе Фастова он был ранен и расстался с однополчанами и многими земляками по 560-му стрелковому полку 175-й стрелковой дивизии, которая формировалась в Кабардино-Балкарии.

Мне довелось встречаться и беседовать с Хазраилом Хапашевичем. Это удивительно скромный и даже несколько застенчивый человек, когда речь заходит о его ратных делах.

— За месяц до окончания института, — рассказывал он при встрече, — стал я комсомольским работником и до призыва в армию работал секретарем Нальчикского горкома комсомола. Кстати, эта строка в моей трудовой биографии окончательно определила и военную профессию. Двенадцать лет находился на политработе в армии. Из Махеевского эвакогоспиталя получил назначение на должность ответственного секретаря комсомольского бюро полка 60-й стрелковой дивизии, которая принимала участие в обороне Москвы. Потом стал комиссаром батальона. Учился в Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Затем Третий Белорусский фронт и, наконец, участие в разгроме японских милитаристов. В Порт-Артуре служил до 1952 года. После увольнения в запас был на партийной и советской работе. В школу так и не пришлось пойти...

Очень мало сказал о себе. А ведь не многим участникам обороны Киева довелось защищать столицу Родины — Москву. Здесь, под Высокиничами, в ночном поиске с группой разведчиков политрук Огурлиев взял первого «языка», за что был награжден медалью «За отвагу». Умолчал он и о том, что за успешное проведение 52-м гвардейским стрелковым полком операций в Восточной Пруссии он, пропагандист полка, удостоен был ордена Красного Знамени, а за уча-

стие в разгроме Квантунской армии награжден орденом Отечественной войны I степени.

Наше заочное знакомство с подполковником запаса Алексеем Ивановичем Рехвиашвили состоялось в период подготовки к 30-летию Победы. Не знал он, что его родной пединститут реорганизован в университет, и прислал письмо в адрес института следующего содержания: «Наша семья до 1939 года проживала в городе Нальчике. В этом городе прошло мое детство, прошли мои студенческие годы. В 1939 году я закончил учительский институт и два месяца работал преподавателем истории в сел. Кашкатау (пос. Советский). Потом был призван в армию, принимал участие в Великой Отечественной войне с июня месяца 1941 года и по день ее окончания. Участвовал в разгроме японских милитаристов. Мне стало известно, что к 30-летию Победы у вас ведется сбор материалов о тех, кто учился в институте и участвовал в войне. Прошу привлечь и мою фотокарточку нынешних дней к этим материалам. Службу в Советской Армии проходил до 1972 года. В настоящее время работаю инспектором отдела кадров Грузинского политехнического института».

От Жлобина, где был принят первый бой рядовым 240-го полка 117-й стрелковой дивизии Алексеем Рехвиашвили, до Харькова и Донбасса, выходя из вражеских окружений, теряя боевых друзей, испытывая горечь отступления, прошел он извилистыми и трудными фронтовыми дорогами войны. Сражался уже артиллерийским наводчиком под Моздоком, изгонял захватчиков с Северного Кавказа. Боевой расчет старшего сержанта Какобадзе из отдельного противотанкового артиллерийского полка не раз отличался в боях на Миусе и Молочной. Фронтовая газета «За Родину!» в одном из номеров за 1943 год рассказывала об этом расчете: «...самый уважаемый человек в рас-

чете — старший сержант Рехвиашвили. Он кавалер ордена Красной Звезды и медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги». Храбр и мужественен наводчик Рехвиашвили. Точен и меток его глаз. В прошлом году прямой наводкой он уничтожил 2 танка и 2 танкетки, 6 орудий и пять автомашин противника... Храбрые и мужественные воины в артиллерийском расчете Какобадзе!».

После окончания трехмесячных офицерских курсов младший лейтенант Рехвиашвили получил назначение в 1369-й стрелковый полк 417-й стрелковой дивизии и принимал участие в освобождении Крыма, а позже Прибалтики. Еще один орден — орден Отечественной войны I степени засиял на груди выпускника исторического отделения.

«...В Нальчике,— писал А. И. Рехвиашвили,— не только живут и работают многие мои друзья по учебе, с которыми я не встречался долгих сорок лет, но и некоторые однополчане, которых я также хотел бы видеть. Поэтому не теряю надежды побывать в городе моей студенческой юности и повстречаться с теми и другими. А пока прошу передать им самый сердечный привет и наилучшие пожелания...»

В бытность директором республиканского книжного издательства «Эльбрус» Мухамед Гузерович Нартоков, знакомясь с рукописью книги «Поиск продолжается», ни словом не обмолвился о том, что сам он был выпускником исторического отделения. Значительно позже узнал я от его однокурсников, что Мухамед Гузерович учителяствовал в родном Верхнем Куркужине, когда пришла весть о войне. Первая мысль — идти в армию, и немедленно — пришла сама собой. Но обстоятельства сложились так, что с немецко-фашистскими захватчиками пришлось сражаться не на фронте, а в составе Кабардино-Балкарского объединенного партизанского отряда. Об операциях, в кото-

рых довелось принимать участие разведчику Нартокову, рассказано в документальной повести Антонины Грудциной «Партизанская быль», в ряде изданий, посвященных действиям партизанского отряда. За проявленное мужество при выполнении заданий командования Мухамед Гузерович Нартоков награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Труд его в годы мира отмечен почетным званием «Заслуженного работника культуры РСФСР» и орденом Трудового Красного Знамени.

Рассказывая о своих друзьях по учебе в институте, Мухамед Гузерович сообщил, что в самом начале августа 1941 года первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ был избран Марьян Богданович Кеневич, работавший после окончания института секретарем Нальчикского горкома комсомола.

Немало славных дел на счету комсомола республики за годы Великой Отечественной войны. Храбро сражались посланцы комсомольской организации в частях и подразделениях действующей армии. Самоотверженно трудилась молодежь в тылу. Призыв «Все для фронта, все для победы!» был не просто лозунгом, а программой к действию всей комсомольской организации республики. Комитеты комсомола принимали активное участие в призывной кампании, в организации всеобщего военного обучения молодежи, в формировании истребительных батальонов, в возведении оборонительных сооружений, в отборе добровольцев в специальные школы, в организации курсов медицинских сестер и сандружинниц. Шефство над стационарными госпиталями, организация молодежных бригад в колхозах и на предприятиях, сбор средств и посылок для фронта — трудно даже перечислить все то, чем в те годы занимался комсомол.

И немалая заслуга в успешном решении всех этих вопросов принадлежала первому секретарю обкома

чете — старший сержант Рехвиашвили. Он кавалер ордена Красной Звезды и медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги». Храбр и мужественен наводчик Рехвиашвили. Точен и меток его глаз. В прошлом году прямой наводкой он уничтожил 2 танка и 2 танкетки, 6 орудий и пять автомашин противника... Храбрые и мужественные воины в артиллерийском расчете Какобадзе!».

После окончания трехмесячных офицерских курсов младший лейтенант Рехвиашвили получил назначение в 1369-й стрелковый полк 417-й стрелковой дивизии и принимал участие в освобождении Крыма, а позже Прибалтики. Еще один орден — орден Отечественной войны I степени засиял на груди выпускника исторического отделения.

«...В Нальчике,— писал А. И. Рехвиашвили,— не только живут и работают многие мои друзья по учебе, с которыми я не встречался долгих сорок лет, но и некоторые однополчане, которых я также хотел бы видеть. Поэтому не теряю надежды побывать в городе моей студенческой юности и повстречаться с теми и другими. А пока прошу передать им самый сердечный привет и наилучшие пожелания...»

В бытность директором республиканского книжного издательства «Эльбрус» Мухамед Гузерович Нартоков, знакомясь с рукописью книги «Поиск продолжается», ни словом не обмолвился о том, что сам он был выпускником исторического отделения. Значительно позже узнал я от его однокурсников, что Мухамед Гузерович учительствовал в родном Верхнем Куркужине, когда пришла весть о войне. Первая мысль — идти в армию, и немедленно — пришла сама собой. Но обстоятельства сложились так, что с немецко-фашистскими захватчиками пришлось сражаться не на фронте, а в составе Кабардино-Балкарского объединенного партизанского отряда. Об операциях, в кото-

рых довелось принимать участие разведчику Нартокову, рассказано в документальной повести Антонины Грудциной «Партизанская быль», в ряде изданий, посвященных действиям партизанского отряда. За проявленное мужество при выполнении заданий командования Мухамед Гузерович Нартоков награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Труд его в годы мира отмечен почетным званием «Заслуженного работника культуры РСФСР» и орденом Трудового Красного Знамени.

Рассказывая о своих друзьях по учебе в институте, Мухамед Гузерович сообщил, что в самом начале августа 1941 года первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ был избран Марьян Богданович Кеневич, работавший после окончания института секретарем Нальчикского горкома комсомола.

Немало славных дел на счету комсомола республики за годы Великой Отечественной войны. Храбро сражались посланцы комсомольской организации в частях и подразделениях действующей армии. Самоотверженно трудилась молодежь в тылу. Призыв «Все для фронта, все для победы!» был не просто лозунгом, а программой к действию всей комсомольской организации республики. Комитеты комсомола принимали активное участие в призывной кампании, в организации всеобщего военного обучения молодежи, в формировании истребительных батальонов, в возведении оборонительных сооружений, в отборе добровольцев в специальные школы, в организации курсов медицинских сестер и сандружинниц. Шефство над стационарными госпиталями, организация молодежных бригад в колхозах и на предприятиях, сбор средств и посылок для фронта — трудно даже перечислить все то, чем в те годы занимался комсомол.

И немалая заслуга в успешном решении всех этих вопросов принадлежала первому секретарю обкома

комсомола. Ведь зачастую ему приходилось выступать не только как руководителю и организатору, но в ряде случаев и как непосредственному исполнителю. Так было в период строительства оборонительных сооружений в районе города Прохладного, когда Марьян Кеневич осуществлял руководство массово-политической и организаторской работой с молодежью, привлеченной в строительные батальоны, и находился в самой гуще событий. Известно, что за успешное выполнение заданий областного комитета партии и командования 10-й саперной армии труд первого секретаря обкома комсомола был отмечен именными часами. Так было и в тот труднейший период, когда на территории Кабардино-Балкарии шли кровопролитные оборонительные, а позже наступательные бои. Командование и Военный совет 37-й армии, учитывая заслуги Марьяна Богдановича Кеневича по оказанию помощи действующим соединениям армии, проявленное личное мужество и самоотверженность при выполнении заданий командования, наградили его орденом Красной Звезды.

С большой душевной теплотой отзываются товарищи по учебе в институте, друзья по совместной работе в комсомольских и партийных органах о Кеневиче, как о человеке обаятельном, чутком, способном организаторе.

Не располагая другими сведениями о выпускниках исторического отделения 1939 года, я решил выступить в газете «Кабардино-Балкарская правда» с рассказом об известных мне фактах и заодно обратиться за помощью к читателям.

Просьба нашла отклик. Первым позвонил журналист Магомет Настуев, выпускник исторического отделения. Мы условились о встрече, и вскоре довелось узнать следующее.

На историческом отделении училось 33 студента,

представлявших одиннадцать национальностей страны. Были дружны, трудолюбивы, активно участвовали в общественной жизни института, помогали друг другу, когда возникали затруднительные ситуации в учебе или в быту.

— Конечно,— рассказывал Магомет Якубович,— самым памятным днем периода студенчества для меня явился день партийного собрания, на котором обсуждалось мое заявление о приеме кандидатом в члены ВКП(б). Много лет прошло, а я как сегодня помню рекомендации и рекомендующих преподавателей: А. И. Щеголева, А. И. Антонову и студента А. П. Кульку. Помню до мельчайших подробностей выступления товарищей.

На историческое отделение Магомет Наствуев поступил с подвузца. В те годы при педрабфаке существовали такие одногодичные курсы для подготовки в вуз. Вместе с ним в институт пришли Павел Дрыга, Хапат Хаев и другие товарищи по учебе на подвузе.

Павел Дрыга, степенный, рассудительный, с достаточным жизненным опытом,— за плечами его была срочная служба в 10-й кавалерийской дивизии,— многому учил молодых студентов. Главное, дисциплине труда. Позже, с помощью Настуева, удалось разыскать Павла Ивановича Дрыгу. После окончания института работал он инструктором областного комитета партии.

«На второй день войны,— писал Павел Иванович,— меня вызвали в военкомат и направили в Ростовскую окружную школу усовершенствования политсостава. Оттуда в действующую армию. В годы войны служил в различных воинских частях. Исполнял должности комиссара артиллерийского дивизиона и пропагандиста полка. В послевоенные годы находился также на политработе в армии. Был пропагандистом политотдела дивизии и начальником гарнизонного Дома офицеров. В 1960 году уволен из рядов Советской Армии в зва-

нии подполковника. Все эти годы работаю директором Астраханской городской киносети и лектором-методистом областного управления кинофикации.

Искренне благодарен за то, что воскресили в памяти дни нашей студенческой юности. Друзей своих по учебе не забываю. Хорошо помню Магомета Настуева, Марьяна Кеневича, Хадиса Карчаева, Александру Завадскую, Мухамеда Гешева и других. Кстати, Мухамед Гешев институт не закончил. По-моему, со второго курса поступил он в военное училище. Было бы чрезвычайно интересно встретиться через столько лет с теми, кто после минувшей войны остался жив».

Прав был Павел Иванович относительно Гешева. Стал он курсантом военно-политического училища имени Фридриха Энгельса. В связи с событиями у реки Халхин-Гол, их ударную девятую группу выпустили досрочно и большинство выпускников было направлено на Дальний Восток. Получив назначение в распоряжение начальника особого отдела Забайкальского военного округа, лейтенант Мухамед Зулкарнеевич Гешев принял участие в боях с японскими милитаристами на Халхин-Голе. Год окончания училища памятен ему был еще и тем, что стал он в этом году членом партии.

Так случилось, что и в годы Великой Отечественной войны довелось ему нести службу на Дальнем Востоке. Занимал должности старшего следователя особого отдела корпуса, оперуполномоченного Забайкальского фронта, начальника контрразведки «Смерш» дивизии. За успешное выполнение задания командования по ликвидации вражеской диверсионной группы осенью 1943 года награжден орденом Отечественной войны II степени. За участие в боях по разгрому Квантунской армии удостоен ордена Монгольской Народной Республики. После войны все свои знани-

весь свой опыт Мухамед Зулкарнеевич Гешев до последних дней своей жизни отдавал делу расцвета родной республики, работая в партийных и советских органах.

— Главным испытанием наших моральных и физических сил,— продолжал рассказ Магомет Якубович,— явилась война. Мои однокурсники с честью выдержали этот суровый экзамен. Правда, не всем довелось дожить до дня Победы. Что говорить о себе? Армейскую службу начал в 115-й кавалерийской дивизии. Испытал горечь первых безвозвратных потерь боевых друзей под Большой Мартыновкой. Отходил с остатками дивизии к Сталинграду. Дальше воевал в составе 4-го кавкорпуса.

Но, пожалуй, никогда не изгладится в моей памяти то туманное утро у поселка Красноармейского, где занимал боевой рубеж наш корпус, когда к переднему краю были подтянуты сотни танков, когда небо расколол гул четырехчасовой артиллерийской канонады, возвестившей о начале наступления советских войск под Сталинградом. Я и мои однополчане воочию убедились в грандиозности нанесенного противнику удара. И победа пришла.

Магомет Якубович задумчиво взглянул на меня и продолжал:

— Обычно мы, фронтовики, вспоминаем эпизоды сражений. Но мне хотелось бы привести два факта, которые по своим воздействиям без выстрелов остались наибольшее впечатление. Был я в то время командиром отделения связи 3-й батареи 146-го гвардейского артиллерийско-минометного полка 14-й гвардейской четырежды Краснознаменной кавалерийской дивизии. В районе Ковеля мы вошли в прорыв и захватили небольшой польский городок. Батарея разместилась в бывшем почтовом ведомстве, а наше отделение — в сортировочном пункте. Внимание мое

привлекла гора неотправленных писем. Их было не менее пятисот. Писали их угнанные насилино в Германию советские граждане. Не помню уже, сколько времени я потратил на то, чтобы хоть часть из них прочитать. Читали их и мои товарищи. Кровью обливалось сердце, гнев и возмущение охватывало нас, когда мы знакомились с этими документами. Нельзя было без содрогания читать строки о нечеловеческих муках и страданиях, которые выпали на долю их авторов. Они знали, что немецкая цензура не пропустит этих писем. И все же писали. Писали в надежде на то, что хоть часть из них попадет на родину.

Наступали мы быстро. В городке задержаться долго не пришлось. Ругаю себя за то, что ничего не предпринял, чтобы письма эти попали по адресу. Жалею, что хоть несколько писем не переписал тогда.

И еще один факт. В городе Демблин (Ивангород) польский патриот сохранил негативы снимков, которые ему для обработки передавали фашистские младчики из охраны лагеря военнопленных. Это жуткие картины пыток и расстрелов, картины глумления над человеком. Прошли годы, а один из снимков видится и теперь. На колючую проволоку повешен кусок хлеба. К нему осторожно подкрадывается истощенный, весь в лохмотьях пленный красноармеец. А в стороне стоит группа хохочущих сытых гитлеровцев, один из которых направил дуло автомата на очередную жертву.

Все это вселяло ненависть к захватчикам, заставляло спешить на запад, чтобы поскорее разделаться с фашистской чумой, принести спасение тем, кого еще можно было спасти. И если теперь говорят, что в атаку нас поднимало правое дело, то за ним стояли судьбы человеческие, справедливость возмездия...

Мой собеседник умолк. Немало горя довелось ему видеть на дорогах войны. Седой ветеран, кавалер

ордена Красной Звезды и боевых медалей, он и теперь в журналистском строю. Многие годы возглавляет отдел партийной жизни республиканской газеты «Коммунизмге жол» («Путь к коммунизму»). Ему есть что рассказать о днях минувших, о своих однокурсниках, о том, какой ценой завоевана Победа.

Не вернулись с войны Али Бекович Абидов и Магомет Хаджиевич Хазнаев.

«Март 1942 года,— писал ветеран Великой Отечественной войны учитель Каменномостской средней школы № 1 Хабас Бекович Абидов,— для нашей семьи выдался горестным. Сначала похоронили мы отца. А потом пришла похоронка на брата. Сейчас уже не помню точно, но Али писал об упорных боях, о том, что пришлось испытать многое. Но ни писем его, ни других документов, кроме диплома об окончании института, сохранить не удалось. Меня вскоре призвали в армию и не думалось тогда, что через многие годы будем как на святая святых смотреть на фронтовые письма и другие реликвии войны. Если мне не изменяет память, то еще до войны в одном из писем брат писал, что в армию вместе с ним уходили его однокурсники. Но вот фамилий их запомнить я не смог. Если кто остался жив, то хотелось бы узнать фамилию хоть одного сослуживца брата».

По роковому стечению обстоятельств в первых числах марта 1942 года погиб в бою и товарищ Али Абидова по учебе в институте Магомет Хазнаев. Известно, что воевал он на Западном фронте. Но подробностей о последнем его бое так и не удалось узнать.

Ветеран Великой Отечественной войны Ако Аслангериевич Рахаев рассказывал:

— Хорошо помню, что из Нальчика до Гайсина на Украине в одной команде направлялись мы 10 ок-

тября 1939 года на службу в армию вместе с Али Абидовым, Алексеем Рехвиашвили и другими молодыми учителями, чей черед пришел призываться. Раньше других покинуть Гайсин довелось мне. Еще во время учебы на педрабфаке закончил я Нальчикский аэроклуб. Документ об этом был в моем личном деле. И когда шло распределение по подразделениям, мне предложили поехать на учебу. Так я оказался слушателем Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Но также как и работать в школе, так и служить в авиации мне не пришлось. Грязнула война. Часть слушателей досрочно аттестовали и направили в действующую армию. Стал я политруком пехотной роты. Участвовал в обороне Москвы. Когда в декабре сорок первого года развернулось контрнаступление под Москвой, наша 22-я армия Калининского фронта после упорных десятидневных боев прорвала вражеский фронт и двинулась на запад. В январе 1942 года мы развивали наступление на город Белый. Трудно передать подъем, который царил в те дни в войсках. Мы гнали и били хвастливых фашистов, которые хотели Новый год встретить в Москве....

В составе 33-й армии участвовал в тяжелых боях в районе Вязьмы, где мы воевали в окружении. В мае, когда гитлеровцы перешли в решительное наступление, стремясь ликвидировать окруженнную группировку, наши войска устремились на прорыв из вражеского кольца. Теряя боевых друзей, утопая в болотах, испытывая постоянный голод, мы все же вышли к переднему краю Калининского фронта в июне 1942 года между Ржевом и Оленино. Я до сих пор удивляюсь, как хватило нам сил для последнего броска.

Конечно, воевать пока мы не могли. Поэтому попали на переформирование в Вологду. Когда подлечились и окрепли, уже в составе 49-й армии вернулись на фронт. В 1943 году меня, как и многих моих това-

рищай-политработников, направили на курсы переподготовки. Для меня опять появилась надежда попасть в авиацию. Я был счастлив, когда докладывал начальнику авиашколы в Оренбургской области о том, что прибыл для прохождения дальнейшей службы. Но радость оказалась преждевременной. Незадолго до окончания авиашколы свалила меня тропическая малярия, редкая для тех мест. Поэтому вместо действующей армии получил назначение в политотдел Балашовской авиашколы. После войны был на партийной и хозяйственной работе.

Испытания, выпавшие на нашу долю в годы войны, не прошли бесследно. По состоянию здоровья мне пришлось оставить работу.

Встречаясь с друзьями по учебе, вспоминая тех, с кем встретиться уже невозможно, невольно думаешь о том, что есть доля и нашего участия в разгроме фашизма и в завоеванном мире.

## ПАРТИЗАН КУЗИН

Пока я разыскивал Хапата Айдаруковича Хаева, он откликнулся сам. Оказывается, прочитав статью в газете, долго не решался писать о себе, пытался прежде найти однокурсников. «До призыва в армию,— сообщал он,— работал учителем Пришибской средней школы Майского района. Воевал в Заполярье. Наша 45-я стрелковая дивизия вместе с другими соединениями 14-й армии занимала рубеж обороны от губы Большая Западная Лица до озера Чапр. Почти три года на нашем участке фронта велись бои местного значения. Больших наступательных операций не проводилось. Но мы ждали того часа, когда погоним немецко-фашистских захватчиков. И он пришел. В начале октября 1944 года наша армия перешла в наступление. Мне

довелось принимать участие в освобождении города Петсамо (Печенга). Потом был нелегкий путь на Киркенес».

«...После войны,— писал Хапат Айдарукович,— вернулся в родной Лескен Северо-Осетинской АССР и начал работать в школе. Не потерял связей и с институтом, продолжал образование на заочном отделении. Ведь после окончания двухгодичного учительского института образование было незаконченное высшее. Некоторое время в школе не работал в связи с тем, что избирался председателем рабочкома совхоза имени Ленинского комсомола в Лескене. И все же учительская профессия взяла верх. Хорошо помню своих однокурсников: Магомета Наствуева, Хадиса Карчаева, Александру Завадскую, Павла Дрыгу, Ако Рахаева, Мухамеда Гешева и других. Посылаю снимок. Фотографировался я в годы учебы со своими друзьями Владимиром Ивановым и Мурадином Левановыми. Кстати, мне хорошо известно, что во время войны Мурадин активно участвовал в партизанском движении Белоруссии. Вот только адреса его у меня нет...»

Так получил я первую информацию о судьбе Мурадина Тазиевича Леванова и его участии в партизанском движении в Белоруссии. Сведения эти подтвердили многие товарищи, кто учился и встречался с ним. Но никто из них, к сожалению, связей с Левановым не поддерживал. Все это и осложнило поиски. Тогда я, конечно, и предполагать не мог, что его родной брат жил в Нальчике и даже некоторое время работал шофером в нашем университете. Об этом узнал значительно позже. А в то время не было другого выхода, как запросить партийный архив Института истории партии при ЦК КП Белоруссии. Оттуда последовал совершенно неожиданный ответ: «Сообщаем, что при изучении документальных материалов партархива,

сведений об участии Леванова Мурадина Тазиевича в партизанском движении Белоруссии не обнаружено».

В чем же дело?

— Здесь явно какое-то недоразумение! — категорически заявил Джабраил Тазретович Макоев, когда познакомился с ответом из архива. Леванова он хорошо знал еще по учебе в институте, хотя сам окончил физико-математический факультет. После войны оба учителяствовали и не раз встречались.— Мне он рассказывал, что в партизанский отряд попал после окружения. В архиве могли просто пропустить фамилию.

Потом, пытаясь что-то вспомнить, Джабраил Тазретович, осененный внезапной мыслью, воскликнул:

— А вы знаете, выход есть! Мурадин мне рассказывал, как однажды его пригласили в Зольский райком партии и совсем неожиданно для него предложили перейти на работу в райпотребсоюз. С той поры пришлось ему расстаться со школой. Работал он и в аппарате Кабардино-Балкарского облпотребсоюза. По-моему, оттуда направили его на учебу в Высшую кооперативную школу Центросоюза. Поэтому в архиве обязательно должно сохраниться его личное дело...

Следуя совету, я без особого труда нашел в отделе кадров личное дело Мурадина Тазиевича Леванова и обнаружил, что служил он в 38-м отдельном танковом батальоне 56-й стрелковой дивизии, которая дислоцировалась северо-западнее Гродно. Там встретил войну. А вот и строки, которые так меня интересовали: «С декабря 1941 года по март 1942 года находился в сел. Карпужин Логойского района БССР. Не работал. С апреля 1942 года — партизан отряда «За Отечество» партизанской бригады «Штурмовая» Минской области. Награжден».

Теперь, казалось, сомнений никаких и быть не мог-

ло. Оставалось найти самого Леванова, чтобы расспросить подробнее о событиях тех дней. На всякий случай, считая, что произошло досадное недоразумение, я еще раз написал в архив, указав название партизанского отряда. Но, увы, снова последовал ответ: «Вторично сообщаем, что сведений об участии Леванова Мурадина Тазиевича в партизанском движении Белоруссии периода Великой Отечественной войны в материалах партархива не обнаружено. По интересующему Вас вопросу можете обратиться к бывшему командиру партизанского отряда «За Отечество» Владимиру Дмитриевичу Захарову, который по данным архива проживал в пос. Негорелое Минской области».

К сожалению, на мои письма в Негорелое ответа не пришло. Я уже было решил, что задача эта просто неразрешима. Но однажды во время командировки, когда долгие часы пришлось коротать на вагонной полке за чтением первых попавшихся в вокзальном киоске газет, я как-то случайно, из газетной полосы выхватил фамилию Леванова. Вот так чудо! Но, тот ли это Леванов? Да, он самый! В газете «Советская торговля» под заголовком «Дело человеком ставится» был опубликован очерк журналиста В. Шевякова о «...насыщенных заботами рабочих буднях» директора Краснодарского горпромторга... Мурадина Тазиевича Леванова. Так был «открыт» Леванов. При встрече, весело улыбаясь и крепко пожимая руку, он удивленно говорил:

— Не может быть, чтобы поиски моей персоны вызвали столько трудностей! Считал и считаю, что добрая половина Нальчика знает о том, где я живу и работаю. Родной брат живет и трудится в Нальчике. Все эти годы работы в Анапе и Краснодаре встречался со многими земляками. Видно, из них никто не попал в сферу поиска. Но разговор не об этом...

Лицо его поборовело, между бровей пролегла

складка. Воспоминания унесли к временам давним и трудным.

Четыре дня вела дивизия неравный бой с противником в приграничной полосе. Теряя боевых друзей, отходили они к Минску. Но в столицу Белоруссии войти не пришлось. Там уже хозяйничали оккупанты. К фронту пробиться не удавалось. Поэтому и оказались с разрозненными частями и подразделениями наших войск в лесном массиве северо-восточнее Минска. Пока стояли ясные дни, пока были боеприпасы и продовольствие, окруженные наносили врагу ощущимые удары. Но с каждым днем их положение все больше осложнялось. Кончились запасы продовольствия и медикаментов, на исходе были боеприпасы. Росло число раненых и больных бойцов. С приходом холодов (а зима в тот год наступила рано) угасла надежда на то, что удастся пробиться к своим. Тогда и принято было единственно верное в тех условиях решение: раненых и больных под видом родственников разместить в близлежащих деревнях, остальным пробиваться через вражеское оцепление к партизанам или к линии фронта...

— Так я и оказался в селе Карпужин. Добрые люди не только приютили меня, но разделили со мной кров и хлеб, выходили от недуга и с риском для жизни раздобыли документы. В тех условиях осетин Леванов никак не мог бы объяснить родственных связей с жителями села Карпужин. Когда окреп, пробрался в Логойские леса и стал бойцом партизанского отряда «За Отечество». Принимал активное участие во всех боевых операциях отряда, а их было очень много. Рассказывал Муратдин Тазиевич о том, как готовились и проводились крупные диверсии по взрыву вражеских нефтекладов и на железнодорожной дороге, как велась разведка и проходил сбор сведений о передислокации войск противника. Партизаны не давали оккупан-

там покоя ни днем ни ночью. Держали их в постоянном страхе.

— Самыми памятными для отряда стали события мая и июня 1944 года. Фронт приближался к нашей партизанской зоне. Мы со дня на день ждали встречи с частями действующей армии. Именно в этот период фашистское командование приняло решение о проведении операций по очистке от партизан своих тылов. Против бригады «Штурмовая» началось наступление. К 4 июня мы были оттеснены на левый берег Березины и полностью окружены. Несколько дней не умолкал гул боя. Противник любой ценой стремился загнать нас в непроходимые болота и уничтожить. Ночью ударная группа бригады пошла на прорыв кольца окружения. Удалось прорвать вражеское оцепление и через узкий коридор вывести все подразделения бригады. Несмотря на трудности, которые выпали на нашу долю в тех боях, бригада сохранила боеспособность и позже принимала участие совместно с наступавшими частями Советской Армии в освобождении столицы Белоруссии — Минска.

Незабываем день 16 июля 1944 года. По решению Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии в этот день проводился массовый митинг трудящихся Минска и парад партизанских соединений. По лежавшему в руинах городу далеко не парадным шагом проходили народные мстители, гордые сознанием того, что и они внесли свой вклад в приближение нашей Победы над захватчиками.

Воспользовавшись паузой, я решил выяснить волновавший меня вопрос:

— Почему же из архива мне ответили, что в списках отряда «За Отечество» не значится фамилия Леванова?

— Да очень просто. Ее там и не должно быть, ведь я воевал под фамилией Ивана Ивановича Кузи-

на. Кстати, эту фамилию носил я до 1950 года, так как реального Кузина не существовало. А один из наших земляков, который сражался в соседней бригаде, после войны и до конца дней своих сохранил партизанскую фамилию Боровицкого, хотя был Афашаговым. Мне довелось побывать на встрече партизан нашего соединения в Минске. Для них я так и остался партизаном Кузиным. В этом году намереваюсь с сыном побывать в тех местах, где базировалась наша бригада...

Давно отгремели залпы минувшей войны, а память о ней живет, и все новые и неожиданные страницы о судьбах ее участников открываются спустя годы.

## ПАМЯТЬ

Долгие годы Бабина Адальгерииевна Конова не могла смириться с мыслью, что сына ее Карапъби забрала война. Не хотела поверить в то, о чем говорилось в официальном извещении: «Ваш сын, сержант Конов Карапъби Дэуевич, уроженец с. Верхний Акбаш Терского района, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 27 июня 1944 года и похоронен в братской могиле в с. Тышковцы».

«Бывает, что ошибаются,— думала она.— Ведь вот и старший сын Хажби рассказывал об этом, когда после тяжелого ранения вернулся домой. Надо подождать».

И она ждала. Ждала долгих пятнадцать лет...

Когда выдавалась свободная от работы и повседневных забот по хозяйству минута, извлекала заветный узелок, в котором свято хранилось все, что связано было с именем Карапъби. Раскладывала документы и письма на столе и мысленно уносилась к сыну.

Вот его диплом об окончании отделения кабардинского языка и литературы учительского института. Она хорошо помнила радостное солнечное лето тридцать девятого года, когда сияющий Карапьби привез из Нальчика этот документ и сообщил ей, что вернулся в родную школу учителем. Материнское сердце переполнялось гордостью за него. Да и как было не гордиться? Ведь он первым из их семьи достиг таких высот в образовании. Односельчане, у которых дочери были на выданье, зачастили к Бабине. Она догадывалась о цели их визитов, но виду не подавала. А сын с головой ушел в дела и заботы школы и решение личных вопросов относил на второй план.

Радость мирного труда прервала война. Она вошла в каждый дом, своим черным крылом коснулась каждой семьи. Все меньше оставалось молодых мужчин в Верхнем Акбаше.

Но в первый военный год Карапьби не призвали.

Трудоспособное население, да и старики в меру сил своих, делом отвечали на лозунг «Все для фронта, все для победы!». В поле, на фермах, в саду, на колхозном дворе в основном работали женщины и дети. Карапьби был неутомим. Он уходил из дома за темно и возвращался ночью. Занятия в школе и работа в колхозе занимали у него весь световой день.

Ей припомнилось, как, возвращаясь с прополки, на скрещении дорог, идущих от Муртазово в Верхний и Нижний Курлы и к ним в село, встретила она сына с ученической бригадой.

— Не обижайся, мама,— сверкая белозубой улыбкой и поправляя рукой свою непослушную шевелюру, обратился он к ней,— но сегодня мы крепко обставили вашу бригаду...

От его крепкой фигуры, от загара, покрывшего лицо и руки, от легкости, с какой он двигался после утомительного рабочего дня, веяло таким юношеским

задором, что на мгновенье отступили все горечи, связанные с войной. Именно та встреча в поле как-то больше всего запала в душу Бабине Адальгерииевне.

Вскоре война докатилась и до Северного Кавказа. В июле... Да, в июле сорок второго года проводила она Каульби на фронт. И только весной сорок третьего узнала, что воевал он совсем рядом. И узнала это из его письма. Вот они эти письма. Содержание их знала она наизусть. Порой ей даже отчетливо представлялось, как Каульби их писал, что его окружало, чем заняты были его друзья по оружию.

Вот письмо, относящееся к концу зимы 1943 года. «...Мы уже на украинской земле. Скоро освободим Харьков. Но я прошу извинить меня за то, что находился так близко, в курпских лесах, и не смог повидать вас. Теперь хоть письма буду посыпать чаще».

Но больше других любила она повторять слова из другого письма: «Дорогие мои! Я чувствую себя хорошо. Вместе со своими фронтовыми друзьями нахожусь на Украине, вблизи Киева. После пятисуточных непрерывных и упорных боев нас отвели на короткий отдых и я пишу это письмо в окопе, куда ласково заглядывает осеннее солнце. Оно приятно пригревает. Как хотелось бы в такой день пожить без войны! Но война есть война. И мы с нетерпением ждем наступления темноты, чтобы под ее прикрытием снова занять передовые рубежи, а потом внезапной атакой овладеть ближайшим селом, важным опорным пунктом противника. Вы можете верить — ненавистный враг будет разбит до конца. Но и вы должны работать напряженно: фронту нужен хлеб. А мы не пощадим своей жизни и обеспечим прочный мир на земле».

...Нет, не хотела слушать Бабина Адальгерииевна соседок, советовавших ей на сельском кладбище поставить символический памятник Каульби. Для нее он оставался живым. Таким, как сохранила ее память. И

зачем памятник на кладбище? Если он логиб как герой, то там обязательно есть или будет памятник. А память о нем должна быть для всех.

Трудно объяснить почему, но после одной из таких встреч с памятью о сыне, ноги сами привели ее за окопицу села в поле на тот перекресток, где в сорок втором встретилась она с ученической бригадой. Постояла под палиющими лучами солнца, окинула грустным взглядом пожухлую и выгоревшую от зноя траву на обочине, вдохнула горьковатый и пыльный от проходившего мимо автобуса воздух и вспомнила. Вспомнила, как тогда Каульби сказал: «Неплохо бы здесь хоть пару деревьев посадить. Можно от жары было бы скрыться...»

«Так вот почему меня влекло к этому месту,— подумала Бабина Адальгериновна.— Каульби тогда думал не о себе. Заботился он о людях, которым приходилось бывать на этом перекрестке в дни летнего зноя, осенней распутицы или зимней стужи, работая или поджидая попутную машину».

Решение созрело само собой. А вечером, когда старший и младший сыновья возвратились с работы, она пригласила их, чтобы посоветоваться.

«Думаю я,— говорила Бабина Адальгериновна,— что Каульби одобрил бы наш план. А смысл его в следующем. Наверное, каждый из вас хорошо знает перекресток дорог за Акбашем. Неуютно там для путников. Летом на солнцепеке жарко. Зимой от ветра холодно. Еще до ухода в армию мечтал Каульби на этом месте посадить деревья. Нам надо было выполнить его желание. Поэтому вместо расходов на памятник, наверное, лучше на наши средства оборудовать автобусную остановку на перекрестке и обсадить ее деревьями. И желание Каульби будет исполнено, и память о нем сохраним, и людям добро сделаем. Смогут они укрыться от зноя и непогоды».

Приняли братья предложение матери, горячо взялись за дело, и выросло в поле у дороги крытое ажурное сооружение с удобными скамьями для путников. Поднялись и каждую весну покрываются буйной зеленью листвы деревья и кусты сирени вокруг. И каждый, кому довелось побывать на этой остановке, узнавал о сельском учителе, отдавшем жизнь за счастье и мир на земле, и уносил с собой частицу душевой щедрости тех, кто свято сохранил память о нем.

...Спустя годы красные следопыты сумели разыскать братьев Каульби и пригласить их на открытие памятника погибшим в годы войны советским воинам, освободившим украинское село Тышковцы, что в Ивано-Франковской области.

## ПО СЛЕДАМ ФРОНТОВОГО ПИСЬМА

Среди писем, полученных мною в год 30-летия Победы, было одно, на которое я не мог ответить почти пять лет. Прислал его председатель Черниговского сельского Совета Прохладненского района Темирбек Максимович Коков. «...В 1962 году,— писал он,— во время ремонта сельской школы на чердаке было найдено фронтовое письмо Владимира Петроchenko. Адресовалось оно педагогическому коллективу Черниговской школы. И хотя с той военной поры прошло много лет, считаю, что этот живой документ не утрастил и теперь своей злободневности. Поэтому во всех удобных случаях знакомлю с ним молодежь села и думаю, что оно помогает лучше понять величие совершенного в годы войны подвига нашего народа. Но, сколько ни спрашивал старожилов села о Владимире Петроchenko, никто о нем ничего не знает. Видно, он не из местных...»

Далее следовала просьба сообщить, если извест-

но, или помочь выяснить, как сложилась судьба автора фронтового письма. И направлялась она мне только потому, что Владимир Петроchenko в свое время учился в нашем пединституте. Прислал Темирбек Максимович и письмо Петроchenko. Вот этот документ: «Друзья! Псылаю вам свой боевой гвардейский привет и желаю наилучших успехов в вашей повседневной работе! Воспитывать и обучать молодое поколение в духе коммунизма — это трудная и ответственная задача. Тем более в период военного времени. Не думал я быть военным человеком. Готовился к самой мирной на земле профессии. Учился в Нальчике в пединституте и работал в школе. Так что мы — коллеги. Правда, педагогический опыт у меня невелик. Пока проходил срочную службу в Красной Армии, грянула война. А что это такое, в двух словах не скажешь. И все же у меня большое желание поделиться пережитым с вами. Многое довелось испытать за эти годы. Участвовал в боях. Ходил в штыковую атаку — самое наитруднейшее боевое испытание моральных качеств человека. Был ранен. Но я полон решимости биться с ненавистными захватчиками до полного уничтожения фашизма в его собственной берлоге. И я уверен в том, что недалек час, когда задача, поставленная Верховным Главнокомандующим, будет нами выполнена.

Товарищи, вместе с вами работает Анастасия Федоровна Хошенко. В коллективном письме, которое мы получили из школы, есть и ее подпись. К сожалению, когда мои боевые друзья отвечали на ваше письмо, меня в части не было. Хочу сообщить, что с Анастасией Федоровной мы познакомились во время учебы в Нальчике. Совсем недавно мне посчастливились с нею встретиться. Познакомившись с вашим письмом, решил ответить от своего имени и послать ей сердечный привет и наилучшие пожелания. Если

останусь в живых, то снова буду работать в школе. Есть пословица: «Гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда сойдется». Так и мы, надеюсь, еще встретимся. Будьте все здоровы. С боевым гвардейским приветом к вам, друзья-коллеги, Владимир Петроченко. 8 января 1944 года».

Что мог я ответить Темирбеку Максимовичу? Не встречалось раньше мне это имя, да и из тех товарищей, к которым обратился, никто его не знал. Не было известно ни отчества Владимира Петроченко, ни года его рождения, ни факультета, на котором он учился. Даже адрес полевой почты не был указан, так как в конце была сделана приписка: «Письмо опущу с нового места, а пока: Московская обл., г. Озеры, до вос требования».

И все же не терял я надежды найти хоть одного однокурсника Петроченко. Не раз расспрашивал выпускников пединститута разных лет, обращаясь с просьбой к слушателям августовских совещаний при институте усовершенствования учителей, однажды о письме Владимира Петроченко рассказывал телезрителям. Но все попытки оказались тщетными. Не было сведений и о Хошенко. Могло случиться так, что она сменила фамилию или выехала за пределы республики.

Помог случай. Как-то просматривая в Центральном архиве КБАССР списки педрабфаковцев, я нашел фамилию Хошенко. Имя и отчество совпадали. Начал расспрашивать о ней тех, кто учился в то время на рабфаке, и выяснил, что совсем недавно жила и работала она в городе Прохладном. Тут вскоре позвонил заведующий Прохладненским районом Михаил Михайлович Лукьянчиков.

— Вы знаете, у меня есть интересная новость о судьбах выпускников пединститута 1942 года. Будете в Прохладном, обязательно заходите.

Воспользовавшись случаем, я поинтересовался, что ему известно об Анастасии Федоровне Хошенко.

— Хошенко? — переспросил он.— Фамилии такой не помню. Знаю Анастасию Федоровну Кованько. Быть может, раньше она была Хошенко. Выясню и перезвоню.

Предположение Михаила Михайловича подтвердилось, и с его помощью мне удалось встретиться с Анастасией Федоровной. Заметно волнуясь, ведь речь шла о событиях памятных дней войны, начала она свой рассказ:

— С Владимиром Петроchenko познакомилась я, когда училась на рабфаке. В ту пору он был студентом исторического отделения учительского института. Учился на заочном отделении. Поэтому так трудно найти кого-либо из его однокурсников. В Нальчик приезжал только на сессии. Работал он в средней школе села Гнаденбург. До войны, по территориальному делению, это село входило в состав Курпского района КБАССР.

Каким он был? Веселый, общительный, хорошо пел. По-моему, самодеятельный хор их школы с успехом выступал на республиканских смотрах. Сейчас трудно уже припомнить все, что было тогда.

Анастасия Федоровна замолчала, пытаясь восстановить мысленно события тех лет, потом продолжила:

— Знакомство наше было обычным, студенческим. И я, возможно, со временем могла забыть о нем, если бы не та случайная встреча. Шла война, ежедневно уносившая тысячи жизней. Было трудно. Зимой работали в нетопленой школе. Все силы отдавали не только занятиям, но и заботе о помощи фронту. Однажды нам поручили встречать санитарный поезд. В вокзальной суполовке меня окликнул знакомый голос. Я оглянулась и вначале ничего не поняла. На меня,

весело улыбаясь, глядел высокий, стройный, в новенькой форме лейтенант. Это был Владимир Петроchenko. Он сообщил, что в Прохладном проездом. Заехал после курсов переподготовки офицерского состава. Дальнейший путь в Москву. Я уже не помню, о чем могли мы в тот момент переговорить. Наверное, меньше всего о трудностях войны и о том, где и как довелось ему воевать. Вспомнили счастливую пору студенческой юности, общих знакомых, мирное небо и маленькие радости тех дней.

Это была последняя наша встреча..

— А как же письмо, которое прислал он в школу?

— Письмо, которое нашли в школе, я хорошо помню. Фронтовые письма тогда помогали нам и ученикам преодолевать многие трудности. Но письма от Владимира Петроchenko шли недолго. Кто-то из его сослуживцев сообщил, что Владимира направили в другую часть, где, по полученным сведениям, в одном из боев он погиб. Другой его товарищ рассказывал, что Владимир получил назначение в воздушно-десантную бригаду и был смертельно ранен. Но как сложилась его судьба, мне так и не удалось узнать. Вот, пожалуй, и все, что мне о нем известно. Да, могу сообщить еще, что звали его Владимир Антонович и было ему лет тридцать...

После этой встречи, располагая некоторыми сведениями, я уже намеревался направить запрос в Архив Министерства обороны СССР, чтобы навести справки о лейтенанте В. А. Петроchenko, как вдруг пришло письмо от Анастасии Федоровны. «...Воспоминания так взволновали меня,— писала она,— что я забыла сообщить нечто важное. В Гнаденбург приехал Петроchenko вместе со своим товарищем по учебе в Ставропольском педучилище Калмыковым. По моим сведениям после войны Василий Степанович Калмыков работал в Нальчикской средней школе № 4. Он,

видимо, знает больше о судьбе Владимира Петроchenko, чем я...»

Бывает же такое! С Василием Степановичем знаком я был много лет. Чуть не каждый день, когда работал он в школе, встречался с ним. Мимо моего дома ходил он на работу. Не раз я бывал в школе во время педагогической практики студентов. А вот спросить его о Владимире Петроchenko как-то не догадывался. Встретил он меня очень радушно. Достал все свои архивы и совершенно спокойно сообщил:

— Жив остался Петроchenko... В Нальчик не вернулся. Обосновался в Калининградской области. Приезжал однажды в гости. Отдыхал и лечился на курорте в Пятигорске. Писать не любит. По-моему, раза два присыпал телеграммы. Поздравлял с праздником. Во время его визита мы с Александром Георгиевичем Павлюком, нашим общим товарищем по работе в Курпском районе, уговорили сфотографироваться с нами. Вот эта фотография.

Василий Степанович положил на стол снимок, и я впервые увидел человека, судьба которого меня так интересовала. Но, к сожалению, и Калмыков не знал адреса Петроchenko. Установить его удалось только через адресное бюро. А потом пришло письмо. Из него выяснилось, что Владимиру Антоновичу Петроchenko довелось участвовать в обороне Москвы, воевать на Калининском фронте, учиться в военном училище в Барнауле, а затем, уже в составе воздушно-десантной бригады, снова вернуться на фронт и участвовать в штурме Кенигсберга: «...Разве обо всем расскажешь? — писал он.— После войны твердо решил вернуться в школу, причем обязательно в Калининград. Именно этот город штурмовала наша 43-я армия, в которой принял я свое боевое крещение где стал я коммунистом. В городском комитете партии получил направление на должность директора

школы и задание восстановить школьное здание. Требовалось из руин и пепла поднять город. И в том, что это было осуществлено, есть доля и моего скромного труда. Поэтому считаю, что обещание, которое дал во время войны педагогическому коллективу Черниговской школы, выполнил. Теперь на пенсии...»

Вот и вся история с фронтовым письмом. История, которая позволила узнать еще об одной судьбе из многих тысяч судеб участников тех грозных событий Великой Отечественной войны.

## ФРОНТОВЫЕ РЕЛИКВИИ

Осенью сорок первого года для многих бойцов срочной службы предстояла демобилизация. Мечтал о том, как снова вернется к мирному учительскому труду в Нижнекурпской средней школе красноармеец 88-й стрелковой дивизии Василий Степанович Калмыков. Но не скоро суждено было сбыться мечтам. Весть о войне вместе со своими однополчанами встретил на Белом море. За несколько дней до ее начала дивизия из Архангельска морем направлялась на окружные учения. Пришлось снова возвращаться в Архангельск, переходить на боевую экипировку и уже по железной дороге двигаться к станции Лоухи. Там впервые участвовал в боях. Дорого заплатил враг за попытку с ходу овладеть этим важным узлом обороны.

Когда фронт в Заполярье стабилизировался и стало ясно, что до возвращения к мирному труду воевать придется долго, многих красноармейцев со средним, высшим и незаконченным высшим образованием отозвали с передовой и направили на армейские краткосрочные курсы командного состава. Получив звание младшего лейтенанта, Василий Калмыков был назначен командиром стрелкового взвода в 24-й гвардей-

ский стрелковый полк 10-й гвардейской стрелковой дивизии, одной из первых удостоенной гвардейского звания среди частей и соединений, защищавших советское Заполярье.

В долгие месяцы оборонительных боев бойцы и командиры дивизии, как и все советские люди, с волнением слушали радио Москвы, читали сводки Совинформбюро и приказы Верховного Главнокомандующего о сокрушительных ударах советских войск на других фронтах. Жили мыслю о том, что и их самый северный фронт придет в движение. И этот час пробил...

В восемь часов утра 7 октября 1944 года гул артиллерийской канонады прокатился на широком участке фронта. Два часа не умолкали орудия. Густой черный дым закрыл небо. Вместе с другими подразделениями дивизии повел в атаку свой взвод на направлении главного удара младший лейтенант Калмыков. В первый же день наступления удалось преодолеть главную полосу глубоко эшелонированной обороны противника и выйти к реке Титовка.

Но враг яростно сопротивлялся. Гитлеровцы ждали этого наступления, поэтому основательно укрепили Петсамский район. Три полосы обороны опоясывали его. Несколько дней не умолкал гул сражения. 7-я стрелковая рота, куда входил взвод Калмыкова, первой вышла к реке Петсамо-Йоки, форсировала ее по непрерывным огнем противника и на четвертый день наступления перерезала дорогу Петсамо — Салмиярви. Об умелых действиях командира взвода, о мужестве бойцов рассказывалось на страницах дивизионной газеты «Сталинское знамя». Чтобы лишить противника возможности осуществить маневр и отвести свои войска на Киркенес, командир дивизии поставил задачу 24-му гвардейскому полку захватить развалины дорог, ведущих к Петсамо и городу Никель. Два д

сдерживал полк яростные атаки противника. На третий день бойцы взвода Калмыкова обнаружили пещеру, в которой скрывалась большая группа норвежцев. С их помощью удалось найти обходные пути и проникнуть на окраину Петсамо. За проявленное мужество и умелое руководство взводом, первым вступившим в Петсамо, гвардии лейтенант В. С. Калмыков был награжден орденом Красного Знамени.

22 октября 1944 года 131-й стрелковый корпус, в который входила 10-я гвардейская дивизия, начал бой за город Тарнет, а утром 25 октября ворвался в город Киркенес. Наступление наших войск на самом северном участке фронта завершилось разгромом горноегерских частей противника. Приказом Верховного Главнокомандующего 10-й гвардейской было присвоено почетное наименование «Печенгской».

...Много лет спустя встретились мы с Василием Степановичем Калмыковым. В Нальчике, в зелени сада стоит уютный домик. Много цветов. Им отдавал свободное время Василий Степанович. Двадцать семь лет после войны посвятил он педагогическому труду только в средней школе № 4. До последних дней жизни помогал он советом и делом коллективу школы, часто встречался с учащимися. Как ветерана минувшей войны и ветерана труда его приглашали на сборы пионерской дружины, на праздники. Но мало кто знал о сохраненных им фронтовых реликвиях. Да и мне удалось об этом узнать совершенно случайно. При встрече речь шла у нас о Петроchenko. Разыскивая его послевоенную фотографию, Василий Степанович выложил на стол целую кипу документов. Среди них мое внимание привлекла записная книжка. На ней запекшаяся кровь и след пули, пробившей обложку и листы.

— А это чья записная книжка? — спросил я.

— Моя, — несколько смущившись, ответил он. — Так,

сохранил на память. Где-то есть и пуля вражеского снайпера. Но ее извлекли не из книжки, а из моей грудной клетки...— Он пошарил в коробочке и достал уже потемневшую от времени пулю с затупившимся от удара острием. Проявив настойчивость, мне удалось заставить Василия Степановича рассказать об этих фронтовых реликвиях.

— После окончания операций на севере,— поведал он,— нашу дивизию перебросили на 2-й Белорусский фронт. Участвовали мы в разгроме Восточно-Померанской группировки противника. В течение месяца находились в постоянном движении, совершали обходные маневры, форсировали реки, отбрасывали разрозненные фашистские группы все дальше и дальше к северу. Наконец дивизию нашу повернули на Гдыню. Это последний крупный порт, откуда гитлеровцы могли эвакуировать морским путем остатки войск и гражданское население в Германию.— Он задумался на мгновение, потом продолжил.— Обороне Гдыни враг уделял особое значение. Это был мощный укрепленный район. 23 марта 1945 года начали мы передислокацию и вдруг обнаружили, что противник большими силами прорвался в наш тыл. Пришлось срочно разворачиваться и вести ночной бой вслепую. На следующий день нам удалось задержать противника и выйти к рубежу Демптау — Пустковицы.

Здесь при подготовке к наступлению и поймал меня 25 марта в оптический прицел вражеский снайпер. Чистая случайность, а быть может, причиной тому явились записная книжка и партийный билет, которые находились в нагрудном кармане, но пуля в сердце не попала. Она прошила эту записную книжку наискосок, сломала ребро и застряла в легких. На удивление я даже не потерял сознание, хотя удар почувствовал сильный. До полевого госпиталя рану зажимал рукой. Сопровождал меня наш санинструктор. Сна-

чала и операцию не стали делать, а только обработали рану. Позже перенес я тяжелую операцию, и военный хирург, извлекая пулю, посоветовал мне ее сохранить. Так до сих пор и сохранил израненную и окровавленную записную книжку и этот свинцовый комочек, чуть не оборвавший мне жизнь. Сохранились они как память тех огненных лет. В члены партии принял я был за месяц до начала войны. Партийный билет прошел со мной фронтовыми дорогами от первого и до последнего залпа. Вот, собственно, и все, что касается этих памятных фронтовых реликвий...

Василий Степанович умолк. Воспоминания унесли его в те далекие военные годы к боевым друзьям по 10-й гвардейской Печенгской дважды Краснознаменной орденов Александра Невского и Красной Звезды стрелковой дивизии. А мне подумалось: как долго еще в памяти нашей будут храниться события и факты давно минувшей войны.

## В ОГНЕ ТАНКОВЫХ СРАЖЕНИЙ

От первого до последнего залпа Великой Отечественной войны пришлось пройти фронтовыми дорогами Александру Георгиевичу Павлюку. А службу в армии начинал в сороковом году вместе со своими земляками Хамиром Апажевым и Яковом Алтуховым во Львове в 53-м танковом полку. Случилось даже так, что первый год службу с Апажевым проходили в одном экипаже танка БТ-7. Когда в дивизию прибыла новая техника, старший сержант Павлюк перешел в 64-й полк на «тридцатьчетверку», а друзья остались в 53-м. И первый бой приняли в составе 32-й танковой дивизии.

В ночь на 25 июня 1941 года их дивизия нанесла мощный контрудар передовым частям 14-го мотори-

зованный корпуса противника. Ошеломленные настиском советских танкистов, гитлеровцы не смогли оказать серьезного сопротивления и, как только увидели столбы дыма от подожженных нескольких своих танков, начали пятиться к яворовскому лесу под прикрытие артиллерии. Быстроходные BT-7 обогнали «тридцатьчетверки» и, увлекшись преследованием противника, попали под огонь артиллерийской засады. И хотя в этом бою было уничтожено 16 вражеских танков, 12 орудий и 14 прицепов с боеприпасами, ощутимые потери понесла и 32-я танковая дивизия. Прямым попаданием снаряда в башню были убиты старший сержант Яков Алтухов и заряжающий его экипажа.

Вскоре по ранению выбыл из дивизии Хамид Апажев.

В середине сентября 1-ю танковую бригаду, где продолжал службу А. Г. Павлюк, ввели в бой в Сумской области. Начавшаяся распутица вызвала большое скопление вражеской техники в районе Штеповки. Подвижная группа генерала Белова, в которую входила бригада, совершив глубокий рейд в обход Штеповки и разгромив заслоны, захватила большие трофеи. До нового года бригада участвовала в боях под Белгородом, Курском и Щиграми. За успешное выполнение боевых заданий командования бригада удостоена была звания гвардейской. Когда фронт стабилизировался, Павлюка направили на курсы командного состава. В 6-ю гвардейскую бригаду (бывшую 1-ю) вернулся он офицером. Командовал танковым взводом.

Памятен для него бой в районе Абганерово. Немецкая танковая армия, прорвав нашу оборону, двинулась на Сталинград. 4 августа 1942 года две гвардейские танковые бригады разгрузились на 74-м километре между Котельниково и Абганерово. Вокруг,

сколько можно охватить глазом, гладкая, как стол, и выгоревшая под ярким августовским солнцем степь, Дни стояли знойные. Танки накалялись так, что от прикосновения к железу обжигало руки.

7 августа в боевом строю двинулись навстречу противнику. Вот наши танки подошли к вражеским машинам на расстояние орудийного выстрела. Появились первые сполохи залпов, потом гул прокатился по степи. Разрывы снарядов подняли к небу тучи пыли и гари, загорелась высохшая трава. Батальон шел на самом правом фланге и, обогнув острие вражеского клина, ударил в его середину. Экипажу А. Г. Павлюка удалось в первой же атаке подбить два танка и одно вражеское орудие. Вдруг удар страшной силы потряс машину. 50-мм вражеский бронебойный снаряд угодил в самое уязвимое место—погон башни танка и разорвался под казенной частью пушки. Механик-водитель с закрытыми глазами откинулся на спинку сидения. Павлюк рванул на себя рычаг управления. Машина послушно развернулась. Механик-водитель открыл глаза. По жесту командира он понял, что нужно немедленно выводить танк в безопасное место. Взревел двигатель. По небольшой ложбине на полном ходу танк выскочил из зоны обстрела и достиг командного пункта. Чудом оставшихся в живых членов экипажа отправили в госпиталь.

— В госпитале,— продолжал вспоминать Александр Георгиевич,— находился два месяца, но нуждался еще в отдыхе. Поэтому назначения в часть не получил. А ехать было некуда. Фашистские войска докатились до Кабардино-Балкарии. Попал в резерв офицерского состава бронетанковых войск и лишь спустя некоторое время получил назначение в 8-й отдельный гвардейский тяжелый танковый полк прорыва. В районе Мценска снова был ранен. Долгое время после лечения в госпитале выполнял обязанности

офицера связи и только в ноябре 1943 года снова получил назначение на должность командира взвода 223-го отдельного танкового полка на Белорусском фронте. Но обо всем не рассказать...

Прав Александр Георгиевич. Обо всем просто невозможно рассказать. Но в его военной биографии два эпизода стоят того, чтобы о них не было забыто. Летом 1944 года прошла одна из крупнейших операций по разгрому немецко-фашистских войск в Белоруссии. В ее успехе большая заслуга танковых соединений. Вправе гордиться Александр Георгиевич тем, что есть доля и его ратного труда в той операции.

23 июня 1944 года в районе Малой и Большой Коноплянок, что севернее Рогачева, полк танковых тральщиков, три полка «тридцатьчетверок» и два полка тяжелых танков КВ при поддержке батареи самоходных орудий осуществляли прорыв вражеской обороны и ввод в прорыв танкового корпуса. Задача эта была успешно выполнена. В том бою из взвода лейтенанта Павлюка уцелел всего один танк. Командир взвода третий раз был ранен. За образцовое выполнение заданий командования и проявленное при этом мужество лейтенант Павлюк был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Заключительный этап войны прошел Александр Георгиевич в 17-й гвардейской танковой бригаде 1-го Донского танкового корпуса, который участвовал в разгроме Восточно-Померанской группировки противника. За успешное проведение операции по выходу к морю в районе Сопота, взятие Аливы, захват заминированного противником моста, обеспечение частей корпуса выхода на Гдыню с севера, а также за уничтожение двух «фердинандов» и одного «королевского тигра» в боях с 23 по 25 марта 1945 года командир танкового взвода А. Г. Павлюк награжден орденом Александра Невского.

На берегу Балтийского моря в Ростоке прогремели последние залпы танковых орудий. Но не сразу удалось вернуться к мирному труду Александру Георгиевичу. Только в 1947 году приступил он к прерванному войной любимому делу. Работал учителем, инспектором, методистом, директором школы. И теперь продолжает работу в республиканской заочной средней школе на должности методиста.

Радостью наполняется сердце ветерана, прошедшего суворые испытания в огне танковых сражений, когда приходят весточки от внуков, ставших офицерами Советской Армии, чтобы бдительно охранять мирный труд, радостную и спокойную жизнь советского народа.

### ВЫПУСКНИКИ СОРОК ПЕРВОГО

Два письма о судьбах выпускников педагогического института сорок первого года пришли почти одновременно. Первое прислал из Тамбова подполковник запаса Виктор Николаевич Суровцев. Второе пришло из Кисловодска от учителя средней школы № 2 Эммануила Карповича Стамбуляна.

«...Когда нам вручали дипломы,— сообщал Виктор Николаевич,— когда нас поздравляли с получением высокого звания советского учителя, над страной уже бушевало пламя войны. И каждый твердо знал, что путь к школе для нас пройдет через ее испытания. Но никто предполагать не мог, что ряды наши так поредеют. Многих мы не досчитались после войны. Как сейчас вижу порывистого и душевно искреннего Дмитрия Алоева, степенного и рассудительного Ивана Гриненко, стеснительного и мечтательного Григория Кравченко (а ведь в годы студенчества он был курсантом Нальчикского аэроклуба и стремился стать воен-

ным летчиком), веселого и общительного Ивана Сергеева (его ласково звали «Ванюшой» не только однокурсники, но и большинство студентов). Разве можно забыть Бориса Бегиева и Якова Рогова? Они увидели радостный день Победы. Но перенесенные испытания в годы войны сократили их жизнь и мирный труд. Как солдат, прямо на службе, будучи работником Министерства просвещения Северо-Осетинской АССР, ушел из жизни Борис Бегиев. Еще в студенческие годы Яков Рогов нуждался в лечении, страдал хронической болезнью желудка. Когда пришла пора воевать, он не воспользовался возможностью остаться в тылу и ушел на фронт. В 1946 году Яков Моисеевич начал учительствовать в Нальчикской средней школе № 1. Но военные и послевоенные невзгоды, трудности с питанием не позволяли ему придерживаться строгой диеты и через год жизнь его оборвалась...

Очень прошу рассказать подробнее о наших друзьях по учебе. Они заслуживают этого!»

«Я дважды перечитывал Вашу книгу,— писал Эммануил Карпович.— Искренне благодарен за добрую память о днях нашей студенческой юности и огненных годах войны. Мне думается, что поиск прекращать нельзя. Просто необходимо назвать имена всех тех героев, которые отдали свою молодую жизнь за нашу Победу. Считаю своим долгом сообщить все, что мне известно о выпускниках пединститута. Прежде всего о тех, кто погиб. Это Иван Сергеев и Александр Прокопов. Без преувеличения могу сказать, что Сергеев был любимцем всего института. Очень жизнерадостный и остроумный парень, немного неорганизованный, но способный, прекрасный спортсмен, непременный участник соревнований, кроссов, походов секции альпинизма и туризма. Запомнился он в роли Хлестакова из «Ревизора» Гоголя. Студенческий спектакль этой пьесы прошел с большим успехом. Уж

после войны узнал я, что погиб он, защищая Сталинград. Несколько меньше знал я Александра Прокопова. Думаю, друзья его по учебе могут о нем рассказать подробнее. Нисколько не сомневаюсь в том, что и Сергеев и Прокопов храбро сражались на фронтах и погибли как герои...»

Так случилось, что вскоре после получения этих писем, в Нальчик приехал В. Н. Суровцев и мы встретились. От него удалось многое узнать об однокурсниках. Воспользовавшись паузой в разговоре, я спросил, что ему известно о гибели Александра Прокопова. Он удивленно взглянул на меня и спросил:

— А когда он погиб?

— Как когда? Во время войны! Да вот письмо Стамбуляна...

— Ну и напугали вы меня,— улыбаясь и широко разводя руки, произнес Виктор Николаевич.— Не больше чем года два тому назад встречался я с Сашей в Пятигорске. Он жив и здоров. Успешно работает на кафедре физики фарминститута. Пишет диссертацию...

Теперь наступила моя очередь удивляться и радоваться тому, что Прокопов «воскрес» из списков погибших в годы войны.

Разыскать Александра Матвеевича Прокопова удалось без особого труда. В один из воскресных дней в районе пятигорского верхнего рынка нашел улицу имени Фрунзе и постучал в квартиру № 5. Встретил меня Александр Матвеевич очень любезно. Я рассказал ему о письме Стамбуляна, о разговоре с Суровцевым и о причине, побудившей встретиться с ним. Заостренко улыбаясь, он ответил:

— Никогда бы не подумал, что личность моя будет кого-то интересовать. Спасибо друзьям по учебе за их память. Что сказать о себе? Ничего особенного. Дела движутся к пенсии...

Он умолк и поднял на меня глаза, прикрытие стеклами очков. Глядя на этого уже немолодого мужчину с поседевшей головой и глубоко залегшими морщинами в уголках рта, я почему-то подумал, что заговорил он о своем предпенсионном возрасте только для того, чтобы собраться с мыслями. Выглядел он для своего возраста еще довольно бодро.

— Сообщая об однокурсниках,— продолжил разговор Александр Матвеевич,— Суровцев забыл сказать о том, что мы вместе с ним призывались в армию в Нальчике и 7 июля 1941 года были направлены в Москву на курсы артиллерийских техников при Военно-артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского. На курсах учились Дмитрий Алоев, Борис Бегиев, Иван Гриненко, Виктор Суровцев, Василий Федченко, Александр Чикин и я.

В октябре нас аттестовали и большинство направили в войска, защищавшие Москву. Я получил назначение в 868-й истребительно-противотанковый полк Резерва Главного Командования. Недалеко от Подольска заняли мы огневые позиции. Командир полка на совещании командного состава коротко доложил обстановку. Приказ был один: «Стоять насмерть!», «Не допускать врага к столице! За нами Москва! За нами Родина!».

Потом полк передали в состав 43-й армии, которая вела тяжелые бои в районе Юхнова. Здесь пришлось убедиться в том, сколь грандиозным было сражение за то, чтобы не отдать на поругание нашей столицы.

Потом, улыбнувшись, он продолжил:

— А вскоре меня постигла неудача. Кто-то из однополчан заметил, что зрение мое пошаливает. Я это пытался скрыть еще в академии. Там сходило. А на фронте нет. Пришел приказ откомандировать меня в распоряжение начальника полевых армейских складов. Попытки остаться в полку оказались тщетными

Пришлось, водрузив на нос очки, вступить на должность артиллерийского техника полевого армейского склада № 1413 43-й армии. Кое-кто представляет службу в тыловых подразделениях чуть ли не как райскую. Должен сказать, что служба эта не мед. Мы обязаны были обеспечивать проведение боевых операций. Фронт ежедневно требовал тысячи тонн боеприпасов и различного снаряжения, без которого невозможно было и думать об успешном наступлении. Днем и ночью, в жару и в ненастье по дорогам, разбитым и искалеченным войной, доставлялись эти грузы к переднему краю.

Иногда по несколько суток приходилось работать без сна и отдыха. Тылы не всегда плотно прикрывались зенитной артиллерией. Поэтому нередко нас бомбила вражеская авиация. И после каждого налета кого-то не досчитывалось в наших рядах. Так в составе 43-й армии прошел я дорогами войны до Восточной Пруссии. Последними операциями, в которых довелось принимать участие, были бои под Кенигсбергом. На фронте приняли меня в Коммунистическую партию.

За время войны связи с друзьями по учебе порастерял. Демобилизовался в сорок шестом году. Вернулся в Минеральные Воды. Некоторое время работал лаборантом и учителем в школе. С 1952 года — ассистент кафедры общей физики Пятигорского фарминститута. Работой доволен. Несколько раз был в Нальчике. Но почему-то думал, что о нас давно позабыли. Институт стал университетом. У него своя история. Случилось так, что после войны мало кого из однокурсников встречал. Поэтому Стамбулян решил, что и я погиб в годы войны. Война забрала многих моих друзей. Спасибо университету за то, что память о них воскрешена. Постараюсь и я внести свою долю в поиск...

Мы условились о том, что Александр Матвеевич

будет информировать меня о полученных им сведениях, и расстались. А вскоре пришли письма от него и Стамбуляна. «Мы встретились!» — сообщал Прокопов.

«Да, действительно, я был у Прокопова,— писал Стамбулян.— Вы не представляете, какой это был сюрприз для меня! Я встретил товарища по институту, которого все эти годы считал погибшим. Поэтому нет необходимости писать о том, сколь трогательной и теплой была эта встреча. Мы вспомнили все: и годы учебы, и годы войны, и безвозвратно ушедшую юность, и, конечно, друзей по учебе, родной институт, давший нам путевку в жизнь. В знак знаменательной встречи у дома Прокопова посадили дерево. Решили встречаться у этого дерева ежегодно».

Во время нашей встречи с Прокоповым состоялся разговор о Сергееве.

— Ну как же, помню,— взволнованно говорил Александр Матвеевич,— мы ведь с Ваней земляки. Учились в одной школе в Минеральных Водах. Семья Сергеевых была большой и дружной. Четверо братьев и три сестры. Потом в институте с ним встретились. Разве можно забыть все это! Обещаю в ближайшее время разыскать сестру Вани Сергеева и узнать подробности о службе и обстоятельствах гибели моего однокурсника..

Вскоре Александр Матвеевич приспал письмо, в котором сообщал, что поиски Сергеевых в Минеральных Водах оказались тщетными. И все же ему удалось встретиться в Пятигорске с младшим Сергеевым, Владимиром, а в Кисловодске — с Ниной Матвеевной Сергеевой.

«...Нелегко мне,— писала Нина Матвеевна — возвращаться памятью к грозной военной поре. Четверо моих братьев сражались на фронтах. Троє не вернулись с войны».

С Ваней мы погодки, поэтому, наверное и в детстве и в юности дружили. Делились маленькими радостями и горестями. Часто писали друг другу в годы учебы. Ваня учился на физмате в пединституте в Нальчике, а я в Дагестанском мединституте. После окончания института брата направили на работу в сельскую школу в Кабардино-Балкарии. Я уже забыла, как называется село. Работал он даже директором школы, но недолго. В связи с войной его призвали и направили в Орджоникидзевское военно-пехотное училище. У меня сохранилась фотография Вани в курсантской форме. Когда возникла опасность прорыва немецко-фашистских войск к Волге, всех курсантов отправили на Сталинградский фронт. Самые трудные бои обороны Сталинграда прошел он со своими товарищами. Уже начался разгром окруженной вражеской группировки, когда домой пришло горестное извещение из госпиталя. В нем сообщалось, что Ваня был тяжело ранен в бою 24 ноября 1942 года. Доставлен в полевой госпиталь № 751. Долго боролся за его жизнь медперсонал госпиталя, но ничего не удалось сделать. 9 декабря он скончался от ран. Похоронен в братской могиле в селе Татьяновка Сталинградской области. С июня 1942 года и до конца войны мне довелось работать в военных госпиталях врачом-ординатором хирургических отделений. Насмотрелась столько, что страшно вспомнить. Сейчас сделала бы все, что от меня зависит, чтобы не увидали и не узнали ни дети наши, ни внуки того, что довелось пережить нашему поколению».

А спустя некоторое время от Нины Матвеевны Сергеевой пришло еще одно письмо. «...Прошу прощения,— писала она,— что предыдущее письмо было продиктовано такими грустными воспоминаниями. И теперь, спустя многие годы, не заживают раны, нанесенные минувшей войной.

Для нашей семьи было приятно узнать, что нынешнее поколение студентов так бережно хранит память о тех, кто не вернулся с войны. Радостно, что о нашем брате кроме нас еще кто-то помнит. В день тридцатипятилетия Победы мы с сестрой побывали в Нальчике, поклонились памятнику возле университета, возложили цветы. Было так, будто навестили Ваню. Прочитали большой список на мраморных плитах и стало больно: столько молодых, красивых, талантливых и сильных забрала война... Сердечное спасибо коллективу университета за память..."

Память В. Н. Суровцева сохранила адрес родителей Григория Кравченко. Его мать, Евгения Максимовна, провела меня в дом и достала из сундука все, что связано было с сыном: зчетную книжку, блокнот курсанта, фотографии и единственное письмо, полученное вскоре после освобождения Нальчика.

В блокноте лаконичные записи, по которым можно проследить, как овладевал он летным мастерством. В нем расписание теоретических занятий в аэроклубе. Наконец, запись во всю ширину листа: «На самолете с инструктором Скакуновым 17.7.39 года совершил первый самостоятельный полет». Дальше точные сведения о каждом из полетов, времени полета, оценок, замечаний строгих инструкторов, комментарии к ним. Судя по этим заметкам, с 19 июля самостоятельные полеты продолжались больше месяца. Зафиксирован и такой факт: «8.8.39 г. Мой первый прыжок с парашютом с самолета У-2. Высота 800 метров. Вызвал летчик-инструктор парашютист тов. Цараев».

После этих восторженных фраз можно пэнуть, с каким огорчением появились строки: «Последний полет совершил 21 сентября 1939 года. С 22 числа заболел. На полеты не ходил. Приезжала комиссия Наркомата обороны (по отбору в военные авиационные училища). Не пройдя медицинскую комиссию (скрытое

косоглазие), полетов не сдавал и был оставлен в Нальчике. Комиссия выехала в город Ейск».

И хотя заветная мечта не исполнилась, военным летчиком стать не удалось, его манила высота. Пошел в секцию альпинизма. Первое высокогорное «крещение» прошло в Приэльбрусье. В блокноте появилась запись: «9.7.40—20.7.40 г. Альппоход. Баксанское ущелье — альплагерь «Учитель» — Терскол — перевал Азау — вершина Азау-Баши — перевал XX лет ВЛКСМ — вершина Узловая (высота около 4 тысяч метров)».

Григорий оказался способным скалолазом. В октябре 1940 года принимал участие в соревнованиях по скалолазанию в Крыму. Весной 1941 года, будучи на сборах скалолазов, с восторгом писал домой о впечатлениях, которые произвели на него панорама «Штурм Перекопа», восхождение на скалу «Дива», Крымские горы.

Весть о войне встретил во время сдачи государственных экзаменов. На последний экзамен не пошел. Решил, что медицинская комиссия будет не такой строгой, как при отборе в военно-авиационные училища, и ему удастся попасть в авиацию. Но первая же встреча с военкомом успехом не увенчалась. Оказывается, документы курсантов аэроклуба были у него под рукой. Он быстро нашел личное дело Кравченко и посоветовал ему вернуться в институт. Возвращаться не стал. Вновь пошел в военкомат, прося направить его в авиационную часть для службы по техобслуживанию самолетов. Видя такую настойчивость, майор Суслин размашисто написал на заявлении: «Направить для прохождения службы в частях аэродромного обслуживания». Но вскоре появилась возможность попасть в военно-воздушную школу ПВО в Пензе, и Григорий Кравченко с радостью принял это предложение.

Сохранилась фотография периода учебы в этой школе. На обороте надпись: «7.12.41 г. Пенза. ВВШ КА. На память дорогим родным». Григория на этой фотографии трудно узнать. Он отпустил усы, повзрослел. В военной форме курсанты выглядели строго пёдтянуто, у каждого на петлицах скрещенные стволы.

В последнем сохранившемся письме он писал: «...Примите мой боевой армейский привет! Сейчас нахожусь недалеко от тех мест, куда выехал из дома еще в сорок первом году. Продолжаю свою службу в другой части. Из Горького выехал 4 января. Живу хорошо и обо мне вы не беспокойтесь. Очень прошу вас, как получите это письмо, то напишите мне, какие изменения произошли в Нальчике. Сегодня слушал радио и мне даже нехорошо стало от услышанного о том, какие злодеяния совершили у нас захватчики. Я не могу спокойно относиться к этому делу. Надо громить этих злодеев. Передавайте приветы всем родственникам и знакомым. 13.1.43 г., ППС 2390, в/ч 163».

И, наконец, извещение: «Сержант Кравченко Григорий Антонович, 1917 года рождения, будучи тяжело раненным, умер от ран 17 марта 1943 года в полевом передвижном госпитале № 769 и похоронен в сел. Молчаново Поддарского района Ленинградской области»...

Проходят годы. Сменяются студенческие поколения. И каждое новое, обогащаясь опытом предыдущих, вносит в копилку добрых дел вуза свою лепту, бережно сохраняя и приумножая боевые и трудовые традиции. И в каждый поход, в каждый студенческий отряд зачисляются почетными бойцами те, чьи имена занесены на мраморные плиты памятника. Среди них и выпускники грозного сорок первого года.

## УЧАСТНИК ПАРАДА ПОБЕДЫ

Когда возникла угроза выхода немецко-фашистских войск на Тerek и в предгорья Северного Кавказа, была образована Северная группа войск Закавказского фронта с задачей прикрыть Грозненский нефтяной район и жизненно важные магистрали в Закавказье: Военно-Грузинскую и Военно-Осетинскую дороги. На прикрытие Военно-Осетинской дороги из Грузии выдвигалась находившаяся там на переформировании 351-я стрелковая дивизия. Через Они и Шови, по крутым склонам Мамисонского перевала, вышла дивизия к Зарамагу и Алагиру и заняла оборонительный рубеж от Тамиска до Дигоры.

В конце октября 1942 года немецко-фашистские войска с рубежа Старого Уруха нанесли удар по отступавшим частям нашей 37-й армии, вышли к Чиколе и 1 ноября заняли Алагир. Передний край 351-й стрелковой дивизии подвергался непрерывному артиллерийскому обстрелу, вражеская авиация бомбила тылы. С минуты на минуту ожидали вражеского наступления в направлении Военно-Осетинской дороги. Но противник, собрав в мощный кулак танковые и механизированные части, главный удар направил в сторону Гизеля. До 5 ноября стоял непрерывный гул сражения. И все же в столицу Северной Осетии танки фашистские так и не вошли. 6 ноября войска Северной группы перешли в наступление и разгромили Гизельскую группировку противника. Внесли свою долю в эту победу бойцы и командиры 351-й стрелковой дивизии.

Вспоминая события тех далеких дней, выпускник физико-математического факультета 1941 года пединститута Аркадий Васильевич Бороздна при встрече рассказывал:

— Волею судеб довелось мне трудными фронто-

выми дорогами пройти в 351-й стрелковой дивизии весь боевой путь от предгорий Кавказа до Чехословакии. Так случилось, что нас, нескольких бойцов из 26-й запасной бригады, откомандировали на краткосрочные окружные курсы оперативных работников по борьбе с вражеской контрразведкой, после окончания которых я и получил назначение на должность старшего оперуполномоченного особого отдела штаба дивизии...

Трудно передать те чувства, которые одолевали Аркадия Васильевича в дни осени сорок второго года. Ведь не каждому участнику войны довелось воевать так близко от родных мест. Связи с родными не было. Не знал он, уцелели ли они в дни ожесточенных боев на территории Кабардино-Балкарии. В первых числах января 1943 года началось наступление 37-й армии. Подразделения 351-й дивизии проходили через Нальчик сразу же вслед за полками 2-й гвардейской. Еще дымились развалины взорванных зданий, в воздухе носилась гарь пожаров, виднелись следы недавних боев. Пытаясь на ходу рассказывать сославшемуся по отделу Семену Фрейлиху о памятных событиях и местах, связанных с городом студенческой юности, не сразу понял, что из толпы встречавших горожан, звонкий девичий голос обращался к нему:

— Бороздна! Аркадий!

— Это тебя?! — подтолкнул локтем Фрейлих.

Радостно улыбаясь, к ним пробралась Ольга Кукарина. Она училась на литературном факультете педагогического института вместе с сестрой Бороздны. Встреча обрадовала обоих. Ольга тут же сообщила, что отцу Аркадия не удалось эвакуироваться из Прохладного дальше Нальчика. И оккупацию он пережил здесь. Не окликни его Кукарина, так и прошагал бы Аркадий Васильевич через Нальчик, не повстречавшись с отцом.

— Не парадным шагом проходила наша дивизия

через Кабардино-Балкарию,—мой собеседник на мгновение задумался и продолжил: — уже в Первом Чегеме разгорелся бой с вражеским заслоном. У дороги, недалеко от моста через реку Чегем, стоит скромный памятник нашим однополчанам, для которых этот бой оказался последним. Тяжелый бой приняли полки нашей дивизии на рубеже Малки. Об этом не раз рассказывал наш земляк, писатель Аскерби Шортанов. В годы войны он был начальником связи дивизии...

11 января 1943 года территория республики была полностью очищена от немецко-фашистских захватчиков. 20 января дивизия с ходу овладела Невинномысском и устремилась на Кубань.

— Немало было на дорогах войны неожиданных встреч,—вспоминал Аркадий Васильевич.—По долгу службы нам часто приходилось бывать на переднем крае. Шли бои в Приазовских плавнях. Мы с Фрейлихом возвращались на командный пункт полка, когда в воздухе появилось два вражеских самолета. В плавнях укрыться трудно. Все как на ладони. Заметив, что самолеты начали пикировать на нас, мы бросились в ближайшие окопчики. Я навалился на какого-то солдата, пытаясь втиснуться в мелкий окоп. Самолеты спикировали на нас, сбросили несколько бомб и прошли пулеметными очередями камыши совсем рядом. К счастью, никто не пострадал. Выбрались мы из окопа, отряхнулись и, взглянув друг на друга, оторопели. Надо же было попасть в окоп к своему школьному учителю из Прохладного Георгию Федотовичу Голованенко! Выяснилось, что служим мы с ним в одной дивизии с момента ее переформирования. С огорчением узнал я несколько дней спустя, что во время боев за станицу Варениковскую вражеская пуля оборвала жизнь этого прекрасного чело-

века, учившего нас добру, труду, премудростям жизни.

После завершения боев на Кубани дивизия была переброшена под Киев, участвовала в отражении вражеского контрнаступления на Правобережной Украине, изгоняла немецко-фашистских захватчиков с территории Украины и удостоилась почетного наименования «Шепетовской». Уже за Днестром 351-я Шепетовская стрелковая дивизия вошла в состав 18-й армии, в которой принимала участие в боях на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

Память Аркадия Васильевича Бороздны сохранила немало фактов, связанных с событиями боев на территории Чехословакии. Но на вопрос, что было самым памятным, он, не задумываясь, ответил:

— Конечно же, День Победы! Мне думается, что словами об этом невозможно сказать. Это нужно пережить, прочувствовать. Из населенных пунктов войска были выведены в леса. Шла подготовка к возвращению на Родину. Многие уже мечтали о встрече с близкими и родными. В первых числах июня меня вызвали в штаб дивизии, и я получил приказ в тот же день прибыть в Пардубице, где размещался штаб 4-го Украинского фронта. Чем вызвана была такая срочность, я не знал. В Пардубице меня поселили в офицерском общежитии. Наутро нас, представителей всех частей и соединений фронта, построили на плацу.

К нам вышел Маршал Советского Союза А. И. Еременко. Поздравил нас с Победой и сообщил, что нам предстоит выехать в столицу Родины Москву и достойно представлять 4-й Украинский фронт на параде, который намечено провести на Красной площади. Мощным «Ура!» ответил наш строй. Мы с комфортом устроились в санитарных вагонах, и поезд помчал нас в Москву. В столице нас уже ждали. На машинах доставили на Красную Пресню, разместили

А уже на следующий день на московском ипподроме начались тренировки к параду, который вошел в историю, как Парад Победы.

И вот наступил этот запомнившийся на всю жизнь день Парада Победы, 24 июня 1945 года. Накануне нас всех облачили в новеньющую ладно подогнанную парадную форму. Не подобрать слов, чтобы передать всю гамму чувств, которые нахлынули, когда на трибуну Мавзолея поднялись руководители партии и правительства, когда из Спасских ворот на белом коне выехал принимавший Парад Маршал Г. К. Жуков, а навстречу ему на вороном поскакал Маршал К. К. Рокоссовский, когда к подножию Мавзолея особый батальон бросил знамена и штандарты поверженных фашистских армий.

Да что об этом рассказывать! Фильм о Параде Победы обошел все экраны мира. И теперь, спустя многие годы, даже не верится, что все это было, что это мы, прошедшие суровые испытания войны, строго чеканя шаг, шли по брускатке Красной площади. Шли победители, отстоявшие мир от фашизма.

Ратные подвиги Аркадия Васильевича Борозды отмечены орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу», медалью «За храбрость» Чехословацкой Социалистической Республики и другими медалями. Но среди них есть одна, которая вручалась всем участникам Великой Отечественной войны и которая особенно дорога ему: медаль «За победу над Германией». Дорога потому, что вручалась она в Москве и раньше всех участникам Парада Победы. Памятна потому, что в отличие от всех других удостоверений к этой награде для участников Парада Победы удостоверение было отпечатано на особых бланках.

Доктором искусствоведения, профессором, преподавателем Академии общественных наук при ЦК КПСС стал Семен Израилевич Фрейлих. Известен он

как ученый, как кинокритик, как автор целого ряда киносценариев. Друзья по службе в годы войны не порывают связей и в мирные дни.

Тридцать лет посвятил нелегкому педагогическому труду отличник народного просвещения Аркадий Васильевич Бороздна. С благодарностью вспоминают выпускники прохладненских средних школ № 6 и № 8 его уроки математики, на которых учились трудолюбию, самодисциплине, точности формулировок, строгости доказательств, логике рассуждений, ответственности, гражданскому долгу и любви к Отчизне. И, наверное, не ведали, что их учитель был участником Парада Победы.

## НАСТАВНИКИ

В 1977 году проходила встреча педрабфаковцев. Выступая на этой встрече, с присущей ей прямотой и откровенностью Нонна Шагидовна Абидова рассказывала, как в годы учебы на рабфаке, а позже на литературном факультете педагогического института, не по злому умыслу, а по причине бьющей через край энергии и порывистости, немало хлопот и огорчений доставляла своим учителям.

— Наверное,— говорила она,— не было в ту пору такого студента, который вызывал столько нареканий со стороны наших наставников. Поэтому низко склоняю голову перед теми, кто жив и кого нет рядом, за долготерпение и внимание к моему воспитанию в годы учебы. Мы никогда не забудем их кропотливого труда с нами. Но очень жаль, что о преподавателях пединститута так мало написано и рассказано...

С волнением рассказывала она об общем любим-

це Дмитрии Ивановиче Бычкове, о поразительной эрудиции Виктора Петровича Сухотина, обладавшего чудесным даром юмора и редким умением держать студенческую аудиторию в постоянном напряжении, о внешне несколько суровом, но душевно добром Петре Никифоровице Панине и общительном, поражавшем удивительной памятью и вниманием, Биляре Емазаевиче Кабалоеве. На одной из лекций по всеобщей истории произошел курьезный случай с новым преподавателем. Никто из студентов не запомнил ни имени, ни отчества, ни фамилии его. Лекция подходила к концу, и Абидова решила все-таки выяснить, как обращаться к новому преподавателю. Он, смущаясь, сказал, что запомнить нам будет трудно и написал на доске: «Алекберли Мамедкесир Алекбер-заде». «А вы не будете возражать,— предложила она,— если мы, во избежание недоразумений, будем называть вас на русский лад Михаилом Алексеевичем?» Он, улыбаясь, развел руками и дал согласие. Это вызвало восторг всего курса, породило взаимные симpatии и подружило их с первого дня знакомства.

В физической закалке студентов, в воспитании готовности их к преодолению любых трудностей невозможно переоценить значение физической культуры и спорта. Походы по родному краю, массовые соревнования по сдаче норм комплекса ГТО, легкоатлетические и военизованные кроссы, которые готовились и проводились под руководством преподавателей Сергея Ивановича Непши, Антонины Павловны Михеревой, Григория Матвеевича Лобанова и других, сыграли важную роль в становлении характеров студентов тех лет.

— Вступая в жизнь,— говорила Нонна Шагидова,— каждый из нас унес частицу личного примера того преподавателя, которого он больше всего почитал в годы учебы. Сознательно или подсознательно

каждый проверял свои действия в той или иной ситуации на примере действий любимого наставника. И что очень важно: те, в кого мы верили, нас не подвели. Это особенно ярко подтвердилось в суровые годы войны. Так что патриотами мы стали не вдруг. Нас растили, учили и воспитывали в духе безграничной любви и преданности Родине. За это нашим старшим товарищам самая сердечная благодарность.

Должен сказать, что замечание Нонны Шагидовны справедливо. Действительно, до обидного мало знали мы о судьбах преподавателей бывшего пединститута. Несколько теплых строк посвящено было им в сборнике документальных очерков «Поиск продолжается».

После выхода в свет книги стали известны новые факты. Поэтому, не претендуя на исчерпывающую полноту, хотелось бы вернуться к тем, кого называла Нонна Шагидовна Абидова, и поделиться накопленными сведениями.

...От предгорий Кавказа до Альп трудными фронтовыми дорогами прошел командир стрелкового батальона Дмитрий Иванович Бычков. Боевые награды, в том числе два ордена Красного Знамени,— красноречивое свидетельство проявленного им в годы войны мужества. О его ратных подвигах рассказывалось на страницах «Боевой славы Кабардино-Балкарии» и в сборнике «Поиск продолжается». Но был в биографии Дмитрия Ивановича один интересный факт, о котором нигде не упоминалось. Известно, что в пединститут Бычкова направили после окончания библиотечного факультета Ленинградского политико-просветительного института им. Н. К. Крупской. До последних дней своей жизни Дмитрий Иванович как одну из самых святых реликвий хранил удостоверение Наркомпроса РСФСР, потому что документ этот был под-

писан Надеждой Константиновной Крупской, работавшей в ту пору заместителем народного комиссара просвещения РСФСР.

В числе первых преподавателей вуза был Петр Никифорович Панин, направленный для работы в институт после окончания Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской. К тому времени он уже имел опыт педагогической работы в школе. Но по прибытии в институт его немало озадачило предложение принять должность заместителя директора по учебной работе. Институт временно размещался в Пятигорске в неприспособленном для учебных целей помещении, далеко от населенных пунктов, откуда требовалось набрать первых студентов (а в те годы не очень охотно родители отпускали детей на учебу в такую даль), недоставало преподавательских кадров, практически с нуля требовалось создавать учебную базу. Ему, участнику гражданской войны, коммунисту ленинского призыва, доверяли важный и ответственный участок работы, и он согласился. С головой ушел в дела институтские, и, несмотря на все трудности тех дней, 120 студентов первого набора 15 сентября 1932 года приступили к учебным занятиям.

Когда пришла весть о войне, как офицер запаса Петр Никифорович в числе первых обратился в военкомат с заявлением о призывае в армию. Но, в силу того, что на него как на преподавателя вуза распространялась броня, ему было отказано. Тогда написал он письмо в Государственный Комитет Обороны. В первых числах ноября 1941 года пришел ответ об удовлетворении его просьбы и направлении в действующую армию. Воевал на Южном фронте. И, хотя первые месяцы на фронте довелось испытать горечь отступлений, потерю боевых друзей и сполна испытать нелегкую ношу командирской ответственности,

письма его домой дышали оптимизмом и твердой верой в разгром ненавистных захватчиков.

В начале лета 1942 года на их участке враг перешел в наступление. В тяжелых оборонительных боях Петр Никифорович был ранен и эвакуирован в Махачкалу в один из стационарных госпиталей. До конца окрепнуть после лечения помешали события, которые в то время развернулись на Северном Кавказе. Противник рвался к грозненской и бакинской нефти. Получив назначение на должность командира пулеметной роты 7-й гвардейской стрелковой бригады 10-го гвардейского корпуса, старший лейтенант Панин оказался в кизлярских бурунах, откуда готовилось наступление наших войск на ищерском направлении. Но в связи с возникшей угрозой прорыва немецко-фашистских войск к Орджоникидзе, по указанию командования фронтом 10-й гвардейский стрелковый корпус в двухдневный срок перебрасывался в район Беслана.

Погода испортилась: то моросил холодный осенний дождь, то сыпал первый снежок. Окопы заливало водой, кругом стояла непролазная грязь. Трижды меняя огневую позицию, пулеметчики старшего лейтенанта Панина проклинали и фашистов и погоду. Гул сражения, не утихавшего ни днем ни ночью, свидетельствовал о накале боев и стремлении противника во что бы то ни стало прорваться к Орджоникидзе. Вот уже и Гизель был захвачен. Но последние пять километров враг пройти не смог и был отброшен.

С нетерпением ждали гвардейцы приказа о наступлении. И он пришел! 6 ноября 1942 года во второй половине дня 10-й гвардейский корпус перешел в наступление и нанес удар на Гизель. Но противник еще не потерял боеспособности и оказывал упорное сопротивление.

Кровопролитные бои завязались на подступах к селениям Гизель, Майрамадаг, Новая Саниба. Атаки

гвардейской пехоты поддерживали артиллеристы, танкисты и летчики. Утром 11 ноября бойцы 7-й гвардейской стрелковой бригады вместе с другими подразделениями корпуса сломили сопротивление противника, овладели Новой Санибой и приняли участие в заключительной фазе боев по уничтожению фашистской группировки. В этой операции особо отличились бойцы пулеметной роты старшего лейтенанта П. Н. Панина, которым удалось отразить три атаки вражеских автоматчиков. На следующий день, преследуя противника, бригады 10-го гвардейского стрелкового корпуса вышли на рубежи рек Майрамадаг и Фиаг-Дон. С яростью обреченного бросал противник в атаку свои войска, стремясь уйти от полного уничтожения и пытаясь отвести хоть часть техники.

К вечеру 12 ноября пулеметная рота меняла огневую позицию, когда началась очередная контратака противника, пытавшегося сдержать наступление советских войск. В этом бою старший лейтенант Петр Никифорович Панин был тяжело ранен и на следующий день скончался от ран в полевом госпитале...

В год 35-летия Победы в теснине Эльхотовских ворот, у памятника защитникам этих рубежей, дальше которых враг не сумел пройти, в присутствии участников былых сражений, студентами Кабардино-Балкарского и Северо-Осетинского государственных университетов заложена аллея серебристых елей как частица Всесоюзного Парка Победы. В этот же год старший лейтенант Петр Никифорович Панин был зачислен почетным бойцом студенческого строительного отряда «Красная нива», который успешно трудился на реконструкции домостроительного комбината в Нальчике. Жива и бережно хранится память о героях минувшей войны.

...О таких, как Сергей Иванович Непша, обычно говорят: «Крепко скроен и ладно сшит». Еще в годы

кадровой службы, которую проходил он на Дальнем Востоке авиационным механиком, на его физические данные и споровку обратили внимание сослуживцы. Способности разностороннего спортсмена раскрылись быстро. Он успешно выступал в лыжных и легкоатлетических кроссах, умело боксировал и покорял гимнастические снаряды, умел бороться и играть в футбол, не было равных ему в части по рукопашному бою. И когда подошел срок демобилизации, по рекомендации командования поступил он в Московский институт физкультуры. В Нальчик прибыл по распределению.

Обычно молодых покоряет в преподавателе физкультуры его мастерство, умение не на словах, а на деле продемонстрировать то или иное упражнение, а также терпеливое и внимательное отношение к тем, кто стремится овладевать спортивными высотами. Именно такими качествами обладал Сергей Иванович. И это не оставалось бесследным. Он появлялся всегда в окружении группы студентов и не оставлял без ответа ни одного их вопроса. Спортивная жизнь в институте бурлила. Чем больше времени проводили Сергей Иванович и его коллеги со студентами, тем больше выходило на старты кроссов и соревнований участников, тем больше появлялось в секциях разрядников. Но был один вид спорта, в котором Сергей Иванович чувствовал себя новичком. Уроженец центральной России, здесь, в Нальчике, впервые увидел горы, был покорен их величием и красотой и, не скрывая этого, мечтал стать альпинистом. Как нередко бывает, из рядового участника походов он вскоре стал незаурядным мастером по альпинизму, ярым поклонником и пропагандистом этого вида спорта. Под его влиянием круглый год в походы ходили не только студенты, но и преподаватели.

— Когда пришла весть о войне,— вспоминал за-

служенный тренер СССР по альпинизму, мастер спорта Шакир Сабиржанович Тенишев,— он по-военному быстро собрал вещи и велел моей матери (а в ту пору он жил у нас на квартире), в случае, если его отправят в армию, переслать все родственникам. Но в военкомате с ним даже разговаривать не стали. Добровольцев было много, отбор велся тщательно, и ему велели явиться в пединститут на работу, а вскоре пригласили в горком и сообщили, что, в связи с формированием городского истребительного батальона, есть предложение о назначении его командиром роты. Требовалось обучать бойцов истребительного батальона военному искусству и нести службу по охране города. Как должное принял этот приказ Сергей Иванович и с присущим ему старанием исполнял возложенные на него обязанности, хотя и мечтал попасть на фронт.

В 1942 году, когда немецко-фашистские войска прорвались на Северный Кавказ, лейтенанта С. И. Непшу после окончания краткосрочных курсов при Орджоникидзевском военно-пехотном училище направили на Сталинградский фронт. Довелось ему участвовать в одном из крупнейших сражений минувшей войны. Я в это время был тоже в действующей армии. И случилось так, что связь с ним потерял. Уже в конце 1943 года, когда после ранения мне удалось побывать в Нальчике, от матери узнал печальную весть. Оказывается, Сергей Иванович в ноябре сорок второго был тяжело ранен и скончался от ран в полевом госпитале. Похоронку и личные вещи его после освобождения Нальчика прислали матери. Мы разыскали родственников и сообщили им о случившемся...

В 1936 году после окончания аспирантуры при Московском педагогическом институте им. В. И. Ленина и защиты диссертации на соискание учёной сте-

пени кандидата филологических наук для работы в Кабардино-Балкарском пединституте получил направление Виктор Петрович Сухотин. Работал в должности доцента и заведующего кафедрой русского языка. После войны Виктор Петрович писал: «В ноябре 1941 года призван в ряды Советской Армии. Службу проходил рядовым, затем командиром взвода и начальником штаба саперного батальона 8-й саперной армии. В марте 1942 года, разминируя проходы в минных полях на таганрогском направлении, чудом уцелел, получив легкое ранение в челюсть. В октябре 1942 года в ходе оборонительных боев на Северном Кавказе получил тяжелое ранение с повреждением грудной клетки (подрыв на мине). После госпиталя снова вернулся в свою часть. Летом 1943 года принимал участие в Курской битве. После ее завершения получил назначение на должность адъютанта, а позже на должность начальника отдела штаба 23-й отдельной трофейной бригады 33-й армии 1-го Белорусского фронта. За образцовое выполнение боевых заданий в годы войны награжден орденом Красной Звезды. В феврале 1945 года довелось выполнять особое задание командующего 33-й армией, за что награжден именными часами. Вот, собственно, и все, что касается моего участия в минувшей войне. Демобилизован в мае 1946 года. Вернулся к преподавательской работе»...

Долгих два месяца ждал ответа на свое заявление о призывае в армию преподаватель Мамедкесир Александрович Азеберли. Уроженец Азербайджана, горячий, как все кавказцы, он не представлял себе, что его могут оставить для работы в институте. Как идти к студентам? Что им говорить? И вот, долгожданная повестка! На крыльях летел в военкомат. Надеялся на то, что получит направление на краткосрочные курсы командного состава и — на фронт. Но мечтам его не

суждено было сбыться. Медицинская комиссия признала негодным к службе в армии. Как быть? Что делать? Не будешь студентам рассказывать, почему тебя в армию не берут? И он пошел в «атаку» на военкома, да так решительно, что через день добился своего. Направили Александра в распоряжение Политуправления округа, с оговоркой: «ограниченно го-ден». Там все повторилось сначала. Но, опасаясь, как бы не в меру горячий кавказец не «сбежал» на фронт, ему предложили... преподавательскую работу в училище. Попытка отказаться от этого предложения закончилась тем, что он был направлен в распоряжение Политуправления Среднеазиатского военного округа. Работал начальником дивизионной партийной школы и преподавателем Ташкентского военно-пехотного училища. Готовил офицерские кадры для фронта. После войны вернулся в Нальчик. Защитил докторскую диссертацию, стал профессором. Заведует кафедрой всеобщей истории Дагестанского государственного университета. С «легкой руки» Нонны Шагидовны новые поколения студентов так и называют его Михаилом Алексеевичем.

Григорий Матвеевич Лобанов живет в Москве. «Получив 23 июня повестку,— писал он в одном из писем,— думал сразу попаду на фронт. По совершенно непонятным для меня причинам мне дали месячную отсрочку и направили на курсы по лечебной физкультуре. О каких курсах можно было тогда думать? Но я их посещал и ждал, когда этот месяц истечет. Наконец, в июле нашу команду направили в Тихорецк. Там размещался запасной полк. Короткая учеба для нас, здоровых парней, прошла быстро, и вот мы уже в 105-м отдельном стрелковом батальоне. Со мною службу в батальоне проходило немало студентов педагогического института и один молодой преподаватель химии. К сожалению, фамилии все из памяти выветрились. Со

дня на день ждали мы отправки на фронт, как вдруг пришел приказ: передать батальон в состав 47-й армии. Мы тогда не знали, что на эту армию возлагалась оборона Таманского полуострова и что, в связи с событиями на ростовском направлении, обстановка складывалась довольно напряженная.

Одно время нас перебросили к морю и началась усиленная отработка действий по подготовке к высадке десанта. Летом немецко-фашистские войска прорвались на Северный Кавказ. Нашему батальону пришлось вступить в бой. О войне написано много. Но вот передать те чувства, которые испытываешь первый раз, когда заставляешь себя подняться навстречу свинцовому вихрю, смертельному вееру трассирующих пуль, рвущихся с невероятным грохотом мин и снарядов, наверное, никому не удастся. Это надо испытать на себе. Самое удивительное, что чувство скованности и страх проходят тут же, как только начинаешь действовать. Испытание на прочность прошли мы на Кубани. Потом были бои под Новороссийском.

Я служил в отделении разведки. Не раз доводилось выполнять задания, связанные со смертельным риском, не раз переходить линию фронта и бывать в тылу врага у противника. Так случилось, что все боевые действия периода войны для меня начались и завершились на Северном Кавказе. Когда проводились операции по прорыву «Голубой линии», наш батальон штурмовал высоты под Крымской. В одной из атак, 15 апреля 1943 года, вражеский снайпер поймал меня на мушку, и разрывная пуля угодила в ногу. Произошло это на склоне высоты. Цепь наша залегла. А противник перешел в контратаку. С трудом из-под вражеского огня на плащ-палатке боевые друзья вынесли меня с поля боя. В тех условиях было не до строгого соблюдения санитарных требований. В ложбинке перебинтовали ногу и — в медсанбат. А нога-

то стала, как бревно. Сначала болела, потом боль притупилась. Раненых было много, очередь ко мне долго не подходила. В госпитале, куда меня доставили, ногу едва не ампутировали. Начиналась гангрена. Лечился долго. Только в феврале 1944 года выписали из Тбилисского госпиталя на костылях с незаживающей раной. По пути в Москву побывал в Нальчике, но никто из знакомых не повстречался. Кто воевал, кого уже не было в живых. Несмотря на ограниченность передвижения, меня ни на минуту не оставляла мысль о работе. Поэтому с радостью принял предложение войти в состав оргбюро ДСО «Нефтяник» и стать его председателем. Когда немного окреп, вернулся на преподавательскую работу сначала в нефтяной, а позже в Московский авиационный институт. Но, что самое удивительное, курсы в Долинске по лечебной физкультуре помогли не только лично мне вернуться в строй, но уже много лет составляют большую часть моей профессии, так как этот курс веду в одном из военных госпиталей. Всегда вспоминаю свою молодость, работу в Нальчике, красоты тех мест, дорогих моему сердцу студентов и, конечно же, надеюсь на встречу».

Мне остается только добавить, что Григорий Матвеевич Лобанов отмечен боевыми наградами.

Вот коротко все, что удалось выяснить о судьбах преподавателей педагогического института.

## ПЕРО И ШТЫК

В связи с войной в 1941 году в вузах страны помимо основного состоялся еще и ускоренный выпуск. Из ускоренного выпуска Кабардино-Балкарского педагогического института наиболее плодотворную учебную, общественную и творческую работу в стенах вуза вели вос-

питанники литературного факультета. Многие из них отличились и в боях за Родину. Отдельные достигли больших высот в науке и творчестве. О них и пойдет наш рассказ.

В конце 1939 года в пединституте сложился довольно активный студенческий литературный кружок. На его заседаниях живо обсуждались первые литературные опыты, проводился детальный разбор произведений, шло обучение нелегкому мастерству художественного слова. В заседаниях кружка принимали участие студенты разных курсов и различных факультетов. Но костяк его составляли второкурсники литфака. Активное участие в работе кружка принимали: Иван Васильев (Магдебург), Петр Тюменев, Александр Жилин, Буба Карданов, Иван Погорелов и Иван Ткачук.

В декабре 1939 года вышел в свет первый номер республиканской молодежной газеты. По инициативе и при активном участии методиста республиканского института усовершенствования учителей, страстного поклонника и пропагандиста поэзии, в ту пору начинающего поэта Бориса Рябова, при газете с первых дней было организовано литературное объединение. В него вошли все кружковцы пединститута. Появились первые литературные страницы, где впервые увидели свет многие художественные произведения студентов.

Педагог, организатор и добрый наставник Борис Рябов немало сделал для того, чтобы молодежь литературного объединения поверила в свои силы, чтобы голос ее был услышан широкой аудиторией. Именно поэтому столько внимания и времени уделял он работе с начинающими авторами, тщательно подбирал материалы к литературным страницам, организовывал выступления членов литературного объединения по радио, в городской библиотеке, перед читателями в районах. Благодаря его заботам, а также вниманию

редактора молодежной газеты Тимофея Калустина и его заместителя Хачима Теунова большинство активных участников литературного объединения вскоре пополнило штат редакции газеты.

К сожалению, ни в Госархиве, ни в республиканской библиотеке не сохранилось ни одного экземпляра молодежной газеты довоенных лет. Среди материалов по истории вуза, собранных за последние годы, есть единственный экземпляр «молодежки» от 20 октября 1940 года с литературной страницей. Она включает: отрывок из поэмы Бориса Рябова «Дружба», стихотворения «Ноябрь» и «Двадцатая осень» И. Васильева (Магдебурга) и И. Погорелова и рассказ Александра Жилина «Ночной посетитель». По единственному выпуску литературной страницы судить о работе литературного объединения дело нелегкое. Но нам очень помог писатель Хачим Теунов, которому с апреля 1941 года довелось возглавить редакцию молодежной газеты.

— В газете, — вспоминал он, — актив был очень крепкий. С некоторыми из авторов дружеские отношения пронес я через всю жизнь. И хотя не стали они маститыми писателями, мое уважение к их таланту с годами не убавилось. Только недостаток времени не позволил до сих пор написать о мечтательном и тонком лирике Петре Тюменеве, о всегда для меня молодом поэте-песеннике, первое стихотворение которого «На перевале» увидело свет в газете, Иване Погорелове, о большом моем друге Иване Васильеве (Магдебурге), о способном публицисте и прозаике Александре Жилине. Все они, будучи студентами педагогического института, работали в нашей газете. Некоторые активно занимались исследовательской работой в области литературы. В частности, Иван Погорелов изучал кавказские мотивы в творчестве М. Ю. Лермонтова, а также памятник древнерусской литературы

«Слово о полку Игореве». Несколько выступлений посвятил он этим вопросам в республиканских газетах. На суд литературного кружка и объединения при газете многие активисты приносили не только стихи и рассказы, но и публицистические статьи, работы по литературоведению и критике. Это было сорок лет назад. Время безжалостно, и не все события и факты сохранила память. Но, мысленно возвращаясь в те годы, невольно вспоминаю лица друзей, которые дружно работали над каждым номером нашей газеты...

Прошла война. Прошли многие годы после нее. Как же сложились судьбы студентов литературного факультета, часть из которых так активно работала в молодежной газете?

— О начале войны мы узнали в пору летней экзаменационной сессии за третий курс,— рассказывал мне при встрече Виктор Гаврилович Мартынов.— В июле нас, большую группу студентов пединститута, направили на краткосрочные курсы командного состава во 2-е Орджоникидзевское военно-пехотное училище. Со мной были мои однокурсники Буба Карданов и Иван Ткачук. Из историков помню Карабльби Дзатова. Из математиков — Виктора Байтуганова. Учеба длилась недолго. Вскоре всех направили на Южный фронт. Я получил назначение на должность командаира взвода в 218-ю стрелковую дивизию. Воевал меньше, чем учился. В декабре 1941 года, получив тяжелое ранение, попал в полевой госпиталь, а оттуда был эвакуирован в глубокий тыл в Караганду. Долго лежился. После госпиталя путь на фронт был заказан...

Виктор Гаврилович умолк. Его живые, с такой веселой искоркой глаза вдруг стали грустными. Наверное, вспомнилось ему, как возвратился в Нальчик. Город после оккупации лежал в руинах. Студентом Мартынова восстановили сразу, дали место в общежитии.

— О своих друзьях по учебе можно было бы мно-

гое поведать,— продолжал рассказ собеседник.— Все они мечтали о мирной учительской профессии, о творческой работе. Но когда нависла опасность над Родиной, сменили перо на штык и храбро сражались на фронтах Великой Отечественной. Хорошо об этом спустя годы рассказал наш однокурсник Буба Карданов. Пройдя путями сражений, он дальше всех нас шагнул и в науке и в литературе. Стал доктором наук, профессором университета, членом Союза советских писателей и членом Советского Комитета ветеранов войны. Помимо незаурядных способностей в учебе еще в студенческие годы ему присущи были твердая последовательность в достижении поставленной цели и удивительная работоспособность. Именно эти качества позволили этому честному и мужественному человеку пройти все трудные испытания войны, стать кавалером двух орденов Красного Знамени, орденов Отечественной войны II степени и Красной Звезды, добиться высот в науке и литературе. Его последняя книга «Память сердца» заставила по-иному взглянуть на дела и судьбы своих друзей. В годы учебы, откровенно говоря, я недооценивал увлеченностя однокурсников литературным творчеством. Потом, всю жизнь работая в школе и для школы, я отчетливо понял, как необходимы учителю литературы навыки и умение, которые прививал литературный кружок.

Услышанным я как-то поделился с Бубой Мациковичем Кардановым. Он же в качестве примера вспомнил о жизненном пути Зелихи Мухамедовой.

— По-моему,— пытаясь восстановить в памяти последний разговор с ней, сообщил он,— работает Зелиха в Институте языкоznания Туркменской ССР.

Следуя совету Б. М. Карданова, послал письмо по указанному адресу, а вскоре пришел ответ от Зелихи Бакиевны Мухамедовой. С небольшими сокращениями привожу его.

«Годы учебы в Нальчике оставили глубокий и светлый след в моей душе. Первозданная природа, богатство красок, величие гор — все, что окружало меня, выглядело праздничным, ярким и необычным. Война заставила вернуться в Ашхабад. И здесь нас, как и моих однокурсников в Нальчике, включили в ускоренный выпуск, и в ноябре 1941 года «выпустили» из института. Нужны были учителя. А в ту пору именно в Ашхабад был эвакуирован Московский государственный университет. И я, волею судеб, попала на работу в кабинет литературы, а затем выехала с университетом сначала в Свердловск, а позже, 1 июня 1943 года, в Москву. Все это время мои ашхабадские учителя не давали мне покоя, требуя, чтобы я поступила в аспирантуру по тюркологии. Особенно настойчив был замечательный ученый, отдавший всю свою жизнь развитию туркменского языкознания, Александр Петрович Поцелуевский. Так я оказалась в аспирантуре. По вузовскому образованию я была русистом, поэтому перестраиваться в тюрколога пришлось на ходу. Учились под руководством Николая Константиновича Дмитриева, человека многогранной одаренности и культуры. Кандидатскую диссертацию писала по рукописи дивана Махтумкули, переписанной армянином на Астрabadской морской станции.

Заштила ее успешно, год работала в Москве, а с 1949 года живу и работаю в Ашхабаде. В 1951 году, с открытием Академии наук Туркменской ССР, оказалась раскриптом включенной в число членов-корреспондентов, однако докторскую диссертацию защитила только в 1969 году. С 1972 года заслуженный деятель науки Туркменской ССР, а с 1978 года — член-корреспондент Турецкого лингвистического общества. Не раз выступала с докладами за рубежом (Финляндия, Польша). В издательстве «Дніпро» в этом году выходит в моем переводе роман Б. Кербабаева

«Решающий шаг». Занимаюсь подготовкой научных кадров. Выражаю свою сердечную признательность за память обо мне. Если буду жива, обязательно приеду в Нальчик на пятидесятилетие родного вуза».

Так впервые стало известно, что из числа студентов ускоренного выпуска 1941 года Зелиха Бакиевна Мухамедова стала членом-корреспондентом Академии наук Туркменской ССР..

Много лет продолжается мое заочное знакомство с Иваном Романовичем Погореловым. Началось оно с письма, которое он прислал своему однокурснику Б. М. Карданову по случаю выхода в свет книги «Память сердца».

«...В годы учебы в институте,— писал он,— моими близкими друзьями и единомышленниками были Петр Тюменев и Иван Васильев (Магдебург). Дружил еще с Бубой Кардановым да Иваном Ткачуком. Александр Жилин был постарше нас и держался обособленно. Учился он средне, был спокойным, уравновешенным, склонным к шутке человеком. На заседаниях литературного кружка с разбором моих стихов чаще других выступал Петр Тюменев. Мечтали мы о многом. Но война распорядилась нами по-своему. К сожалению, с Тюменевым я вместе не служил и не переписывался. Знаю только, что с войны он не вернулся. Жаль. Талантливый был парень. В армию меня призвали в декабре 1941 года, сразу же после ускоренного выпуска. Служил топографом-вычислителем в артиллерийском полку Резерва Главного Командования. В этом качестве принимал участие в боях под Новороссийском. Огонь наших батарей прикрывал малоземельцев. К слову, об этом периоде много написано немало стихов. После обморожения ног находился на излечении в госпитале. Затем служил в стрелковых частях, был военным корреспондентом дивизионной газеты. Незадолго до конца войны как

нестроевик (по зрению) был направлен в тыл для работы в оборонной промышленности. До августа 1945 года работал помощником начальника цеха одного из танковых заводов на Урале...»

Из письма Б. М. Карданову: «...до сих пор жив ровно, без взлетов (благо, что не было и падений). Согласно своему диплому, сеял, как говорят, доброе, вечное... С конца 1945 года живу в станице Серноводской. Работаю заведующим заочным отделением сельхозтехникума, который когда-то окончил, и преподаю литературу. Получил звание заслуженного учителя школы ЧИАССР. Имею двух сыновей-близнецов. Оба окончили Тимирязевскую сельхозакадемию и работают со мной в техникуме. В свободное время, которого почти не бывает, «балуюсь» стишками... К счастью или несчастью, на свое творчество я никогда не смотрел серьезно, хотя стихов написано немало. Стихи для меня — увлечение, которое рождает в душе творческий настрой, без чего я уже не могу обойтись. По настоянию моего друга Г. Насонова (корреспондента ТАСС по республике) издал небольшой сборник стихов. Издавать стихи отдельными сборниками больше не пытался. Довольствуюсь главным образом местной периодической печатью, где нередко появляются мои стихи. Некоторые из них в качестве песен вошли в репертуар самодеятельных коллективов. Отдельные стихи публиковались в центральных газетах и коллективных сборниках, передавались по Всесоюзному радио. К сожалению, с Музой приходится встречаться редко. Все силы и время забирает работа».

В дар музею истории вуза прислал Иван Романович сборник своих стихов «У синих гор», а в каждом письме — что-нибудь новое. В одном из них сообщал: «...на днях среди старых записей нашел свое стихотворение, посвященное Нальчикскому парку.

Оно было написано в январе 1940 года. Боже мой! Прошло сорок лет... А кажется — вчера я любовался заснеженным парком-красавцем...» В другом — стихотворение о любимом поэте, в третьем — сообщение о том, что в издательство сдан сборник поэм «Мои земляки». Хорошо выразил Иван Романович отношение своего поколения к Родине словами:

Земля отцов. До стебелька родная.  
Тобой живём. Все думы о тебе.  
Тебе мы верим, даже умирая,  
Когда уже не верим и себе...

Однажды Иван Карлович Пернацкий прислал письмо, в котором сообщал, что его друг по учебе в педагогическом институте и по комсомольской работе Иван Яковлевич Васильев (Магдебург) отдыхает и лечится в железнодорожном санатории «Дубовая роща». Мне, естественно, очень хотелось встретиться с Васильевым. Ведь он мог пролить свет на многие события предвоенных лет, связанные с судьбами воспитанников педагогического института. Но брали сомнения. Мы с ним незнакомы. Человек приехал отдохнуть, и донимать его расспросами, которые не всегда вызывают положительные эмоции, по меньшей мере неприлично.

Решил посоветоваться с Пернацким. Он сказал, что в этом нет ничего предосудительного. И я поехал.

День выдался ясный, солнечный. В Железнодорожном санатории отдыхающие, несмотря на конец осени, разгуливали без пальто и головных уборов. Зная Васильева только по фотографии, я очень боялся не узнать его. Но опасения мои были напрасны. В порывистом, худощавом, выше среднего роста мужчине, со спадающей на лоб седеющей прядью волос, с характерной ямочкой на подбородке, я его сразу узнал, шагнул навстречу и, называя по имени и отчеству, протянул руку для приветствия.

— Здравствуйте... — как-то не очень уверенно ответил он на приветствие, пытаясь в уголках памяти выискать, где и когда нам доводилось встречаться. Чтобы он себя не мучил догадками, я сообщил о цели своего визита.

Обосновавшись на скамье у красочного фонтана, греясь под лучами осеннего ласкового и все еще яркого солнца, начали мы беседу.

Иван Яковлевич внимательно и заинтересованно выслушал мой рассказ о том, что сделано в университете по сбору сведений о судьбах воспитанников пединститута. Собеседником он оказался удивительно интересным.

— Что сохранила память о годах студенчества? — начал он свой рассказ. — Многое. Но на литфак привела меня не только любовь к литературе, а и довольно раннее общение с литераторами. Мне не было и пятнадцати лет, когда умер отец. Трагательное участие к моей судьбе проявил в те годы молодой писатель Хачим Тевунов. Он всячески поощрял мои первые робкие опыты в литературе и приобщал к тому, что было написано местными поэтами и писателями, требовал учиться мастерству. Многие годы прошли с тех дней, а дружба с Хачимом продолжается.

Иван Яковлевич на какое-то мгновение замолчал, подумал, потом с заметной грустью продолжил:

— Я хорошо помню Александра Жилина. Нас роднила любовь к литературе. Мы много читали и пытались писать. Саша был старше своих сверстников. На студенческую скамью пришел он, имея за плечами немалый жизненный опыт. Служил в милиции, принимал участие в разгроме кулацких банд на Кубани, работал в Ростове. Высокий, в видавшей виды кожаной куртке, несколько неповоротливый, с открытым лицом, с залысинами над высоким лбом, с голубыми глазами, он совсем не был похож на работника мили-

ции тех лет. Речь его, с особенной для южан окраской, насыщенная колоритными выражениями, характерными для жителей Дона и Кубани, вызывала понапалу добрые улыбки друзей. С ним было интересно беседовать, потому что суждения его о прочитанном были свои, особенные, иногда расходились они с официальными мнениями критики. Он умел находить очень выразительные слова для обоснования своей точки зрения. В те годы мы очень активно сотрудничали с редакциями республиканских газет и радио. Корреспонденции, очерки, зарисовки и стихи нередко публиковались на их страницах. Александр очень гордился тем, что, в числе немногих тогда студентов, был внештатным корреспондентом газеты «Социалистическая Кабардино-Балкарская». Кстати, с удостоверением республиканской газеты не расставался он и на фронте. Мечтал о своей книге.

Но война помешала осуществить эту мечту. Вскоре после начала войны молодежная газета «Молодой сталинец» была закрыта. А еще через некоторое время группу нальчан, в том числе меня, Пернацкого и Жилина, направили в Грозненское военно-пехотное училище. Зачислены мы были в разные роты. Я в минометную, Александр — в пулеметную. Военная форма не очень красила моего друга. Вид его был далеко не героическим. Но требования того сурового времени ставили в боевой строй и колхозника, и рабочего, и студента, и учителя, и поэта, и ученого...

Из дальнейшего рассказа Ивана Яковлевича стало известно, что учеба в училище была прервана в связи с развернувшимся наступлением немецко-фашистских войск на юге и возникшей угрозой их выхода к Сталинграду и на Кавказ. Из курсантов училища был сформирован курсантский полк и направлен под Сталинград в оперативное подчинение командующего 57-й армией генерала Ф. И. Толбухина. Не могли в те

дни курсанты знать, сколь велика опасность, возникшая в ходе августовского 1942 года наступления 4-й немецкой танковой армии. За несколько дней огненно-го ада глубокая лощина со скошенным ячменем, где проходил передний край курсантского полка, была превращена в выжженное поле. Казалось, в этом пламени уцелеть не представлялось возможным. Но как только после очередного артиллерийского и минометного налета вражеские автоматчики поднимались в атаку, выжженное поле ожидало и навстречу наступавшей цепи неслыши трассы ружейно-пулеметного огня курсантов. Нет, не мог пройти враг там, где на смерть стоял курсантский полк! Защищая подступы к Волге, многие курсанты погибли в тех тяжелых боях. Смертью храбрых пал и пулеметчик Александр Жилин. Держа в зубах соломинку, с невозмутимым спокойствием приникал он к прицелу пулемета, когда в очередную атаку поднималась вражеская цепь, и «косил» длинными пулеметными очередями ненавистных захватчиков. Как потом рассказали товарищи по пулеметной роте, во время смены огневой позиции его и настигла вражеская пуля. Из кармана гимнастерки извлекли залитое кровью удостоверение внештатного корреспондента газеты «Социалистическая Кабардино-Балкарья».

— Так в Приволжской степи принял свой последний бой наш однокурсник Александр Жилин.— Иван Яковлевич, прикурив сигарету, жадно затянулся и после короткой паузы продолжил рассказ: — Помню, что в те дни провожали мы в госпиталь раненного Ивана Пернецкого и других курсантов. Примерно в том же районе состоялась моя встреча с преподавателем пединститута Гургеном Погосовичем Петросяном. От него я узнал, что курсантский полк Орджоникидзевского военно-пехотного училища, в котором несли службу многие наши товарищи по учебе в пед-

институте, также в полосе обороны 57-й армии отбивал яростные атаки противника, пытавшегося с юга прорваться к Сталинграду. Позже, принимая участие в разгроме окружённой 6-й немецкой армии фельдмаршала Паулюса, я был ранен и после лечения в госпитале уволен в запас. Вернулся в Нальчик и стал комсомольским работником.

...Иван Яковлевич умолк. Воспоминания унесли его в годы далекой комсомольской юности. Кто знает, какие чувства вызвали они. И, чтобы не тревожить его больше воспоминаниями о войне, я попытался завести разговор об общих знакомых. А их оказалось немало. И Кайсын Кулиев, и Борис Цавкилов, и Шакир Тенишев, и Борис Балкаров и многие, многие другие. О каждом из них вспоминал он что-то интересное, совершенно новое для меня. Но больше всего рассказывал о своих друзьях по литературному кружку, объединению при газете и однокурсниках по ускоренному выпуску. Это и понятно. Воспоминания о счастливой студенческой поре остаются с нами на всю жизнь.

### УСКОРЕННЫЙ ВЫПУСК

Если бы удалось теперь собрать всех тех, кто окончил наш вуз в грозном сорок первом, сколько страниц славной летописи было бы восстановлено. Но, к сожалению, сделать это невозможно. Наш рассказ лишь о мужской половине из ускоренного выпуска исторического факультета.

Слово Шакиру Сабиржановичу Тенишеву.

— В 1938 году на исторический факультет педагогического института поступила большая группа выпускников нашего педрабфака. Вместе со мной на первый курс пришли Андрей Атапин, Жигфар и Кааральби Дааговы, Владимир Заветаев, Владимир Тюрин, Сергей Хвостенко-

ко и другие. Нас объединяли интересы и дружеские связи, сложившиеся еще на педрабфаке. Мы старательно учились, много читали, увлекались спортом, участвовали в студенческой художественной самодеятельности, ходили в походы. Именно в ту пору горы окончательно покорили меня. Должен сказать, что не все мои товарищи доучились до ноября сорок первого. По-моему, первым ушел в военное училище с нашего курса Сергей Хвостенко. Я помню, что он наведывался к нам в новенькой курсантской форме из Орджоникидзевского военного училища задолго до начала войны. Знаю, что он принимал участие в боях. Но связь с ним потерял.

Я вспомнил, что несколько лет тому назад мне о Хвостенко рассказывал один из учителей Терского района. Тогда же выяснилось, где он живет, и состоялась наша встреча. Сергей Григорьевич не очень охотно вспоминал о том, что довелось ему испытать. В ноябре сорок первого года их набор досрочно аттестовали, и получил он направление на должность командира стрелковой роты в одну из дивизий Южного фронта. В декабре участвовал в ожесточенных боях на ростовском направлении и был тяжело ранен. Многие годы хранил пробитый вражеской пулей и залитый кровью комсомольский билет, который вручали ему еще на рабфаке. Красные следопыты школы уговорили передать этот билет, как святую фронтовую реликвию, для школьного музея боевой славы. После ранения долго находился на стационарном лечении в Душанбинском госпитале. На фронт больше не попал. Из резерва получил назначение в тыловые подразделения и до конца войны служил в них. После демобилизации заочно завершил учебу в педагогическом институте и до ухода на пенсию работал в сельских школах Карабарино-Балкарии.

На второй день войны как офицер запаса был

призван в армию Юрий Синицын. Долгое время не удавалось выяснить, как же сложилась его судьба. Никто из однокурсников с ним связей не поддерживал. Однажды он сам зашел в университет. Оказывается, все послевоенные годы живет и трудится в Горловке.

— Из Нальчика,— рассказывал Юрий Павлович,— был направлен в 10-й автотранспортный полк, который дислоцировался в Беслане. Там нас экипировали и направили на Западный фронт. Трудными фронтовыми дорогами отходили к Москве. Обороняли Новгород-Северский и Тулу. Участвовали в историческом разгроме захватчиков под Москвой. На всю жизнь сохранились в памяти события тех дней. Путь на запад был также тернист, но это был путь к Победе. Когда наши войска освободили Донбасс, по указанию Ставки Верховного Главнокомандования мы были сняты с фронта. Вместе с рядом других инженерных соединений наш автобатальон получил специальное задание по восстановлению из руин шахтерского Донбасса. Так случилось, что на всю жизнь я и остался в Горловке...

Юрий Павлович поведал о том, как нелегко приходилось в период восстановительных работ ему и однополчанам. Не случайно труд тех, кто поднимал из руин шахты бассейна, отмечался особой наградой. Тогда была учреждена медаль «За восстановление угольных шахт Донбасса». Ее получил и Синицын, награжденный за мужество на фронте орденом Красной Звезды. После демобилизации работал директором автобазы, заместителем директора Горловского авторемонтного завода.

С интересом ознакомился он с экспозицией по истории вуза, поклонился памятнику и выразил большое удовлетворение тем, что так свято хранит память о подвиге его поколения нынешнее студенчество.

Многое вспомнил о своих товарищах по учебе Александр Иванович Логинов, ныне кандидат наук, старший преподаватель кафедры истории КПСС КБГУ.

— Раньше других ушел служить в армию Жигфар Дзагов, — рассказывал он. — После войны мы встречались. Служил и воевал он в прославленной 1-й гвардейской Брестско-Берлинской Краснознаменной ордена Суворова и Кутузова отдельной моторизованной инженерной бригаде специального назначения. Прошел фронтовыми дорогами от Курска до Берлина. Награжден орденом Красной Звезды. После войны мы вместе с ним некоторое время работали в партийных органах. Погиб Жигфар в мирное время. И погиб как боец.

После недолгой паузы, связанной с воспоминаниями, Александр Иванович продолжил:

— Не успели с нами завершить учебу Андрей Атапин, Карапби Дзагов и Ашот Саркисян. Они после краткосрочных курсов командного состава в Орджоникидзевском военно-пехотном училище были направлены в действующую армию. О том, как воевал Карапби Дзагов, рассказало в «Боевой славе Кабардино-Балкарии». Был он командиром минометной роты 395-й стрелковой дивизии. Приближалась к завершению операция по ликвидации немецко-фашистской группировки на Таманском полуострове, когда осколок вражеской мины оборвал жизнь отважного капитана. Посмертно его подвиг отмечен орденом Отечественной войны II степени.

Нет уже в живых Андрея Поликарповича Атапина. Дважды был тяжело ранен на фронте. Воевал на Северном Кавказе. Освобождал Украину.

Инвалид Великой Отечественной войны Ашот Айрапетович Саркисян живет и трудится в Пятигорске. Он был тяжело ранен во время десантной операции в Крыму.

Не раз по местам былых боев на перевалах Центрального и Западного Кавказа водил студенческие группы заслуженный тренер СССР, мастер спорта СССР по альпинизму Шакир Сабиржанович Тенишев. Ему есть что рассказать нынешней молодежи. За бои на Кубани награжден он солдатским орденом Славы III степени.

— В декабре 1941-го,— вспоминал он,— меня, Александра Логинова, Владимира Тюрина, Эммануила Стамбуляна, Владимира Заветаева, Павла Чучулина и еще несколько человек из Нальчика призвали в армию. Направили нас в Закавказье. Службу начали в 350-м гаубичном артиллерийском полку большой мощности. Боевое крещение прошли под Новороссийском. Огонь батарей нашего полка поддерживал малоземельцев. Позже мы с Логиновым службу проходили сначала в 1150-м, а спустя еще некоторое время в 793-м артиллерийском полку. Для меня, корректировщика, все высотки на «Голубой линии» в районе Агадума, Киевской, Вышки, хутора Красного, станицы Молдаванской запомнились на всю жизнь. 28 июля 1943 года во время ожесточенных боев под Молдаванской я получил тяжелое ранение. Почти год передвигался с помощью костылей. На фронт больше не попал. Не надеялся и на полное исцеление...

Действительно, требовалось иметь большую силу воли, чтобы не только преодолеть последствия тяжелого ранения, но и так стать на ноги, чтобы вернуться в альпинистский строй, совершив ряд сложнейших высотных восхождений, за которые присвоено ему высшее звание мастера спорта СССР. Десятки, если не сотни, его учеников вписали немало ярких страниц в развитие советского альпинизма.

Из Кисловодска откликнулся Эммануил Карпович Стамбуян: «Призывались мы 22 декабря 1941 года. Где-то недалеко от Пятигорска в 42-м погиб наш од-

нокурсник Иван Юров. Об этом мне рассказывал Ашот Саркисян. У нас с друзьями фронтовые дороги разошлись. Я, Владимир Заветаев, литератор Иван Погорелов, физик Яков Рогов служили и воевали в 126-й гаубичной артиллерийской бригаде большой мощности РГК. Сейчас учительствую».

Много лет в областном совете по туризму и экскурсиям заведующим отделом работает Владимир Алексеевич Тюрин, ветеран знаменитой 124-й Пражской ордена Ленина Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого отдельной гаубичной артбригады.

— Самое памятное? — улыбаясь, переспрашивал он меня при встрече. — Да разве можно что-то выделить? Где-то в апреле сорок третьего под Новороссийском тысячи самолетовылетов делал противник. Неделю фашистские стервятники бомбили малоземельцев и нас. Только артиллеристы в те дни потеряли 200 человек убитыми и ранеными. Даже по радио противник передавал, что полностью уничтожил нашу артиллерию большой мощности, поэтому пусть, мол, не ждут десантники на Мысхако артиллерийской поддержки. Но мы выжили и сражались. А «Варшавский обвод»! А залл по Берлину! Разве можно все это забыть? Я был разведчиком, но горжусь, что гаубица № 503 из нашей бригады, которая вела огонь прямой наводкой по рейхстагу, является экспонатом Военно-артиллерийского музея в Ленинграде. До сих пор жалею, что не оставил собственный автограф на рейхстаге. За нас, нальчан, там расписался рабфаковец Петр Кошелев.

Мне остается добавить только, что Владимир Алексеевич Тюрин отмечен орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и другими наградами.

Вот коротко все, что стало известно о судьбах воспитанников нашего вуза из ускоренного выпуска.

## ПОЧЕТНЫЙ БОЕЦ СТУДЕНЧЕСКОГО ОТРЯДА

В год 35-летия Победы в ходе подготовки к летнему трудовому семестру комсомольцы университета выступили с добной инициативой: зачислить в каждый линейный студенческий строительный и сельскохозяйственный отряд почетными бойцами воспитанников и преподавателей бывшего Кабардино-Балкарского госпединститута, смертью храбрых павших на полях сражений в годы Великой Отечественной войны. Собрания бойцов отрядов по этому случаю вылились в подлинные уроки высокого гражданского долга, неугасимой памяти, патриотизма и любви к Родине.

Довелось и мне вместе с Героем Социалистического Труда, директором Каменномостской средней школы № 1 Мухабом Алимовичем Камбиевым принимать участие в собрании коммунистического студенческого отряда «Импульс» физического факультета. Ребята решили зачислить почетным бойцом отряда его брата гвардии лейтенанта медицинской службы Залимхана Камбиева, который до начала войны учился на литературном факультете пединститута.

Конечно же, участников собрания больше всего интересовали вопросы: каким был, как учился и воевал Залимхан? Из тех сведений, которыми мы располагали от его однокурсников по учебе, из воспоминаний брата складывалось представление о скромном, добром и трудолюбивом молодом человеке. Любовь к литературе проявилась у него еще в годы учебы на педграбфаке. Читал Залимхан много. Мечтал о том часе, когда в роли учителя войдет в класс и поведет за собою учащихся по неизведанным тропинкам мира литературы.

Но не суждено было сбыться мечте Залимхана. Война круто изменила его судьбу. В армию призвали в начале 1942 года и направили на краткосрочные курс-

сы военных медиков. В звании младшего лейтенанта медицинской службы получил назначение в действующую армию. Всего два документа и несколько фотографий той поры сохранилось у Мухаба Алимовича. Временное удостоверение о награждении гвардии лейтенанта медицинской службы Камбиева Залимхана Алимовича за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками медалью «За боевые заслуги», подписанное командиром ОМКП 6-го гвардейского механизированного Львовского Краснознаменного корпуса гвардии подполковником Яшагиным. И горестное извещение о том, что гвардии лейтенант Камбиев погиб 16 января 1945 года и похоронен в местечке Бялоган Кельценского уезда в Польше.

Этих сведений было явно недостаточно, чтобы ответить на все интересующие участников собрания вопросы. Им хотелось знать как можно больше о фронтовой биографии почетного бойца отряда, подробности его последнего боя. К сожалению, тогда и нам ничего об этом не было известно. И никто предполагать не мог, что ключ к выяснению этих вопросов находился рядом, в университете. Находился он у старейшего работника нашего вуза, ветерана 4-й гвардейской танковой армии Бориса Васильевича Степина. Оказывается, ежемесячно в его адрес Совет ветеранов армии присыпал списки ветеранов, информируя о юбилейных датах. Однажды Борис Васильевич принес мне такой список. И тут меня осенила мысль: 6-й гвардейский межкорпус входил в состав армии и среди его ветеранов обязательно должны быть однополчане Залимхана Камбиева. Несколько было только одно: в каком подразделении корпуса проходил он службу? Не смогли мы расшифровать сокращение «ОМКП». Поэтому первый запрос был послан руководителям групп ветеранов. Долгое время от них при-

ходили неутешительные ответы, пока горьковчанин Александр Степанович Бабанин не помог установить точное подразделение.

«...Нет,— писал он,— я не знал Камбиева. Но хочу помочь вам известными сведениями. Мне ясно, что воевал он в составе 240-го гвардейского минометного полка 6-го гв. межкорпуса, потому что командиром полка с 9 августа 1943 года по 16 января 1945 года был гвардии подполковник Яшагин Иван Федорович...»

Этим сообщением удалось сузить круг поисков. Пошли письма ветеранам минполка. А вскоре пришли их ответы.

«...Сообщаю,— писал из Винницы Виктор Алексеевич Митрофанов,— что в нашем полку действительно проходил службу военфельдшером одного из дивизионов или полка гв. лейтенант медицинской службы Камбиев. Но звали его все Борисом. С ним мы были приятелями. Очень обаятельный парень. И погиб он не в местечке Бялоган, а в д. Бобжа, километрах в 20 от Кельце, в ночь с 15 на 16 января 1945 года. Быть может, Залимхан и Борис одно и то же лицо? Если есть фотография Камбиева, пришлите ее мне. Я тут же постараюсь ответить».

Но фотографию посыпать не пришлось. В одном из писем пришла фотография фронтовых лет, которую сумел сохранить однополчанин Залимхан — Андрей Сидорович Юканкин.

«...С Залимханом Камбиевым,— писал Юканкин,— встретился я в Горьковской области весной 1943 года. Там завершалось формирование 240-го отдельного минометного полка, куда мы оба получили назначение. Наш полк вошел в состав 6-го гвардейского межкорпуса 4-й гв. танковой армии и прошел славный боевой путь от Курской дуги через Правобережную Украину, Львов и Сандомир, Бранденбург и Берлин до столицы Чехословакии Праги. Скромное

наименование отдельного минполка к концу войны звучало так: 240-й гвардейский минометный Келецкий Краснознаменный орденов Кутузова и Александра Невского полк. В наградах и почетных наименованиях полка отражены боевые дела и ратные подвиги дорогих моему сердцу гвардейцев-однополчан. В строю всегда юных боевых друзей стоит образ и дела военфельдшера Залимхана Камбиева, через руки которого прошли сотни раненых воинов. А звали его все мы на русский манер — Борисом».

«...Ваше письмо,— сообщал из Москвы Николай Владимирович Посельский,— меня глубоко потрясло. Разве мог я подумать, что через столько лет студенты вспомнят о тех, кто отдал жизни на фронтах Отечественной войны, и зачислят их в строй почетных бойцов отрядов! Да, в годы войны я был заместителем начальника штаба полка и Залимхан Алимович Камбиев проходил службу под моим началом. Конечно, знал я его прекрасно, ведь он был фельдшером полка. В те годы мы были молоды и позволяли друг друга называть по имени. Борисом звали Камбиева. И в нашей памяти он так им и остался. Скромный, выдержаный, верный товарищ и друг, нес нелегкую солдатскую службу. О нем можно многое сказать. Но я спокойно вспоминать Кельценскую трагедию не могу. Прошли годы, а мне до сих пор трудно себе представить, как нас всего несколько человек уцелело в той мясорубке?»

Конечно, никто из участников тех событий и предполагать не мог, что на этом участке фронта решался исход Висло-Одерской операции, в ходе которой советские войска за считанные дни освободили от захватчиков всю Польшу и вошли в пределы Германии.

А было это так. Сквозь ворота, пробитые в неприятельской обороне, 12 января 1945 года командующий 4-й гвардейской танковой армией генерал

Д. Д. Лелюшенко с Сандомирского плацдарма вслед за 16-й гвардейской механизированной и 63-й гвардейской танковой бригадами ввел главные силы в направлении южнее Кельце — центра сосредоточения танковых и моторизованных дивизий противника.

4-я танковая армия ударила по флангу вражеской группировки и рассекла ее на части. На всем пространстве между Радомом и Кельце шло ожесточенное танковое сражение, в котором с обеих сторон принимали участие сотни танков и самоходных орудий.

К середине дня 15 января сопротивление окруженного противника начало ослабевать. Всюду, насколько хватало видимости, стояли подбитые и сожженные гитлеровские танки, самоходные орудия, боевая техника. Передовые части ворвались уже на окраины Кельце. Тогда противник, перегруппировав силы, пошел на прорыв у деревни Бобжа, где находился штаб минометного полка и занимал огневые позиции 2-й дивизии. Мужественно встретили мощную атаку гитлеровцев минометчики. Огневой бой к концу дня перешел местами в рукопашные схватки. В бою принимали участие все офицеры, сержанты и бойцы штаба, подразделений обслуживания и миндивизиона. Геройской смертью пал гвардии сержант Белобородов, ценою жизни спасший полковое знамя. Прикрывая отход его группы, рядом с командиром полка и замполитом до последней минуты с автоматом в руках сражался гвардии лейтенант Камбиев. Но слишком неравными были силы. С отчаянием обреченных шли в атаку гитлеровские автоматчики. Большинство офицеров, сержантов и солдат штаба полка пали в ночном бою. В ту ночь погиб и Залимхан Камбиев. К утру в Бобжу ворвались наши танки. Они уничтожили вражескую ударную группу.

В местечке Бялоган, где находился командный

пункт 6-го гвардейского механизированного корпуса, с воинскими почестями были преданы земле герои ночного боя у Бобжи.

Так принял свой последний бой гвардии лейтенант медицинской службы Камбиев Залимхан Алимович — почетный боец студенческого строительного отряда «Импульс» Кабардино-Балкарского государственного университета.

## ЮНОСТЬ, ВОЙНОЙ ОПАЛЕННАЯ

Нет, не случайно свое поэтическое кредо Валентина Саакова утвердила словами:

...Пока гремит солдатским шагом,  
Как эхом боя, тишина,  
Своей пожизненной присяге,  
Армейской теме, я верна.

Именно ее поколению довелось держать сурьезный экзамен войны, главным итогом которого стали добывшиеся такой дорогой ценой Победа и Мир. А вспомнил я об этом только потому, что к событиям, о которых пойдет речь ниже, Валентина Григорьевна имеет самое непосредственное отношение.

...Шел январь сорок второго года. Дороги эвакуации привели группу студентов Харьковского библиотечного института в Нальчик. Согласно существовавшему в то время порядку, местные власти предоставляли эвакуированным жилье, обеспечивали их продовольственными карточками и помогали в трудоустройстве. Все решалось хорошо, но библиотечный институт в Нальчике отсутствовал. Ребята зачастали в военкомат. Просились в армию. Военком был не-преклонен: надо завершать образование! — Где? — В пединституте!

Им предложили выбрать родственные их профиль факультеты. Михаил Будовой и Федор Иващенко пошли на литературный, а Степан Буженко, Макар Жувак, Иван Малицкий, Алексей Пенза и Владимир Цымбал — на исторический.

В ту пору в пединституте училось немало студентов из городов, временно оказавшихся на оккупированной врагом территории. Тепло и радушно принимал коллектив вуза юношей и девушек, вынужденно потерявших связи со своими однокурсниками, родными и близкими. Не гостями, а хозяевами чувствовали они себя. «Наш институт!» — с гордостью говорили спустя годы почти все, кому хоть немного довелось учиться в нем. Не требовалось длительного времени и для харьковских студентов, чтобы полностью включиться в ритм учебной и общественной работы. Уже вскоре они выступили с инициативой по проведению институтского вечера, посвященного дню рождения Тараса Шевченко.

Вечер этот проходил 15 марта 1942 года в актовом зале. Знаток и любитель поэзии великого Кобзаря Федор Иващенко выступил с докладом о его творчестве, а Владимир Цымбал организовал художественную часть. Со сцены звучали стихи выдающегося украинского поэта и песни на его стихи. Самый большой успех выпал на долю Михаила Будового и Владимира Цымбала. Их исполнение украинских песен вызывало бурю аплодисментов слушателей.

А когда вечер подходил к концу, Владимир Цымбал объявил, что с чтением своего стихотворения «К Украине» выступит студентка первого курса литературного факультета Валентина Кольденберг. На сцену вышла миловидная, хрупкая, с пылающими от волнения щеками девушка. Она обратилась со страстным призывом — вести беспощадную борьбу с гитлеровскими захватчиками. Стихи ее былиозвучны време-

ни, отражали думы и чаяния молодежи. Даже стеснительный Федор Иващенко «пробился» сквозь строй поклонников, поздравлявших Валентину с отличным выступлением, и так усердно тряс ее руку, что она подарила ему на память свое стихотворение. Через годы он напишет: «...строки из него постоянно напоминали мне о долге перед Родиной».

Несмотря на тревожную обстановку, которая сложилась к лету сорок второго года в связи с выходом немецко-фашистских войск на Северный Кавказ, учебные занятия в пединституте не прекращались. Состоялся очередной выпуск дипломированных специалистов. Вместе со всеми выпускниками получили поздравления и харьковчане. Но в школе работать в тот год не довелось никому из них. В составе городского истребительного батальона несли они службу до начала августа. Потом был памятный переход через горы. Эвакуация. И следы харьковских студентов затерялись.

Из всей семерки после изгнания захватчиков с территории Кабардино-Балкарии в Нальчик вернулся только один — Михаил Будовой. В армию его не призвали по состоянию здоровья. В Кзыл-Орде временно работал в военизированной охране. «Михаил, — писал многие годы спустя Федор Иващенко, — был удивительно скромным человеком. Тяжело переживал, что его, коммуниста, не брали в армию. О душевности, высоком чувстве товарищества можно привести массу примеров. Остановлюсь только на одном. Я сильно болел малярией. К болезни прибавилось еще и несчастье. На рынке в Кзыл-Орде у меня из кармана вытащили хлебные карточки. Михаил всячески старался мне помочь, видя мое затруднительное положение. Однажды за отличную работу (а Михаил всегда отличался хорошим отношением к выполнению порученного ему дела) он был премирован нэзянь-

кими галошами. Он тут же их продал и на вырученные деньги принес мне буханку хлеба. «Подкрепляйся, а то ты совсем ослаб». Вкус того хлеба помню я и поныне...»

Некоторое время Михаил Будовой работал в Наркомпросе КБАССР. Вскоре по партнабору его направили для службы в органы государственной безопасности. Не раз отличался он в операциях по захвату и уничтожению вражеских лазутчиков, которых засыпала в республики Северного Кавказа фашистская разведка.

В первых числах августа 1944 года гитлеровцы для проведения диверсионных актов выбросили в районе Нальчика десант парашютистов. Для захвата и уничтожения диверсантов была сформирована оперативная группа, в состав которой входил и старший оперуполномоченный Михаил Мефодьевич Будовой. 5 августа 1944 года во время прочесывания лесного массива наша оперативная группа вступила в бой с вражескими парашютистами. В этом бою и погиб Будовой.

Как же сложились судьбы его друзей?

Долгое время не удавалось ничего выяснить, пока в один из дней не позвонил заведующий Прохладненским районом Михаил Михайлович Лукьянчиков. Он сообщил, что располагает сведениями по интересующему меня вопросу и прислал их Федор Иванович Иващенко. Как впоследствии выяснилось, в январе 1978 года в «Учительской газете» рассказывалось об успехах Прохладненского района по развитию народного образования и упоминалась фамилия «двадцать лет находившегося на беспокойной должности» заведующего района М. М. Лукьянчика. Эта фамилия и заставила Федора Ивановича Иващенко вспомнить своего однокурсника по литфаку. Письмо писал он наугад, а пришло оно по адресу.

— Бывает же такое?! — радостно и взволнованно делился своими впечатлениями Михаил Михайлович. — Федя Иващенко разыскался! А ведь думал я, что погиб он в войну. Во время эвакуации из Нальчика потеряли мы друг друга из виду. Помнится, в последний день в общежитии все лишнее пожгли, забрали фотоаппараты, с оружием истребительного батальона вышли к Белой Речке. Нас было человек 25. Потом к нам присоединились преподаватели пединститута Б. Е. Кабалоев, В. В. Гурьянов, У. Б. Алиев и еще кто-то. Суток четверо находились в Кашкатау (Советское). Потом пошли дальше. Я дошел до Махачкалы. По-моему, первым в армию призывали Владимира Цымбала. Об этом мне рассказывал Будовай, когда после оккупации мы встретились в Нальчике. Из-за плохого зрения меня так и не взяли в армию. В январе 1943-го я вернулся в Кабардино-Балкарию, некоторое время работал лаборантом в пединституте, а с осени начал директорствовать в Нижне-Чегемской средней школе. С 1944 года работаю в Прэхладненском районе.

Хорошо помню Владимира Цымбала. Он окончил исторический факультет с отличием. Воевал на Северном Кавказе. Во время боев по освобождению Кабардино-Балкарии был тяжело ранен и умер от ран в одном из госпиталей в Дагестане. Об этом рассказывал Будовай. Эти сведения подтвердил и Федор Иващенко.

Михаил Михайлович познакомил меня с его письмом, а вскоре Федор Иванович ответил и мне: «...Я, конечно, не располагаю исчерпывающими сведениями о друзьях по учебе, но кое-что мне удалось выяснить. Владимир Иосифович, уроженец Киевской области, способный студент и организатор, обладал редким артистическим даром. Долго занимался я поиском сведений о нем и только недавно получил офи-

циальную справку о том, что умер он в госпитале в Серго-Кала. Родные его так и не узнали, где он похоронен. О полученных сведениях написал матери. Но ответа не получил. Видно, нет ее уже в живых. После войны встречался с Иваном Даниловичем Малицким. Он всеевал, был ранен. После войны работал в школе и в заводской библиотеке. Теперь на пенсии. Живет в Киеве. Но переписку с ним не поддерживаю, так как адрес его потерял».

Забегая вперед, хочу дополнить рассказ Федора Ивановича сведениями, которые пришли от Малицкого.

«Сообщаю,— писал Иван Данилович,— что я из числа семи харьковских студентов. Окончил Кабардино-Балкарский пединститут 9 августа 1942 года. Из Нальчика нас эвакуировали в Кзыл-Орду. Первым проводили на службу в армию Федора Иващенко. Потом наступил мой черед. Воевал я вначале на Карельском перешейке Ленинградского фронта. После выхода Финляндии из войны нас перебросили в Венгрию. В районе озера Балатон меня ранило. Демобилизовался в августе 1945 года. Друзей своих хорошо помню. Но, к сожалению, об их судьбах знаю очень мало. С огорчением узнал о гибели Михаила Будового и Владимира Цымбала. Замечательные хлопцы были...»

И снова слово Федору Ивановичу Иващенко: «В марте 1943 года призвали в армию Степана Тимофеевича Буженко. Он из всех нас был самым крепким. Такой здоровяк. Воевал в пехоте, пулеметчиком. Последнее письмо от него я получил уже на фронте. Как сложилась его армейская биография, мне неведомо. Он написал всего одно письмо моему отцу в то же время, что и мне. Больше сведений о нем никаких не было. Убежден, что если бы он остался жив, обязательно разыскал бы меня. Совсем не

располагаю данными о Макаре Митрофановиче Жуваке. Знаю, что воевал. Но уцелел или нет, мне неизвестно.

Алексей Григорьевич Пенза жив. Во время войны служил в частях противовоздушной обороны. После демобилизации работал долгое время директором школы в городе Скадовске. Сейчас — учитель истории. Мы с ним поддерживаем постоянную переписку.

Война ворвалась в наши биографии, оставила долгую негасимую память о боевых друзьях. В марте сорок третьего года призвали в армию и меня. После окончания школы младших авиаспециалистов находился на фронте с 5 июля 1943 года в составе 3-го гвардейского бомбардировочного Краснознаменного авиаотряда Авиации дальнего действия. Выполнял обязанности мастера по авиаоружению, обеспечивал боевые вылетыочных бомбардировщиков и летал в качестве воздушного стрелка. Совершил в общей сложности 14 боевых вылетов на бомбажку позиций и укреплений противника в гг. Бресте, Люблине, Кенигсберге, Яссах, кораблей и военных объектов под Севастополем».

Об одном из эпизодов боевой службы Иващенко в 1977 году рассказывалось на страницах многотиражной газеты «Советский педагог» Минского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института им. А. М. Горького: «...Шел апрель 1944 года. Дни и ночи на аэродроме кипела работа. Бомбардировщики приземлялись, заправлялись горючим, загружались бомбами и снова взмывали в небо. Доставалось техперсоналу, особенно оружейникам. Нелегко было снарядить самолет. Ведь временами приходилось грузить вручную 250-килограммовые бомбы. Пока идет выполнение боевого задания, техники, механики, оружейники с тревогой ждут возвращения «своего» самолета. Стоит только ему

приземлиться, как несутся вопросы: «Как пулеметы?», «Сработали ли взрыватели?», «Не отказала пушка?» и т. д.

И не было большего счастья для оружейника услышать, что техника действовала безотказно.

В ночь на 7 мая 1944 года гвардии сержант Иванченко принимал участие в боевом вылете экипажа гвардии младшего лейтенанта Н. Лаптева в качестве воздушного стрелка. Самолет бомбил объекты противника на выходе из Севастопольской бухты. Отбомбились удачно. Можно было над морем разворачивать самолет на обратный курс, как вдруг луч прожектора поймал цель. Тут же ударили зенитки и осколки снаряда повредили оба мотора. Высота начала падать. 2000 метров, 1500... 1200... 1000... 900... Внизу Черное море, хотя его и не видно. И все же экипаж не растерялся. На высоте 800 метров заработал правый мотор и падение прекратилось. Медленно развернулась машина и хоть и с трудом, но дотянула до аэродрома».

В письме Михаилу Михайловичу Лукьянчикову он писал: «...При ликвидации Ясско-Кишиневской группировки противника случилось, что на задание мы вылетели без прикрытия. Как на грех нас перехватили «мессеры». Еле отбились от них. До сих пор вижу во сне лучи прожекторов, пулеметные трассы, разрывы зенитных снарядов... Даже не верится, что все это было.

Очень горюю по Мише Будовому и Володе Цымбале. Где-то подсознательно слышу их голоса. Когда жили в студенческом общежитии, то по вечерам они часто пели задушевные украинские песни. С удовольствием слушали их студенты. Кто знает, быть может, и предчувствовали ребята, что не доведется обним побывать в родных краях.

Так случилось, что после войны пришлось мне на-

чинять педагогическую деятельность в неполной средней школе при Детской воспитательной колонии МВД Северо-Осетинской АССР. Дети-сироты из Ленинграда, Москвы, Северного Кавказа (последствия войны), много пережившие, беспризорничавшие и в педагогическом плане довольно трудные. Вот тогда-то и пришлося всерьез заниматься вопросами психологии, что в конечном итоге и определило мою дальнейшую судьбу».

Нет, не написал Федор Иванович Иващенко о том, сколько труда приходилось вкладывать, сколько проводить бессонных ночей, проявлять настоящую изобретательность, чтобы вести за собой этих запущенных и в образовательном и в воспитательном плане ребятишек. Не случайно его неутомимый поиск новых путей в работе с детьми привлек внимание ученых Института психологии Академии педагогических наук РСФСР. Последовало приглашение в аспирантуру, а затем и успешная защита кандидатской диссертации на тему «Развитие уверенности в своих силах у слабоуспевающих школьников».

Много лет, работая в Ставропольском, а позже в Минском педагогических институтах, посвятил Федор Иванович исследованиям психологических проблем трудового воспитания школьников. Опубликовал свыше 60 научных работ. Монография Иващенко, в которой обобщено все лучшее, что накопилось в работе ученических производственных бригад, и зафиксированы те невидимые сдвиги, которые происходят в сознании детей по мере становления их как будущих тружеников, была удостоена премии имени К. Д. Ушинского. Стал Ф. И. Иващенко доктором наук, профессором. С 1974 года возглавляет кафедру психологии Минского педагогического института.

«...Не раз,— писал он,— выступал на страницах периодической печати: в «Известиях», «Учителской га-

зете», «Комсомольской правде». Надеялся, что кто-нибудь из моих друзей по учебе прочтет и мы услышим друг друга. Но, мало ли людей, которые носят фамилию Иващенко. Могли прочитать и не обратить внимания. А вот фамилия Лукьянчикова, да еще связанная со школами Кабардино-Балкарии, сразу же заставила вспомнить годы студенчества. И я рад, непередаваемо счастлив, что нашел своего однокашника! Минувшим летом произошла радостная и волнующая встреча с ним, встреча через тридцать семь лет! И главный вывод из нее, большая благодарность тем, кто активно противостоит забвению. Спасибо следопытам университета».

Естественно возникает вопрос: а причем здесь Валентина Саакова? Но вот ее письмо: «...Хотя я училась в Кабардино-Балкарском пединституте всего один год, в памяти и сердце осталось много доброго и прекрасного, что дал мне этот трудный и радостный год моей первой учебы в вузе. Жаль, что впоследствии не удалось вернуться в Нальчик.

Время и годы стерли из памяти фамилии и имена товарищшей по учебе. Помню девочек, с которыми училась. Мы помогали друг другу чем могли. Помню вечер, посвященный великому Кобзарю. Помню застенчивого белокурого юношу Федора Иващенко и большого организатора вечеров Владимира Цымбала. Сердечно благодарна Феде за то, что он сохранил на фронте и сберег мои детские стихи эти долгие годы. К тридцатипятилетию Победы в Военном изда-  
тельстве выходит моя новая книга «Свет высоты». В нее я включила возвращенные мне Федей стихи.

А разыскали меня они очень оригинально. Я училась и дружила с очень хорошей и хорошенкой девушкой Галей Дьяченко. Она стала женой Феди. Както в «Огоньке» была опубликована подборка моих стихов, а к ней помещена и моя фотография. По фо-

тографии оба меня узнали. Разыскали через редакцию адрес и обратились с вопросом: та ли я самая Валя Кольденберг, которая училась в Нальчике, писала стихи и выступала на вечере, посвященном Тарасу Шевченко? Несмотря на фамилию Саакова (по мужу), им хотелось верить, что это я. С радостью отозвалась на их письмо, уверив, что я та самая Валя, хотя давно уже Валентина Григорьевна, и даже бабушка!

Давно собираюсь побывать в дорогих сердцу местах. Не раз в республиканской печати публиковались мои стихи, а несколько лет тому назад поэма об однополчанине мужа, Герое Советского Союза Кубати Карданове. Я дружна с народным поэтом Кабардино-Балкарии Адамом Шогенцуковым, знакома с Алимом Кешоковым. В Нальчике живут мои родные, так что город этот памятен и дорог мне. Жаль, что писательские и журналистские маршруты до сих пор не привели меня на поклон милому городу.

Как реликвию студенческой юности храню зачетную книжку пединститута. Она — немое свидетельство тех грозных и памятных дней».

В дар музею истории вуза Валентина Григорьевна Саакова прислала две своих книги. На одной из них лаконичная надпись: «Счастливой студенческой юности, не ведавшей войны». На второй: «...вузу, в котором учились понимать цену хлеба насущного, хлеба дружбы и хлеба души»...

Наконец еще об одной памятной встрече, встрече с Макаром Митрофановичем Жуваком. Особо не расчитывая на успех, я все же сделал запрос в Харьковский областной отдел народного образования. Ведь родом Жувак был из Харьковской области. А вскоре пришло письмо от него самого.

«...был нескованно обрадован и удивлен,— писал он,— когда получил Ваше письмо. Часто, очень часто

вспоминал своих товарищей. Думал, кто-нибудь откликнется. И какую же радость испытал с получением этого письма! Значит, не забыли! Обязательно приеду в Нальчик!»

И он приехал. Мы побывали в университете, у студенческого общежития и у памятника. Макар Митрофанович, под впечатлением нахлынувших воспоминаний, рассказывал о событиях и фактах почти сорокалетней давности.

— Мне очень хотелось побывать в местах столь дорогих моему сердцу, ведь здесь осталась частица нашей студенческой юности. Как оказались мы в Нальчике? Наш первоначальный маршрут лежал на Волгу. Но, видимо, охотников было больше, чем могли пропустить дороги. Пришлось повернуть на Кавказ. Добрались до Котляревского птицесовхоза. Начали там работать и узнали, что в Нальчике есть пединститут. Поехали в Нальчик. Были в военкомате. Военком и направил нас на учебу. В августе 1942 года поступил приказ об эвакуации. Дело молодое. О приказе мы не знали. Кое-кто провожал знакомых. А когда вернулись, пришлось догонять своих. Хорошо помню, что Володя Цымбал ночью не вернулся и отстал. Из Нальчика его призвали в армию раньше других, был ранен в бою и умер от ран.

Дальше была Кзыл-Орда. Снова посещали военкомат. Будовой прихрамывал, и ему начисто отказали в призывае. У Пензы не разгибалась рука. Его взяли и направили в тыловые части ПВО. У Малицкого — варикозное расширение. Положили в госпиталь, а потом призвали.

— Меня,— продолжал Макар Митрофанович,— направили на курсы радиотелеграфистов в Ташкент. Оттуда в звании старшины получил назначение вновь формируемую минометную бригаду в Горьковской области. В конце 1943 года с этой бригадой при-

был на Карельский фронт. Летом 1944 года нас перебросили в район Лодейного Поля. Когда вышли к Петрозаводску, стало известно, что Финляндия прекратила военные действия. Нас перебросили на Кольский полуостров. Во время осеннего наступления, получив тяжелую контузию, выбыл в госпиталь в Мурманск. Из батальона выздоравливающих получил назначение в 198-й отдельный батальон связи, который обслуживал 2-ю ударную армию. Участвовал в боях под Гдиней, Гданьском, Штеттином и Штральзундом. Войну закончил в Висмаре.

На фронте стал Макар Митрофанович кандидатом в члены партии. За проявленное мужество награжден орденом Славы III степени и медалями. Осенью 1945 года демобилизовался и приехал в родное Вишневое на Харьковщине. Учителяствовал. Потом переехал в город Константиновку в Донбассе и до пенсии работал директором средней школы.

...Полгода учебы в Нальчике и память на всю жизнь. Вот они, судьбы студентов Харьковского библиотечного института, которым, в силу сложившихся обстоятельств, завершать образование пришлось в Кабардино-Балкарском педагогическом институте.

## О ДРУЗЬЯХ, ТОВАРИЩАХ

Впервые о студентах естественно-географического отделения Кабардино-Балкарского учительского института Иване Воротилине и Иване Харьковском рассказал мне учитель Светловодской средней школы Виктор Иванович Гусев.

— На первый курс пришли они с рабфака,— вспоминал он.— Первый маленький, юркий, острослов с такой веселой искринкой во взгляде. Второй — высокий, широкоплечий, медлительный и немного замкнутый. Такая несходность не мешала их крепкой дружбе.

Но больше всего их связывала мечта, заветная мечта стать военно-морскими летчиками. И к этой цели настойчиво шли оба, совмещая учебу в институте с занятиями в Нальчикском аэроклубе. В ту пору многие из нас стремились в летчики. Грязнула война и разметала нас по разным фронтам. Связь прервалась. Спустя годы предпринимал я неоднократно попытки найти следы друзей по институту. Но все они оказались безрезультатными. Думаю, будь кто-либо из них в живых, обязательно откликнулся бы. Убежден, что друзья мои с честью прошли через все испытания и, если и суждено было им погибнуть, то погибли они как герои, в бою...

После встречи с В. И. Гусевым прошло немало дней. За это время не раз доводилось беседовать с бывшими курсантами Нальчикского аэроклуба. Но, к сожалению, никто из них не помнил ни Воротилина, ни Харьковского. Казалось, что так и не удастся ничего выяснить об их судьбах. Но вот, в один из дней позвонил ветеран войны Григорий Иосифович Макаренко.

— Мне передали товарищи по аэроклубу о том, что вас интересуют Воротилин и Харьковский,— начал он разговор.

— Да. А вы их знали?

— Конечно! Мы ведь в одном потоке учились в аэроклубе...

При встрече Григорий Иосифович поведал о том, как в связи с вероломным нападением фашистской Германии курсанты аэроклуба завершали по ускоренной программе учебные полеты, сдавали экзамены и готовились к отборочной комиссии для поступления в Ейское военно-морское авиационное училище.

— Вместе со мной,— продолжал он рассказ,— в начале августа 1941 года в Ейск прибыл Иван Харьковский. Его друг Воротилин по какой-то причине ко-

миссию не прошел, и о его судьбе мне ничего не известно.

В Ейске долго учиться не пришлось. Этому помешали события, которые развернулись в те дни на ростовском направлении. Нас эвакуировали в глубь страны и там направили в 3-е военно-морское авиационное училище. Иван Харьковский был зачислен на отделение по подготовке летчиков штурмовой авиации. Успешно закончил учебу и в звании младшего лейтенанта получил назначение на Балтику. Связь со мной он поддерживал и из его писем я знал, что «воевал он в 7-м гвардейском пикировочно-штурмовом авиационном полку». Сохранился снимок летчиков и обслуживающего персонала его эскадрильи.

Дальнейший поиск привел меня в Центральный Военно-Морской архив. Там нашлись документы, выдержки из которых мне хотелось бы привести.

Из боевой характеристики: «...Летчик 2-й эскадрильи 7-го гвардейского пикировочно-штурмового авиационного Краснознаменного полка 9-й штурмовой авиационной Ропшинской Краснознаменной дивизии ВВС Краснознаменного Балтийского флота гвардии младший лейтенант Харьковский Иван Тимофеевич прибыл из 3-го военно-морского авиаучилища. Быстро закончил программу ввода в строй и приступил к работе. Летает смело, уверенно, техника пилотирования хорошая. Вверенное ему оружие использует в бою умело и технически грамотно. Отлично сочетает мощность огня с маневром своего самолета. Не считаясь с отдыхом и опасностью, производит в день по 3—4 боевых вылета. В сложной обстановке инициативен и находчив»...

Из журнала боевых действий о Харьковском:

«13.06.44 г. Ведомым в группе самолетов ИЛ-2 произвел боевой вылет на штурмовку переднего края обороны противника в районе Вуотта. лично уничто-

жил 2 орудия полевой артбатареи и 3 минометные батареи, обстреливавших наши войска.

15.06.44 г. Произвел боевой вылет по нанесению бомбоштурмового удара по узлу сопротивления противника в районе Аникюля. Действуя в сложных метеорологических условиях, смело и решительно штурмовал укрепления противника.

17.06.44 г. Ведомым в группе 12 самолетов ИЛ-2 произвел 2 боевых вылета на штурмовку кораблей противника в Выборгском заливе. Отлично сфотографировал результаты налета группы.

18.06.44 г. В течение одного дня произвел 4 успешных боевых вылета ведомым в группе 10—11 самолетов ИЛ-2 на штурмовку кораблей противника в районе Виорка — Койвисто — М. Растииниеми. В результате штурмовки потоплены: транспорт водоизмещением 3000 тонн, одна быстроходная десантная баржа, два буксира. Повреждено 3 БДБ».

Из наградного листа: «...За успешное выполнение 10 боевых вылетов на самолете ИЛ-2, в результате чего уничтожено и повреждено лично и в группе 1 транспорт, 4 быстроходных десантных баржи, 2 буксира, 2 танка, 3 артбатареи, 7 автомашин противника, и проявленные при этом мужество и отвагу гвардии младший лейтенант Харьковский И. Т. достоин награждения орденом Красного Знамени».

22 июня 1944 года приказ о награждении орденом Красного Знамени подписал командующий КБФ адмирал В. Ф. Трибуц. Для летчика Харьковского награждение орденом совпало и с другим знаменательным событием: партийная организация полка приняла его кандидатом в члены Коммунистической партии.

9 июля 1944 года полк наносил массированный бомбоштурмовой удар по фашистской военно-морской базе на острове Милансаари. Участвуя в этой операции, летчик Харьковский получил задание сфор-

тографировать результаты этого удара. Поэтому, когда все экипажи отбомбились, подвергли штурмовке и обстрелу объекты базы и группа уходила от цели, он повел свой ИЛ-2 на облет участка. Задание практически было завершено, оставалось заснять на пленку часть прибрежной полосы, где от взрыва клубились тучи дыма, как вдруг навстречу самолету понеслись пунктиры трассирующих снарядов заградительного зенитно-артиллерийского огня уцелевшей вражеской батареи. Один из снарядов угодил в двигатель. Штурмовик взорвался и рухнул в море...

Так погиб гвардии младший лейтенант Иван Тимофеевич Харьковский.

Какова же судьба Ивана Воротилина?

В списках военно-морских летчиков его имя не значилось. Это подтвердили сведения из Центрально-го Военно-Морского архива. Небольшая надежда оставалась на то, что, не пройдя комиссии в Ейское училище, Воротилин поступил в одну из авиационных школ. Но поиск оказался безрезультатным.

Беседуя с однокурсником Воротилина по рабфаку, военным летчиком в годы войны Иваном Савельевичем Осиенко, я поделился с ним возникшимисложнениями.

— А почему вы думаете, что Воротилин обязательно был летчиком? — спросил меня Иван Савельевич. — Ведь были случаи во время войны, когда летчик становился пехотинцем, артиллеристом, сапером, даже танкистом. Имя Ивана Воротилина может оказаться в других списках. А в том, что он храбро воевал, у меня никакого сомнения нет.

Предположение Ивана Савельевича подтвердилось. На направленный в Архив Министерства обороны СССР запрос пришел ответ, из которого следовало, что лейтенант Воротилин Иван Иванович воевал в артиллерию. Его боевые заслуги отмечены орденом Оте-

чественной войны II степени. Незадолго до конца войны, в январе 1945 года, 30-я гвардейская армейская тяжелая пушечная артиллерийская бригада обеспечивала наступление частей 2-го Белорусского фронта при проведении Восточно-Прусской операции. В начале февраля ударные соединения вышли к Эльбингу и отрезали пути отхода противнику из Восточной Пруссии к Одеру. В районе города Дойч-Кроне была окружена вражеская группировка. 6 февраля, когда проводилась операция по ее уничтожению, небольшая группа, пытаясь вырваться из кольца, нанесла внезапный удар в направлении населенного пункта Дик, где занимала огневые позиции батарея лейтенанта Воротилина. Вражеская атака была отбита, но при этом погиб комбат. Похоронен он у деревни Дик (недалеко от города Дойч-Кроне).

Прав был Виктор Иванович Гусев, утверждая, что друзья его по учебе погибли в бою, погибли как герои. Вечная им слава..

### СЕРДЦА ДЕВИЧЬИ

Их душевный порыв был вызван искренним чувством патриотизма и любви к Родине, оказавшейся в опасности. Они хотели помочь стране в этот грозный час и считали, что их место не в студенческой аудитории, а на полях сражений.

Студентки педагогического института старательно овладевали профессиями медицинских сестер, санитарных инструкторов, учились на курсах Осоавиахима владеть боевым оружием, работе с приборами линейной связи и радио. Только весной сорок второго года была удовлетворена просьба большой группы девушек о направлении их добровольцами в армию. Трогательное расставание с друзьями и родным Нальчиком, и:

под перестук вагонных колес потекли мысли о героических подвигах, о том, что ждет их впереди. А поезд шел не на фронт, а в тыл, в Сталинград.

В мае сорок второго года завершалось формирование Сталинградского корпуса противовоздушной обороны. В его части и подразделения направлялись главным образом добровольцы. Только по путевкам Сталинградского обкома комсомола в ряды корпуса влилось около семи тысяч комсомольцев. Девушки-добровольцы из Кабардино-Балкарии, Башкирии, Урала и других районов стали его бойцами.

В батареях, дивизионе аэростатного заграждения, ротах прожектористов, отдельных взводах воздушного наблюдения, оповещения и связи, в учебном полку приступили к напряженной боевой учебе студентки из Кабардино-Балкарского государственного педагогического института Ольга Дурнева, Софья Кабалоева, Мария Лебедева, Надежда Хлопюк, Лидия Никрасова, Мария Ускова и их землячки Фатима Бесланеева, Анна Максименко, Анна Штанько и другие. Когда боевые операции докатились до Волги, девушки стали уже мастерами своего дела в боевых расчетах, на приборах управления зенитным огнем, связистками, радиистами, санинструкторами.

— Наша третья батарея второго дивизиона 1077-го зенитно-артиллерийского полка,—вспоминала заведующая сектором партийного учета Зольского райкома КПСС Ольга Николаевна Дурнева,— в августе сорок второго года занимала огневые позиции на территории Сталинградского тракторного завода. Вместе со мной службу в батарее несли еще 24 девушки. Я помню, как, ставя боевую задачу по прикрытию от воздушного нападения на завод, командир батареи говорил о том значении, которое имел тракторный. В те дни из ворот завода, с его танкодрома прямо на фронт отправлялись танки.

22 августа было последним днем, когда город находился в прифронтовой полосе. То, что произошло на следующий день, никогда не забудется. Сначала прокатился рокот, потом потемнело небо. Его закрыли сотни вражеских самолетов. Огонь и дым охватили все пространство вокруг. По фашистским самолетам вели огонь все пятьсот орудий корпуса ПВО. Но фугасные и зажигательные бомбы сметали целые кварталы. Гибли защитники города, гибли мирные жители.

— На нашу батарею обрушились десятки бомб,— продолжала рассказ Ольга Николаевна.— Мне как сапинструктору впервые пришлось увидеть так много крови и страданий. Из восемидесяти пяти бойцов и офицеров батареи уцелело только пятнадцать. До сих пор удивляюсь, как я, оглушенная ревом пикирующих бомбардировщиков, взрывами бомб и беспрестанной стрельбой, в прожженном местами обмундировании, вся перепачканная кровью раненых, могла передвигаться и переносить их в укрытия. Откуда брались силы, как ни один из осколков не сразил меня, ни одна пуля не задела? А ведь самолеты снижались до бреющего полета и поливали огнем из пулеметов. Во второй половине дня пришла весть, что немецкие танки уже в трех километрах от тракторного. Из нашего дивизиона уцелевшие зенитные орудия начали подтягивать для борьбы с танками и ставили их на прямую наводку. Героически отстаивали рубежи и зенитчики. Два дня спустя представитель командования корпуса прибыл на нашу батарею и сообщил о том, что весь личный состав представлен к правительенным наградам. Здесь, на территории тракторного завода, к моей гимнастерке была прикреплена медаль «За отвагу».

Конечно, тогда мы не представляли в сколь грандиозной по своим масштабам, в сколь значимой по

своим последствиям битве участвовали. Славная ратная доблесть, боевая дружба и товарищеская взаимопомощь были нормой поведения каждого защитника Сталинграда, города-воина и города-труженика, в котором не было границ между фронтом и тылом. Были потом долгие и трудные дороги войны, которыми пришлось пройти, изгоняя захватчиков с Дона и Кубани, освобождая Крым и Украину. Но на всю жизнь запомнились огненные дни августа сорок второго года, дни Сталинградской битвы. Я горжусь, что мне и моим подругам по учебе в пединституте довелось внести свой скромный вклад в защиту волжской твердыни...

В числе тех, кто стремился попасть на фронт, были студентки литературного факультета пединститута Лидия Петренко, Мария Кюршунова (Купреева) и Екатерина Гунченко (Дианова). В разные дни и по разным дорогам уходили они из Нальчика. А встретились в одной, 351-й стрелковой дивизии, которая прикрывала подступы к Мамисонскому перевалу. Санинструктором дивизионного 426-го медсанбата проходила службу Лидия Петренко, связистками в стрелковых батальонах были Мария Кюршунова и Екатерина Гунченко. Вспоминая те дни, Екатерина Петровна Гунченко при встрече рассказывала:

— Хоть и училась я хорошо, после второго курса пришлось оставить институт. В связи с войной отец был мобилизован в армию и мать не могла прокормить троих детей. Пришлось мне идти работать в школу. Учительствовала в Аргуданской средней школе. Летом 1942 года, когда возникла опасность прорыва немецко-фашистских войск к Нальчику, нас со старшими школьниками направили на строительство оборонительных сооружений. Когда работы приближались к завершению, представитель военкомата предложил нам возглавить группу по эвакуации моло-

дажи в тыл. В те дни я и написала заявление с просьбой призвать меня в армию. Так я оказалась на краткосрочных курсах связисток, откуда и получила назначение в 351-ю стрелковую дивизию, которая занимала оборону под Алагиром. Было это в те дни, когда фашистские части рвались к Орджоникидзе. Нас, необстрелянных девчонок, направили в самую гущу событий. Уходя на устранение поврежденной связи, мы больше всего боялись наскочить на вражеское боевое охранение или разведку. Не раз слышали немецкую речь. С замирающим сердцем приникали к холодной и сырой земле, боясь неосторожным стуком выдать себя.

20 декабря 1942 года противник усиленно обстреливал наш передний край. Я этот день хорошо запомнила. Ведь это день моего рождения. Разрыв мины или снаряда повредил линию связи. На устранение повреждения идти предстояло мне. Я взялась за провод и, низко пригибаясь к земле, пошла на линию. Небольшая расщелина, местами поросшая невысоким кустарником, позволяла передвигаться скрытно. Но, к моему несчастью, телефонный провод оказался оборванным не в том месте, которое скрыто от противника, а на совершенно голом склоне, обращенном к переднему краю. Оборванный конец провода был у меня в руках. Найти второй конец, не выходя на открытый склон, не представлялось возможным. Поэтому, рывком выскочив из укрытия, я увидела воронку от разрыва мины, осколки которой повредили провод, бросилась вниз и ползком добралась до оборванного конца. Часть провода была взрывом вырвана, поэтому исправить линию без наращивания не представлялось возможным. Стارаясь действовать как можно быстрее, я присоединила кусок провода и подключила телефон.

Дальше повреждений не было. Оставалось вер-

нуться к тому концу провода, который находился все-го в каких-нибудь пяти-семи метрах, чтобы соединить линию. Но противник уже обнаружил меня. Сначала где-то в стороне пулеметная очередь подняла фонтанчики мерзлой земли. Потом началась пристрелка. Как только я исправила линию связи и поднялась для броска в укрытие, тупой удар в грудь свалил меня на землю и я потеряла сознание. Очнулась в землянке. «Ты счастливая! — первое, что услышала от своих подруг. — Немецкий снайпер ошибся на несколько миллиметров, и пуля, не задев сердца, навылет пробила грудь». После госпиталя некоторое время службу проходила в 212-м запасном полку, а уже оттуда получила назначение в 399-ю отдельную ордена Красной Звезды экспедиционно-телеграфную роту, которая обслуживала 1-й Украинский фронт. В ней и проработала до конца войны.

Марии Кузьминичне Кюршуновой довелось уходить из Нальчика под гул вражеской бомбёжки. Противник вел наступление на столицу республики, чтобы прорваться к Орджоникидзе.

— Временами казалось, — вспоминает, волнуясь, Мария Кузьминична, — что немцы вот-вот нас захватят. Но мы сколько было сил спешили к Алагиру. Там нас, студенток из разных институтов, уговорили ложиться связистками. Так я с Аней Кузнецовой, студенткой Северо-Осетинского мединститута, стала связисткой 1160-го полка 351-й стрелковой дивизии. Трудно, очень трудно говорить о том, сколько крови и страданий довелось видеть в первый же месяц службы в армии. Потом началось наступление. Мы были в родном Нальчике. Гнали противника на север. В феврале 1943 года фронтовые дороги привели нас на Кубань...

Мария Кузьминична задумалась на какое-то мгновение. В ее памяти, по-видимому, всплыли картины

сорокалетней давности. Потом, встряхнула головой и продолжила рассказ:

— К вечеру приморозило. По единственной дороге, разделявшей два лимана, без единого выстрела полки дивизии вошли в станицу Брыньковскую. После трудного и длительного марша подразделения разместились на ночлег. Мы с Аней, расположившись в доме у одной казачки, установили связь с командным пунктом полка. Хозяйка нам с Аней отвела комнату. Мы быстро переоделись, помылись, привели себя в порядок. Над станицей закружились мирные дымки. После сытного ужина в тепле станичных домов отдыхали солдаты. Казалось, ничто не предвещало беды. И вдруг на рассвете, пользуясь тем, что подморозило подступы к станице, со стороны лиманов противник нанес контрудар. Вражеские танки на полном ходу, смяв заслоны, проскочили до центра станицы, огнем и гусеницами нанося серьезный урон нашему гарнизону. Хозяйка запричитала, забегала, увидев, что мы начали отключать аппараты и собирались уходить.

— Да вас они в первую очередь побьют! — говорила она нам.

Потом вдруг приняла какое-то решение, подтолкнула нас к сеням, подняла крышку подпола и решительно заставила лезть туда. Мы не успели спуститься, как в погреб полетели наши шинели, аппараты. Потом на крышку подпола она сдвинула кадку с водой. И все затихло. Мы не знали, что главные силы полка по льду лиманов и по камышам отходили из станицы. Немцы, захватив тогда более двухсот раненых и плененных бойцов нашей дивизии, бросили их в здание станичного совета и подожгли. Не пощадили они и медперсонал. Сутки сидели мы в подвале. Сутки нервничали мы и наша хозяйка, которой в случае, если бы немцы нас обнаружили, грозил расстрел. На следующее утро, после первых же залпов наших ар-

тиллеристов, противник оставил станицу Брыньковскую. Со слезами на глазах встречали мы своих освободителей из нашей же дивизии.

В станице состоялся митинг. Бойцы и командиры поклялись отомстить за смерть наших однополчан, которых фашисты сожгли в помещении станичного совета. А вскоре мы простились с нашей спасительницей и пошли дальше.

В 317-й стрелковой дивизии довелось принимать участие в разгроме Таманской группировки противника, в отражении вражеского контрудара на Правобережной Украине, пройти через Карпаты и Чехословакию.

Мне остается только добавить, что после Победы Мария Кузьминична Кюршунова вернулась на студенческую скамью, окончила пединститут и все свои силы, знания и опыт, весь жар своей души отдает благородному делу обучения и воспитания подрастающего поколения. И мало кто из ее воспитанников даже знает, что этой хрупкой на вид женщине довелось испытать все тяготы минувшей войны и пройти трудными фронтовыми дорогами от Орджоникидзе до Будапешта.

Лидия Кузьминична Петренко вспомнила, как салютовали воины дивизии окончанию боев на Таманском полуострове и с какой радостью грузились в эшелон, направляясь на новый участок фронта.

— 11 ноября 1943 года наш эшелон прибыл в Связьтощино,—продолжала она рассказ.—Быстро разгрузились и вскоре вступили в бой на Правобережной Украине. Наступали в сторону Винницы. Сейчас уже точно не помню, но это было в районе Толмачика. Шли напряженные бои. В нашем медсанбате было больше 120 раненых бойцов. И вдруг противник предпринял контрудар, обойдя медсанбат справа и слева. Все, кто мог держать оружие в руках — медперсонал

и раненые, заняли круговую оборону. Сколько нас там было, сказать не могу. Но на наше счастье, противник не пошел в направлении медсанбата. А через сутки наши части сбросили противника. Мы только тогда смогли понять, какой опасности подвергались наши раненые. Так я и прошла с 351-й стрелковой дивизией до Карпат...

В августе сорок второго года Новочеркасское кавалерийское училище, в котором несли службу многие представители нашей республики и соседних областей и краев, отходя с боями от Минеральных Вод, занимало оборону на реке Малка в районе селения Куба. Именно в эти трудные дни к начальнику училища полковнику И. П. Калюжному обратились с просьбой зачислить их в часть комсомолки из Кубы Мария и Тамара Афауновы. Мария — выпускница литературного факультета педагогического института, работала в то время методистом районного отдела народного образования, а Тамара была учительницей начальных классов.

Настойчивая просьба сестер Афауновых о зачислении их в санчасть училища была удовлетворена.

До начала сентября сорок второго года не выходило из боев на Северном Кавказе Новочеркасское кавалерийское училище. Уже в Кировабаде, куда по приказу командования выведено было училище, узнали сестры о том, что немецко-фашистские войска захватили столицу республики Нальчик. А их путь лежал на север, в Подольск. Пока шло переформирование и обучение кавалерийского соединения, пришел приказ об откомандировании сестер Афауновых в Карачаево-Балкарию. Мария Туловна некоторое время работала первым секретарем Кубинского райкома комсомола, а впоследствии вернулась к педагогической деятельности. Тамара Туловна много лет работала в партийных и советских органах. Ныне персональный пенсионер.

Мария Андреевна Полещук (Лебедева) прислала из Кировограда письмо: «Очень приятно,— писала она,— что нас, бывших студентов пединститута, участников Великой Отечественной войны, не забывают. Большое спасибо за внимание. Что писать о себе? На литературный факультет пришла я с педагогического рабфака. Учились мы старательно. Перешли на второй курс, когда грянула война. Дружила я в то время с однокурсницей Надеждой Хлопюк. Родом она из Ростовановки Ставропольского края. С ней мы и решили добровольно идти в армию. Но сначала получили отказ. Только в апреле 1942 года наша просьба была удовлетворена. Вместе с многими девушками из Кабардино-Балкарии нас привезли в Сталинград. А там как-то так случилось, что мы с Надей Хлопюк получили назначение в 46-й отдельный батальон воздушного наблюдения, оповещения и связи и выехали к месту его дислокации. Так что в Сталинградской битве участия не принимали. Позже наш батальон находился в составе 4-го Украинского фронта, и нам довелось пройти трудными фронтовыми дорогами при освобождении Крыма, через Карпаты и по земле Чехословакии. С Надеждой Алексеевной Хлопюк в батальоне службу проходили до 5 августа 1945 года. Насколько мне помнится, она вернулась в родную Ростовановку. Я получила от нее несколько писем. А потом связь прервалась. После демобилизации учебу продолжить не удалось. Пошли семейные заботы. Работала в партийных и профсоюзных органах. Не раз отмечалась грамотами Кировоградского обкома партии и облисполкома. Теперь на пенсии, но по мере сил своихучаствую в общественной жизни города».

Многие годы работает методистом Волгоградского Дворца пионеров Лидия Николаевна Куликова (Тепловодская). Война помешала ей закончить литературный факультет Кабардино-Балкарского педагогического

института. Не могу не привести отрывок из ее письма: «...Летом сорок второго года, нас, большинство девушек-студенток, собрали в актовом зале и объявили, что институт эвакуируется. Пешком мы вышли из Нальчика, и путь наш лежал через какое-то ущелье (за давностью лет забыла его название). Потом был перевал. В Закавказье эвакуированных скопилось так много, что нам посоветовали перебираться в Среднюю Азию. В той обстановке и речи быть не могло о продолжении учебы. Я подала заявление в военкомат и добровольно ушла в армию. Окончила школу радиостанций в городе Камень-на-Оби, стала сержантом, радистом второго класса. Назначение получила в 203-ю роту связи 11-го истребительного авиакорпуса. В ней прослужила до конца войны. Особых подвигов не совершила. Служила как все. В Нальчик после войны вернуться не удалось, а взглянуть на город студенческой юности, на родной вуз очень хотелось бы. Завершать образование пришлось в Крымском педагогическом институте в Симферополе. Все годы после окончания вуза учительствую»...

В год 35-летия Победы в Октябрьском зале Дома Союзов в Москве проходила встреча ветеранов 5-й ударной армии, которая на завершающем этапе Великой Отечественной войны громила фашистские войска в столице рейха Берлине. В глазах рябило от многих боевых наград, блестевших на костюмах участников встречи. То тут, то там удивленные восклицания: «Неужели ты!?!», трогательные и задушевные: «А помнишь?..» Радостно было видеть улыбки и помолодевшие лица однополчан, на всю жизнь сохранивших сердечность фронтового братства и ту, особую, только им присущую непосредственность в обращении.

Заместитель начальника Управления снабжения и сбыта Совета Министров КБАССР Нонна Шагидовна Абидова, приглашенная на эту встречу, вначале даже

растерялась: «Где уж там найти знакомых?» Но не успела она отметиться у регистрационного столика, как оказалась в объятиях своих подруг по роте связи 301-й стрелковой дивизии. Сколько радостных воскликаний! Сколько вопросов! Дух захватило от нахлынувших воспоминаний. Потом разглядывали знаменившего инструктора политотдела дивизии майора Никулину, которой выпала честь от их дивизии водрузить знамя над фашистской рейхсканцелярией, с замиранием сердца слушали воспоминания о минувших боях и удивлялись: неужели все это было?

Ошеломленная впечатлениями от встречи, Нонна Шагидовна вдруг вспомнила пору студенчества: «Как же так могло случиться, что со своей лучшей подругой почти 40 лет не смогла встретиться? А здесь ведь люди собирались через годы, через расстояния... Нет, немедленно после встречи нужно найти ее!»

С присущей ей решимостью прямо из Москвы поехала в Красногорск и нашла, нашла теперь уже не Евграфову, а Нину Андреевну Данилову. Крепкие узы дружбы связывали их в годы учебы на педрабфаке, а позже на литературном факультете педагогического института. Трудно сказать, как могли они, со столь несходными характерами, так подружиться. Одна — пыливая, резкая в суждениях и поступках. Вторая — мягкая, добрая, уступала подруге лидерство во всех делах и начинаниях. Видимо, эта несходность, общие интересы в учебе и спорте и связывали их. Любили ходить в походы, учились на курсах «Ворошиловских всадников», наравне с юношами принимали участие в конноспортивных соревнованиях, входили в сборные команды рабфака и педагогического института по волейболу.

Расстались они в 1940 году, но связей не теряли. Регулярно переписывались. Из писем подруги знала Нонна Шагидовна, что Нина добровольно ушла на фронт в трудном сорок втором году. Службу прохо-

дила в эвакогоспитале № 420 вначале в 37-й, а позже в 9-й армии. Довелось принимать участие ей в обороне Кавказа, а затем в изгнании немецко-фашистских захватчиков с Северного Кавказа, в разгроме вражеской группировки на Таманском полуострове и освобождении Крыма. Бережно хранила Нонна Шагидовна фотографии, которые присыпала подруга в годы войны. На одной из них на обороте надпись: «11 марта 1943 года. В дни Отечественной войны. Так я выгляжу в военной форме».

Встретились. Прослезились. Посетовали на то, что столь долгим было расставание. Вспомнили далекую счастливую студенческую пору, товарищей по учебе, невзгоды военных испытаний, пережитое после.

Глубокой ночью, когда, казалось, обо всем уже переговорили, Нина Андреевна вдруг заявила:

— А знаешь, Нонна, в нашу встречу я верила еще с тех грозных лет войны. И самое удивительное, что в этом меня убедила твоя фотография.

Она поднялась, включила свет, нашла альбом и извлекла из него снимок. Нонна Шагидовна вспомнила о нем и узнала свой размашистый почерк, которым на обороте было написано: «...Хоть иногда, любимая Нинок, вспоминай свою Нонну. Счастье человека не может быть полным, если он не нуждается в друге. Тебя всегда, всегда помню и верю в нашу встречу. Останусь жива, вернусь к тебе. 5.1.—1944 г.».

— Ну что ж, дорогая, вот я и вернулась к тебе! — невольно вырвалось у нее. — Прости, что так долго заставила ждать...

Обе подавили подкативший к горлу комок, смахнули набежавшую слезу и мысленно вернулись к тем дням, когда писались эти строки, к грозным дням давно отгремевшей войны.

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>От автора</b>	.	.	.	.	.	.	.	5
<b>Поход девятнадцати</b>	.	.	.	.	.	.	.	8
<b>Как молоды мы были</b>	.	.	.	.	.	.	.	20
<b>Однокурсники</b>	.	.	.	.	.	.	.	27
<b>Партизан Кузин</b>	.	.	.	.	.	.	.	41
<b>Память</b>	.	.	.	.	.	.	.	47
<b>По следам фронтового письма</b>	.	.	.	.	.	.	.	51
<b>Фронтовые реликвии</b>	.	.	.	.	.	.	.	57
<b>В огне танковых сражений</b>	.	.	.	.	.	.	.	61
<b>Выпускники сорок первого</b>	.	.	.	.	.	.	.	65
<b>Участник Парада Победы</b>	.	.	.	.	.	.	.	75
<b>Наставники</b>	.	.	.	.	.	.	.	80
<b>Перо и штык</b>	.	.	.	.	.	.	.	91
<b>Ускоренный выпуск</b>	.	.	.	.	.	.	.	103
<b>Почетный боец студенческого отряда</b>	.	.	.	.	.	.	.	109
<b>Юность, войной опаленная</b>	.	.	.	.	.	.	.	114
<b>О друзьях, товарищах</b>	.	.	.	.	.	.	.	126
<b>Сердца девичьи</b>	.	.	.	.	.	.	.	131

Виталий Дмитриевич Лесев

### ДОЛГ ПАМЯТИ

Редактор О. Л. Опрышко

Художник М. С. Кастрюкин

Художественный редактор И. Г. Абрамов

Технические редакторы: Б. Х. Булатова, Н. М. Рахманова

Корректоры: В. А. Вымяткина, Т. Т. Юркова

ИБ № 1028

Сдано в набор 13.03.83. Подписано к печати 05.06.83. Ч00774. Формат  
70×100<sup>1/32</sup>. Бумага типографская № 1. Гарнитура журнальная рубленая.  
Печать высокая. Усл. печ. л. 5,85. Усл. кр.-отт. 5,93. Уч.-изд. л. 6,16:  
Тираж 2000 экз. Заказ № 2755. Цена 25 коп. Издательство «Элбрус».  
Нальчик, ул. им. адмирала Голонко, 6. Полиграфкомбинат им. Революции  
1905 года Госкомиздата КБАССР. Нальчик, проспект им. Ленина,  
на, 33